

Литературные чтения
памяти И. Н. Григорьева

СЛОВО. ОТЕЧЕСТВО. ВЕРА.

Выпуск 3

Материалы 4-й Международной
научной конференции,
посвященной памяти поэта и воина
Игоря Николаевича Григорьева
(2020 г., Санкт-Петербург,
Пушкинский Дом)

Санкт-Петербург
2020

УДК 82-95
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
С48

С48 Слово. Отечество. Вера : вып. 3 : материалы 4-й Международной научной конференции, посвященной памяти поэта и воина Игоря Николаевича Григорьева (2020 г., Санкт-Петербург, Пушкинский Дом) / сост. Н. В. Советная. – СПб., 2020. – 276 с.

ISBN 978-5-907223-82-0

В третий сборник «Слово. Отечество. Вера» вошли материалы IV научной конференции «Радость и надежда в русской литературе» (6 ноября 2020 г., ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом), Санкт-Петербург), посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне (1941–1945).

Продолжая традицию, литературные чтения имени поэта и воина Игоря Григорьева (1923–1996), объединяют писателей и учёных, общественных деятелей Союзного государства и других стран, которые делом и словом служат великой миссии русской литературы: говорить о надежде и радости – о мечте, об идеалах, о вере в будущее, о счастье, об истине.

В нынешние времена, когда порицается нравственность, осмеивается целомудрие, патриотический героизм, а человеческие пороки возносятся, словно подвиги, из уст писателей и учёных – исследователей лучших человеческих качеств – звучат слова правды, слова веры, любви и надежды.

УДК 82-95
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907223-82-0

© Авторы статей, 2020
© Международный институт резервных
возможностей человека, 2020

Часть I

Анатолий Андреев

СТРАХ И РАДОСТЬ – ДВА ПОЛЮСА В ЛИТЕРАТУРЕ

Радость в литературе – тема неожиданная, хотя кажется, что простоватая в своей очевидности. Радость – одна из самых распространенных эмоций, литература, как известно, коллекционирует эмоции, следовательно, в литературе радость присутствует в изобилии. Чего ж вам больше?

Берите и описывайте формы и способы проявления радости в литературе, в поэзии, в частности, – освещайте, так сказать, технологическую сторону вопроса.

Но не все так просто с радостью, поскольку является она многоуровневым чувством, эмоцией философской. Именно так: философия радости – это особая тема, и присутствие ее в литературе – вопрос сложный и непроясненный.

Начать, конечно, следует с природы радости как философски окрашенной эмоции. Эмоции, психологически утверждающей определенную систему ценностей.

Радость сама по себе не ценность; радость – это способ утверждения ценности.

Скажи мне, по поводу чего ты радуешься, и я скажу, кто ты.

Какие эмоции являются самыми распространенными в мире?

Страх и радость.

Из двух главных эмоций – страха и радости – первую мы оставим умственно нищим, а вторую закрепим за умственно богатыми.

В эмоциональном плане умственный прогресс выражается

в движении от страха к радости: чем умнее человек, тем меньше в нем страха и, соответственно, больше радости. Почему?

Потому что умный человек живет ради счастья, он движется к счастью, радость сопровождает его, будучи и средством, и целью эмоциональной динамики. Истина, счастье, радость – в одном ряду. Радость – вот базовая эмоция умного человека, который понимает, что счастье есть. Это в полном смысле христианское чувство.

Более того, радость, так сказать, вырабатывается из страха, страх является сырьем для радости. Поэтому умный человек не испытывает страх перед страхом, ибо он научился его укрощать. Именно подобная специализация – укрощение страха – делает человека культурным.

А теперь оценим следующий эмоциональный расклад. Первый эмоциональный маркер нашей эпохи – превалирование страха над радостью (интеллекта над разумом, психики над сознанием).

Второй (который необходимо рассматривать в контексте первого) – позиционирование бесстыдства (слово моральных табу) как высшего проявления свободы.

Бесстыдство – дитя страха, плод комплекса неполноценности. Человек бесстыдный мстит за свою ущербность, за то, что он не в состоянии состояться как личность. Он чувствует, что выше окружающих по интеллекту; но еще больше чувствует то, что между ним и человеком разумным – пропасть.

Отсюда эксгибиционизм, всякого рода скандальные перформансы и вообще поведение сумасшедшего (шута горохового) как «маркеры» свободы. Под свободой они понимают степень искренности и открытости. То есть если ты открыто считаешь себя скотом (что прямым текстом прописано в произведениях, например, нобелевского лауреата Э. Елинек) – ты достиг максимальной степени свободы. Если при этом своему поведению придать легкий налет художественности и артистизма, офор-

мить его как «художественную акцию», то от сумасшедшего до узника совести или, на худой конец, свободного художника – один шаг.

Иными словами, не только моральные, но и сознательные регуляторы поведения в принципе исключаются из кодекса бессовестных. Они аморальны – и это еще полбеда; они аморальны, ибо антикультурны: вот где беда.

Специализация такого психотипа – разрушение как способ созидания своей «геростратовой» идентичности.

Разумеется, такие типы, которые сегодня моментально становятся героями массмедиа, просто находка для тех, кто находится в состоянии информационной войны с нашей цивилизацией. Бесстыдные на голубом глазу отчебучивают джигу на гробах предков, испепеляя информационное пространство вокруг себя.

Первая сакральная жертва таких «героев» – личность, разумеется.

Вторая – семья.

Третья – государство.

Четвертая – человечество.

Считать ли их этих блаженных «слуг дьявола» врагами?

Безусловно. Пренебрежение моральным кодексом не освобождает от наказания, а подразумевает его. А судить их, согласно уголовному кодексу, надо не за бесстыдство, а за асоциальное поведение. Аморальное есть ипостась асоциального. Закон суров, но то он и закон.

Можно возразить: они как дети (ониждети), они всего лишь искренни и открыты (читай беззащитны), их просто используют, делая де факто врагами.

Они – святая простота, но не враги. Есть разница. Разве не так?

Разъясним «адвокатам дьявола»: нет, не так. У невольных пособников врага нет осознанного мотива злонамеренности

(допустим), но результат их деятельности таков, что и врагу не снилось. Перед нами максимально эффективная в информационной войне вражеская информационная стратегия: свои бьют своих же. Вопрос: заблудшие (допустим) свои – враги или нет?

Если не считать их врагами, инстинкт самосохранения перестанет работать; если считать их врагами, с ними надо воевать как с врагами.

Именно так: на войне как на войне. Бессовестные – это худшие из врагов, ибо это пособники врагов, закамуфлированные под наших.

Поскольку мы говорим об информационной войне, уничтожать их надо прежде всего информационно (не только юридически), на корню – то есть понимание противопоставлять невежеству. У бессовестных надо выбивать почву из-под ног. Если этого нет, значит, наши враги успешно продвигают бессовестных.

Побеждают нас, чтобы было понятнее.

Вот в какой контекст вплетается радость – в контекст информационной войны. И здесь радость становится мировоззренческим оружием. Радоваться жизни, добру, справедливости, красоте, во-первых, надо уметь; а во-вторых, пребывать в такой радости, в позитивном культурном тоне – значит, сражаться за высшие культурные ценности.

Давайте посмотрим в предложенном нами «радостном» контексте на творчество Игоря Григорьева.

В своей работе¹, посвященной анализу стихотворений из книги избранной лирики «Боль»², я написал: «Творчество

¹ Андреев А. Н. «Болен лирикой»: поэтический «сплав» в творчестве Игоря Григорьева // Слово. Отечество. Вера: материалы Международной научной конференции, посвященной 90-летию поэта Игоря Николаевича Григорьева (13 ноября 2014 г., СПб., Пушкинский Дом). СПб., 2015. С. 43–56.

² Григорьев И. Н. Боль. СПб.: Путь, 1995.

Игоря Григорьева – новое слово в литературе – совершенно не лишнее звено в цепи, с помощью которой куется целостность, *сплав* русской культуры. *Боль* Игоря Григорьева, весьма умное, диалектическое чувство, сегодня как нельзя кстати. Дело в том, что вечные ценности могут утверждаться только через *боль*, иначе никак».

Как воспринимать григорьевскую боль в контексте от страха к радости?

Боль – значит, отсутствие радости, но отторжение страха.

Боль – модус радости, вот что я хочу сказать.

Вспомним самое первое стихотворение книги – «Зима 1993».

Заплакали березы:

– Зима нас подвела

Крещенские морозы –

Три градуса тепла.

Заледенело сердце:

В ретивом перебой –

Любовью не согреться.

– Россия, что с тобой?

Где здесь радость? Ее нет. Чему радоваться, когда в России зима в широком смысле, холодно, неуютно, плохо. 1993 год на дворе. Лихолетье. Да и зима как время года какая-то неправильная, не в радость: «крещенские морозы – три градуса тепла».

Однако в отсутствие радости приходит боль, но не страх. Радость переплавилась в боль, боль стала модусом радости.

Книга «Боль» – книга о радости со слезами на глазах от боли. О похищенной радости. О тоске по радости. Но это книга не про страх. Гимна страху у Григорьева вы вообще не найдете. Боль – это то, что можно противопоставить страху в безвременье, когда радость украдена.

Мне кажется, это один из ключей к поэзии Григорьева. Радость «застенчивой красотой» теплится и пробивается сквозь боль звукописью, метафорами, русским ладом стиха.

Не шелохнется, не встрепенется
Отгулявший свое польнок.
Никого – ни синицы, ни солнца,
Только тлен торжествует у ног.
<...>
Не задышат холодные травы,
Отлюбили, отверили в май.
Журавли покоренные правы:
Допивай, допевай. Улетай.
<...>
Лес распахнутый, лист отзвевший,
Птицы смолкшие – сердцу родня,
Я люблю этот мир замеревший,
Ожидающий ясного дня.

Где здесь страх? Это гимн радости, вере, любви – сквозь боль.
Напутствие сыну (стихотворение «Сыну») продиктовано радостью.

Ненастье обескровило зарю:
Всё – сутемь. Ни полночи, ни полдня.
Погоду не закажешь ноябрю –
Бери, какая есть, о вьюгах помня.
<...>
Пустые страсти ветром отряхай,
Себя и версты мерь пройденной мерой.
Тревожься, негодуй, но не вздыхай.
Иди себе и, что дойдешь, уверуй.

Можно радостно признаваться («Я пришел к тебе с приветом, Рассказать, что солнце встало» – А. А. Фет), а можно ра-

достно объясняться («Тревожься, негодуй, но не вздыхай»): есть разница. Объяснение всегда связано с умной, концептуальной радостью, с твердой верой в добро.

Боль как реакция на отсутствие радости – весьма культурное чувство, свойственное личности. Собственно, боль и делает человека – *личностью*.

Или по-другому: ничто, кроме боли, не делает его личностью.

Вот почему доминирующий пафос лирики Игоря Григорьева (при всех нюансах и оттенках) – радость, русская радость как симптом веры в будущее. Страх и будущее – несовместимы.

Что уж говорить о стихах о Победе! Радость и Победа – близнецы-сестры. Григорьев демонстрирует психологию победителя, которая зиждется на вере в торжество в вечные ценности³.

А верить в вечные ценности – это так по-русски.

Вот почему самый радостный из всех романов в русский литературе – «Война и мир» Л. Н. Толстого. На всякий случай, это величайший из романов, которые есть в сокровищнице у человечества.

В заключение отметим, что о радости писать труднее, чем о страхе. Страх рядится в эстетику «прикола», «стеба», нелепости, безобразного, разрушительного. Страх форму ценит выше содержания. Форма – вуалирование пустоты, бессодержательности. За пустотой притаился все тот же страх смерти. Либерализм как доминирующая идеология нашего времени всячески культивирует страх в литературе – и при этом боится, что это заметят. Главная тема С. Алексиевич, еще одного нобелевского лауреата, – страх. Ее лауреатство навязали нам как напутствие: бойтесь и обрящете.

Писать о радости – значит, писать о мечте, об идеалах, о вере в будущее, о счастье. Великая литература не может позволить себе унизиться до страха и «прикола» как ориентиров в культуре.

³ Григорьев И. Н. Набат: стихи о Войне и Победе. СПб.: Путь, 1995.

Великая русская литература, я уверен, находится в ожидании радостного прорыва. За который, конечно, никто и никогда не даст Нобелевской премии в наше опутанное страхом время.

Лидия Довыденко

ВЕРА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Величие духа

Русская литература – неотъемлемая часть православной культуры. Они неразрывно связаны. Православие в русской литературе открывается как всечеловеческая ценность, как высшее достижение человеческого духа вообще. «Православие образует самую глубокую и продуктивную историческую силу русского народа, – писал В. В. Зеньковский в предисловии к сборнику «Православие и культура», – в церкви мы вступаем в общение с живым средоточием силы, с самым важным нашим национальным достоянием. <...> Светом Православия хотим осветить мы всю жизнь, определить все жизненное творчество. Православие ныне открывается русской душе как основа для построения целостной культуры, как единственная сила, способная обновить жизнь, примирить противоречия истории. С глубокой верой в творческие силы православия, в сознании правды и красоты его, хотим мы служить делу обновления русской жизни в свете Православия»¹.

Православная основа отечественной литературы – это творения «иоанновского духа», стремившегося, в отличие от «фаустовского», не столько «утвердить свою волю, сколько исполнить волю Божию»². Русский религиозный философ Н. С. Ар-

¹ Зеньковский В. В. Предисловие // Православие и культура: сб. рел.-фил. статей / под ред. В. В. Зеньковского. Берлин: Рус. книга, 1923. С. 5.

² Казин А. Л. Философия искусства в русской и европейской духовной традиции / под общ. ред. В. П. Сальникова. СПб.: Алетейя, 2000. С. 7.

сеньев, обращаясь к русской литературе, отмечает «дух простоты и подлинности», который имеет религиозные корни, живет в Православной Церкви, во всех великих святых и подвижниках. Их характеризуют трезвенность, сдержанность, глубокое смирение и простота сердца, и в этом, по Арсеньеву, сказывается истинное величие духа. Именно это определяет духовную традицию русской культуры, высоту ее религиозной жизни. В величайших творениях русских писателей Н. С. Арсеньев выделяет главную особенность их подхода – «покоряющую внутреннюю целомудренность», потому что произведение искусства есть форма духовности, которая раскрывается в творческом созерцании. На «глубинность» этого созерцания указывали многие исследователи, в том числе представители западной культурологии: «В России не было Реформации, но у вас были собственные события. Сравните: у вас – татарское иго, у нас – расцвет схоластики и рыцарской поэзии. Русь страдала – и шла вглубь: вспомните проповеди Серапиона Владимирского, “Слово о погибели Русской земли”. Это способность уйти вглубь дала удивительное явление, которое получило название “Северной Фивиады”. Этот путь вглубь и создал традицию»³.

Именно литература конкретного народа в первую очередь дает представление о его духе, его духовной сущности. Да, нельзя отбрасывать индивидуальность и своеобразие каждого поэта, но высокая художественность гениальных произведений строится на глубокой укорененности автора в своем народе. В этой укорененности состоит уникальность и неповторимое своеобразие поэтических личностей, так как они выражают самые высокие чувства, самые лучшие проявления духа народа.

³ Лилиенфельд Ф., фон. Восстановление? Нет, возвращение // Литературная газета. 1988. 13 апр. С. 13.

В XIX веке Россия отличилась грандиозным явлением русской культуры и русского самосознания – явлением Пушкина, творчество которого можно рассматривать как «размеренную, успокоенную, гармоничную Красоту». По мнению русского философа Владимира Соловьева, поэзия Пушкина служит «делу истины и добра», служит «своею красотой». Пушкин соединил наследие православной культуры с западной («Маленькие трагедии», античность). Но «семена народности», православной культуры «запали Пушкину в душу. А там они встречались и переплетались с очарованием античной красоты, античного мира, в романтическом восприятии античности с ее сонмом поэтических божественных существ, столь характерном для «романтического классицизма» конца 18 – начала 19 веков»⁴. Пушкин – вершина русской культуры и художественного творчества. «Как в нем перекликаются разные голоса! Голос его непосредственного вдохновения, его творческого гения и его “музы”»:

Ты детскую качала колыбель,
Мой юный слух напевами пленила,
и меж пелен оставила свирель,
Которую сама заморозила»⁵.

Его музами стали бабушка Мария Алексеевна Ганнибал и няня Арина Родионовна, в отличие от родителей, которые имели незначительное духовное влияние.

⁴ Арсеньев Н. С. Из русской культурной и творческой традиции. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1959. С. 195.

⁵ Арсеньев Н. С. Духовные силы русского народа // Вестник РСХД. 1959. № 4. С. 4.

Ах! умолчу ль о мамушке моей,
О прелести таинственных ночей,
когда в чепце, в старинном одеянье,
Она, духов молитвой уклоня,
С усердием перекрестит меня
И шепотом рассказывать мне станет
О мертвецах, о подвигах Бовы...⁶

В детском общении с няней – один из корней поэтической и духовной жизни Пушкина. Впечатления от теплящейся перед образом лампы, от молитвы и крестного знамени смиренной старушки остались с поэтом на всю жизнь.

И хотя Пушкин мог быть и нецеломудрен, фриволен, даже непристоек в некоторых шалостях, особенно в злосчастный кишиневский период, зато в пору зрелости какое владычество гармонии духа над мятущейся страстностью, какая просветленность!

Этот внутренний стиль пушкинской поэзии коренится в основах русского народного духа, православной традиции благочестия⁷. Корни поэзии Пушкина уходили в самые основы русского народного духа. В творческой традиции православного благочестия русский народ черпал ту трезвенность, то благообразие, ту просветленную простоту и смиренную ясность духовную, которые воплотились в его святых и подвижниках. Оттуда и просветленность внутреннего стиля Пушкина.

Поэт укоренен в русской народной стихии: признание ценностей православной веры, Карамзин, нянины сказки, простые и честные русские люди, не говорящие громких фраз, но верные

⁶ Пушкин А. С. Сон (Отрывок) // Полн собр. соч.: в 10 т. 4-е изд. Л., 1977–1979. С. 168. Здесь Пушкин имеет в виду, скорее всего, няню Арину Родионовну Яковлеву.

⁷ Современные исследователи установили, что Пушкин является потомком двенадцати святых: четверых по прямой линии и восьми по боковым (Черкашин А. А., Черкашина Л. А. Тысячелетнее древо Пушкина: корни и крона. М., 1988; 2-е изд. – 2005). – *Примеч. ред.*

своему долгу, русская деревня и в ее убожестве, и в ее очаровании – это лишь «несколько струй», что объединились в мощном потоке пушкинского творчества.

А знаменитое описание въезда в Москву из «Евгения Онегина» представляет типичное для пушкинской манеры совмещение лирического взволнованного подъема чувства и полного наблюдательности описания мелочей окружающей жизни:

Но вот уж близко. Перед ними
Уж белокаменной Москвы,
Как жар, крестами золотыми
Горят старинные главы.
Ах, братцы! как я был доволен,
Когда церковей и колоколен,
Садов, чертогов полукруг
Открылся предо мною вдруг!
Как часто в горестной разлуке,
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе!
Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!

Вершина поэтических достижений Пушкина – в поразительной лирике зрелого периода творчества. Краткие и полновесные выражения, простота и нежность его творений – как будто они высечены резцом из мрамора или отлиты из бронзы.

Вселенское и вечное

Итак, Пушкин, затем Федор Достоевский дали миру на основе православной веры постижение гармонии, целостность мироощущения, осуществив свое великое призвание, и в этом их

огромное значение. Пушкину было недостаточно романтического мирозерцания, а важна еще и духовная интуиция в постижении сущности мира и иерархии образующих его частей.

Православное мировоззрение позволило русским художникам слова выйти на вселенское и вечное.

Достоевский своим мировоззрением оказался внутренне связан со славянофилами, которые ощущали свое дело не только как глубоко национальное, русское, но также как всемирное. Об этом говорил, например, Хомяков в письме Самарину: «Мы должны знать, что никто из нас не доживет до урожая и что наша духовная, даже монашеская работа вспахивания, посева и прополки является не только русской, а всемирной работой». Эту всемирную работу продолжил Достоевский. Корни мировоззрения писателя, как и у славянофилов, в русском народе, он, как и его народ, «тоскует по успокоению, озарению, по тому, что свято, тому, чему хотел бы преклоняться»⁸. Его завещание – «известная захватывающая Пушкинская речь», которую он держал за полгода до своей смерти, полностью «пронизана большой всемирной точкой зрения о взаимопонимании народов». «Что такое сила духа русской народности как не в ее стремлении ко всемирности и всечеловечности». «Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только стать братом всех людей». Высокое предназначение своего народа писатель видит в том, чтобы «вызывать это взаимопонимание, принимать души других народов братски. Эта всемирная, всечеловеческая широта духа – особенность гения Пушкина, как явления «пророческого»⁹.

Творчество русских писателей XIX века говорит о них как о людях, просветляющих мир. Как никогда, их творчество в их ду-

⁸ *Arsenjev N. Die russische Literatur der Neuzeit und Gegenwart in ihren geistigen Zusammenhängen. Mainz, 1929. S. 49.*

⁹ *Ibid. S. 48.*

ховных исканиях и обретениях востребовано нашей современностью – временем кризисным, эпохой переоценки ценностей, в том числе и в литературе. Современное искусство – увь! – отделяет эстетику от этики, художественное творчество – от совести, вдохновение – от нравственного начала, превозносит темное, подсознательное, физиологическое начало в человеке. Для православной литературы такой подход неприемлем, и мы обязаны бороться против него, во имя дальнейших перспектив. В эпоху всеобщего упадка духовности классики указывает направления и пути реального выхода из кризиса.

«В сегодняшний день истории, – отмечал Н. Бердяев, – необходимо утверждать примат духовной культуры над всякой политикой. Необходима глубокая духовная реакция против так долго господствовавшего внешнего, политического отношения к жизни. Задача, которая стоит прежде всего перед Россией, есть задача исцеления от духовного недуга. Цель, которая стоит перед Россией, прежде всего лежит в сфере духовной культуры»¹⁰.

¹⁰ *Бердяев Н. А. От редакции // София: проблемы духовной культуры и религиозной философии / под ред Н. А. Бердяева при ближайшем участии Л. П. Карсавина и С. Л. Франка. Вып. 1. Берлин: Обелиск, 1923. С. 3.*

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И ВЕРБАЛЬНО-ОБРАЗНОЕ
ОФОРМЛЕНИЕ СОСТОЯНИЯ НАДЕЖДЫ
В ЖЕНСКОЙ ЛИРИКЕ О СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЕ

В современном литературном процессе заметное место занимают литературно-художественные произведения о войне, начавшейся на востоке Украины в 2014 году и, к глубокому сожалению, не прекращающейся и по сей день. Эти произведения, весьма разнообразные по родолитературной и жанровой принадлежности и, конечно же, по индивидуально-стилистическим характеристикам, в большинстве своём представляют и безусловный исследовательский интерес – как для аспектного, так и для комплексного филологического осмысления. Существенную часть этого словесно-художественного творчества составляют произведения, принадлежащие перу авторов-женщин, которые, как представляется, могут быть весьма плодотворно исследованы в разнообразных лингвистических и филологических аспектах.

Нам уже приходилось в ряде работ касаться темы своеобразия женской лирики, созданной в период донбасской войны XXI века [см., например: 2; 3; 4]; в настоящей статье мы остановимся на рассмотрении средств и способов художественно-образного осмысления одной из концептуально значимых для поэзии этого времени понятийных категорий: ёмкого и многогранного понятия «надежда», значимость которого для авторов анализируемых произведений очевидна даже при поверхностном знакомстве с их произведениями.

С позиций философии надежда трактуется как «эмоциональное переживание, возникающее при напряжённом ожидании субъектом желаемого и предвосхищающее вероятность его свершения», а также как «общечеловеческая универсалия культуры, фиксирующая данное состояние в качестве ценности» [6, с. 653].

Лингвистическое осмысление данного понятия на современном этапе развития языка, зафиксированное в толковых словарях настоящего периода, закономерно выглядит как более узкое и конкретизируемое различным контекстным окружением; ср., например: «НАДЕЖДА <...> Ожидание чего-л. желаемого, благоприятного, соединённое с уверенностью в возможности осуществления. Надежда на выздоровление, на благоприятный исход дела. Смотреть, слушать с надеждой. Потерять, утратить надежду. Стоять у кассы в надежде купить билет на концерт (надеясь). || О том, на кого (на что) надеются. Надежда семьи, института. Он – наша надежда! ◇ Возлагать надежды на кого-что. С уверенностью рассчитывать на кого-, что-либо. Питать надежду (надежды). Надеяться. Подаёт надежды кто. О человеке, от которого можно ожидать успехов в какой-л. области деятельности, на каком-либо поприще. Лстить себя надеждой; лститься надеждой. Надеяться, утешаться надеждой» [1, с. 577].

Как можно видеть, описание интересующего нас понятия, представленное в толковом словаре, не ограничивается лишь объяснением его семантики (характеристика одного значения и одного оттенка значения), но содержит также сведения об употреблении слова в различных контекстах, раскрывая тем самым наиболее типичные сочетаемостные возможности данной номинации, и о вхождении в наиболее активно функционирующие в современном языке устойчивые выражения (питать надежду, утешаться надеждой и др.). Толковый словарь, таким образом, позволяет составить и некоторое представление – на системно-языковом уровне – об образном осмыслении данного

понятия, хотя, как правило, эта образность осознаётся носителями языка в довольно незначительной степени, в особенности при пользовании им в чисто практических целях.

Особое место понятие «надежда» занимает в русской и в целом восточнославянской лингвокультурах, прежде всего – в системе сложившихся в них ценностей, поскольку вкладываемое в данную ментальную категорию содержание явно выходит за рамки только понятийного (в качестве сигнификата) осмысления, приобретая очевидные характеристики концепта: понятия, которое «приросло» разного рода культурными (в первую очередь – национально-культурными) смыслами, превратившись тем самым в сознании человека в «сгусток культуры», в виде которого «культура входит в ментальный мир человека» [7, с. 43].

Сведения о концептуально-ценностной значимости понятия «надежда» куда в большей степени отражают комплексные словари особого характера, появлением которых ознаменованы последние десятилетия прошлого и начало нынешнего столетий, где не только содержится развёрнутое описание спектра собственно значений того или иного понятия, но и раскрываются его связи с экстралингвистической действительностью: прежде всего с национальной культурой определённого этноса, а также с этнографическими, социальными, коллективно-психологическими и иными его особенностями, заключающими в себе национально-культурное своеобразие народа. Одним из словарей подобного рода является «Словарь русской ментальности» В. В. Колесова и других, тип которого руководитель подготовившего его авторского коллектива, профессор В. В. Колесов, определяет как синтетический историко-семантический Словарь [5, I, с. 4].

В этом словаре отмечена, в частности, соположенность понятия «надежда» с некоторыми обозначениями эмоционального состояния человека, где смысловой компонент, или, пользуясь лингвистической терминологией, сема 'надежда', также являет-

ся одним из ведущих (это такие состояния человека, как чаяние, мечта, упование и под.), ср., в частности: «Надежда – терпеливое ожидание желаемого, поддерживаемое уверенностью в возможности его осуществления (в отличие от чаяния и мечты), в том числе и материального (в отличие от упования).

Надежда вселяет в человека силы, является его опорой, приютом в трудных обстоятельствах («счастье скоро покидает, а надежда никогда»). Иметь надежду – считать исполнение своего желания вероятным («колотись, бейся, а всё надейся», «век живи – век надейся»)» [5, I, с. 479]. В словарной статье, посвящённой концепту «Надежда», фрагмент из которой приведён выше, смысловое наполнение данного ментального образования, как можно убедиться, иллюстрируется рядом лингвистических единиц устойчивого характера коллективного языкового сознания, в которых зафиксировано преимущественно народное (наивно-философское) его осмысление: это паремии (пословицы и поговорки), некоторые фразеологизмы и другие устойчивые выражения.

Словарная статья содержит также объёмную группу могущих употребляться с данной номинацией эпитетов (их большинство), а также определений с невыраженной образностью (всего 43 единицы) и ряд афористических высказываний известных личностей (писателей, философов, деятелей культуры и других). Помимо этого, в данную словарную статью, как и во все другие в словаре, включены этимологические сведения об описываемом концепте, которые, как это уже не раз подтверждалось исследователями, существенно способствуют более глубокому и многогранному осмыслению концептуально-ценностной значимости любого понятия.

В женской лирике о современной войне в Донбассе надежда – абсолютно ожидаемо для создаваемой женщинами поэзии в принципе – является неотъемлемым компонентом авторского мироощущения и мировосприятия, что вполне явственно

осознаётся уже при первом прочтении отобранных для анализа стихотворений. Однако, с нашей точки зрения, правомерно говорить и о некоторых особых средствах и способах словесно-художественного воплощения этой ценностной категории в рассматриваемом материале.

Так, весьма любопытен, по нашему мнению, тот факт, что явная вербализация (т. е. употребление в различном контекстуальном окружении собственно номинации интересующего нас понятия) в 20 проанализированных стихотворениях встречается лишь трижды; приведём контексты, это подтверждающее (во всех приводимых здесь и далее цитатах курсив мой):

1) Ты ещё прозреешь, Украина,
Хороня надежды и сынов,
А Донбасса горькая судьбина
И твою взбунтует в жилах кровь
(Людмила Деева, «Ты ещё прозреешь, Украина» [8, с. 24]);

2) Люди, пережившие войну,
Обозначив жизнь свою пунктиром,
Каждый день у Бога просят мира,
Чтоб увидеть новую весну
На пути в счастливую страну,
Оплатив проезд своею кровью,
С верою, надеждой и любовью
Люди, пережившие войну
(Виктория Мирошниченко, «Люди, пережившие войну...» [8, с. 139]);

3) Господи, крошево битой Надежды
Пусть растворится в запахе йода ...
Вера
былая
разбита
небрежно.
... Рвётся душа в небеса, на свободу!
(Елизавета Хапланова, «От имени выжившей» [8, с. 285]).

Наиболее традиционное – не только для употребления в художественной поэтической речи, но и для использования слова «надежда» в принципе – контекстное осмысление понятия «надежда» наблюдаем в стихотворении В. Мирошниченко (пример 2), где функционирует образ «Каждый день у Бога просят мира / <...> с верою, надеждой и любовью / Люди, пережившие войну». Однако этот достаточно широко распространённый образ существенно «обновляется» автором за счёт включённости его в оригинальный поэтический контекст – причём как в достаточно очерченный (строфический), так и в более развёрнутый. Отмечая широкую распространённость рассматриваемого образа как в русской, так и в целом в восточнославянской культуре, мы прежде всего имеем в виду концептуально значимое для русской ментальности традиционное представление об эмоциональном состоянии надежды как тесно взаимосвязанном с состояниями веры и любви, которое сформировалось на православных основах. Именно этот контекст, детально характеризующий, исполнения чего именно ожидают лирические субъекты, способствует актуализации в концептуальном понятии «надежда» компонента уверенности в том, что ожидаемое непременно свершится: «Люди, пережившие войну... Каждый день у Бога просят мира, / Чтоб увидеть новую весну / На пути в счастливую страну, / Оплатив проезд своею кровью, / С верою, надеждой и любовью / Люди, пережившие войну».

В стихотворении Л. Деевой «Ты ещё прозреешь, Украина» (пример 1) номинация «надежда» функционирует в составе индивидуально-авторской глагольной метафоры («Хоронить надежды и сынов»), участвующей в формировании введённого в поэтический контекст образа Украины, прежде всего – в придании ему антропоморфичности: «Ты ещё прозреешь, Украина, / Хороня надежды и сынов, / А Донбасса горькая судьбина / И твою взбунтует в жилах кровь». Индивидуально-стилистиче-

ское звучание используемой метафоре придаётся объединением в составе этого тропа разнопорядковых понятий: отвлечённого «надежды» и конкретного «сыны» (что немаловажно – со стилистической окраской ‘высокое’), которые употреблены в одинаковой грамматической форме (винительный падеж множественного числа), в данном случае подчёркивающей их общую отнесённость к процессу потери (образно обозначенному лирическим субъектом как процесс похорон).

Явно индивидуально-авторское осмысление рассматриваемого понятия наблюдаем и в стихотворении Е. Хаплановой «От имени выжившей», где, кроме включения его в метафору, дополнительно эстетически осложнённый эпитетом («крошево битой Надежды»), что уже само по себе существенно повышает образность высказывания, использован приём контекстуального перевода имени нарицательного (‘надежда’) в имя собственное (Надежда) – приём, получивший широкое распространение в поэзии символистов, обычно квалифицируемый ими и исследователями их творчества (например, В. В. Гофманом) как «приём большой буквы». Этот приём, безусловно, ещё более повышает экспрессивность как стихотворного фрагмента, приведённого в качестве иллюстрации (строфа), так и лирического текста в целом. В условиях строфы это, помимо уже отмеченных приёмов, обеспечивается рядом других: введением метафоры с номинацией «Надежда» в более «глобальную» – развёрнутую – метафору («крошево битой Надежды... растворится в запахе йода»); включением её в высказывание, осложнённое обращением («Господи...»); семантической связностью (как минимум по линиям «Надежда – Вера» (надежда – вера) и «крошево битой Надежды – Вера разбита») с метафорой в следующем высказывании строфы, которое к тому же оформлено как «лесенка» (Вера / былая / разбита / небрежно).

Однако гораздо чаще, как свидетельствуют наши наблюдения, концепт «надежда» воплощается в анализируемых

стихотворениях не декларативно прямо, а иными способами, которые можно обозначить как косвенные. В подобных случаях поэтический контекст актуализирует один либо несколько компонентов концепта, как правило, без номинирования его самого, однако с подчёркиванием концептуального содержания функционирующего ментального образования различными лингвостилистическими средствами и способами.

Надежда на окончание войны – это, вне всякого сомнения, основное, главное чаяние всех лирических субъектов, действующих в анализируемых произведениях, которое в подавляющем большинстве случаев тождественно и авторской позиции. По нашим наблюдениям, в рассматриваемых произведениях оно наиболее часто передаётся с помощью комплекса грамматических средств, в котором основная роль принадлежит глаголам, употребляемым в грамматических формах повелительного наклонения и будущего времени изъявительного наклонения. Подтвердим сказанное конкретными примерами из анализируемых стихотворений:

1) Я верю в то, что всё пройдёт...
Что Соломон, конечно, прав –
Войны проклятой сгинет лёд
Убийц, как смертников, поправ...

Я знаю, будет снова мир.
Не знаю, сколько будет слёз,
Но соберёмся мы на пир
Задав вопрос:

– Неужто кончилась война?
Неужто, гром, не канонада?
Неужто вновь пришла весна...
Любовь нам скажет: спать не надо!
(Любовь Кочина, «Холодно-жаркое лето 2014 года» [8, с. 118];

2) И, жизнь сохранив в горсти,
Дыханием грея нашим,
Мы после – Господь простит –
Из мирной пригубим чаши
(*Виктория Мирошниченко, «Мы пили вино войны...»* [8, с. 135]);

3) Мы выстоим под артобстрелом зла,
Преодолев безумье убивавших,
И, слезы утерев, помянем павших,
Собравшись у победного стола
(*Виктория Мирошниченко, «Война вошла в наш немудрённый мир...»* [8, с. 138]);

4) По пути отпадёт шелуха,
Претерпев, очищаясь, укрепнем,
Не стесняясь линялых отрепьев,
Мы войдём в Отчий Дом без греха
(*Светлана Тишкина, «Третий Рим»* [8, с. 274]);

5) ... Мирной ночи, мой город!
Пусть звёзды на небе сойдутся
Так, чтоб с новой зарёй повезло... повезло... повезло...
Доброй ночи, мой город!
(*Елизавета Хапланова, «В ожиданье червонной зари...»* [8, с. 283]).

Отмеченные способы осмысления концепта «надежда» в некоторых из проанализированных стихотворений настолько значимы не только в плане семантико-стилистического воплощения раскрываемой темы, но и в плане композиционного оформления лирического пространства, что эти произведения представляется целесообразным привести полностью. Это, например, «Молитва» Л. Кочиной или «Вернёмся к человечности, друзья!» С. Тишкиной:

М о л и т в а

Обращаюсь к тебе, Господи,
Не за золотом-серебром:

– Мой Луганск стоит над пропастью,
Сохрани родной наш дом!

Сохрани мою Луганщину!
Протяни ей длань над пропастью.
Подарить дай внуков пращурам
И спаси людей от горестей.

Дай нам силу, чтобы выдержать.
Сердце укрепи нам верностью.
Мы готовы тебя выслушать!
Чтобы души были в целости.

Боже, наш Луганск, над пропастью!!! [8, с. 118].

В е р н ё м с я к ч е л о в е ч н о с т и , д р у з ь я !

Вернёмся к человечности, друзья!
Вернёмся из войны в объятия мира!
К чему в душе хранить такой изъяз?
Вернём её в обычную квартиру,

Где облака рисуют тишину
И безмятежность сини небосвода,
Где безопасно подходить к окну,
Чтоб насладиться вдоволь кислородом,

Где детский смех струится без забот
И счастьем наполняет всю округу
Благоуханьем радостных частот...
Где дождалась любимого подруга.

И пусть пока не всё ещё сбылось,
И отравляет душу непрошенье,
Пора переключить земную ось
На мирной жизни светлое течение [8, с. 275].

В первом из лирических произведений, в котором, даже без учёта характерного названия («Молитва»), очевидны признаки жанра стихотворной молитвы, функционирующая в лирической структуре система глаголов повелительного наклонения создаёт своего рода композиционный каркас, организующий собственно содержание стихотворения и задающий магистральное направление развития его смысла. Эта система включает семь глагольных форм: употреблённое дважды 'сохрани' (родной дом; Луганщину) – 'протяни' (длань) – 'дай подарить' (пращурам внуков) – 'спаси' (людей) – 'дай' (силу) – 'укрепи' (сердце). С нашей точки зрения, грамматическая форма, в которой находятся объединённые в лирическом тексте в систему глаголы (форма единственного числа второго лица повелительного наклонения), выбрана автором для подчёркивания содержания в данных лексемах смысла весьма удачно, тем более что часть этих глаголов (как минимум 'сохрани', 'спаси' и 'укрепи') принадлежит к ключевым для большинства молитв словам.

Повышению экспрессивности словесного пространства лирического текста в данном случае в немалой степени способствует также включение в него лексических элементов, явно отсылающих к традициям классической поэзии – высокой книжной лексики ('длань', 'пращуры'), а также номинаций фольклорного характера ('злато-серебро'), также принадлежащих книжной и/или устаревшей лексике.

Словесное пространство второго из приведённых стихотворений организовано по иному принципу – в нём наиболее значимой для воплощения концептуального смысла частью является первая строфа, которая тесно взаимодействует с названием произведения. Наиболее явным показателем взаимосвязанности, точнее, взаимообусловленности означенных структурных компонентов стихотворения является буквальная (лексическая) повтор в них глагольной формы 'вернёмся' (трижды: в названии и дважды в первой строфе) плюс употребление в послед-

ней строке первой строфы глагола 'вернём', практически тождественного глаголу 'вернёмся' как по грамматическим характеристикам (как и глагол 'вернёмся', он имеет форму первого лица множественного числа будущего времени), так и по семантике.

Сконцентрированный в начальной части лирического текста концептуальный смысл семантически-образно конкретизируется в трёх следующих строфах, где лирический субъект раскрывает детали такой желанной для всех мирной жизни, на наступление которой прежде всего и надеются и он сам, и те, к кому он обращается как к единомышленникам (глагол 'вернёмся' по определению предполагает совместное действие нескольких участников): облака рисуют тишину; безмятежность сини небосвода; детский смех струится без забот и счастьем наполняет всю округу и т. д.

Градационному наращиванию вложенного в произведение позитивного смысла во второй, третьей и четвёртой строфах стихотворения существенно способствует использование приёма анафоры: все определительные придаточные (три из четырёх придаточных частей, входящих в конструкцию значительного по объёму сложноподчинённого предложения, которое начинается последней строкой первой строфы и заканчивается предпоследней строкой третьей строфы) присоединяются к главной части в многокомпонентном сложном предложении союзным словом 'где'. Не менее значимым для градационного оформления в лирической структуре концептуального содержания оказывается и приём синтаксического параллелизма, нашедший выражение в отнесённости всех придаточных определительных частей к одной и той же главной (однородное подчинение, или соподчинение), а также вынесение в отдельное простое предложение (парцелированную конструкцию) ещё одной фразы, начинающейся союзным словом где. В структурно-смысловом отношении эта конструкция практически идентична трём предыдущим придаточным частям, логично продолжая образную

конкретизацию деталей мирной жизни, к которой обращены все мысли и чаяния лирического субъекта.

Таким образом, даже фрагментарный анализ ряда стихотворений, принадлежащих перу поэтов-женщин, которые созданы лишь в первые два года войны на Донбассе, демонстрирует довольно широкое разнообразие способов и приёмов авторской концептуализации понятия «надежда», находящее выражение прежде всего в контекстуальном его осмыслении (причём как в рамках микроконтекста, так и в условиях контекста более широкого – вплоть до охвата всего стихотворного произведения). Наряду с использованием этих способов и приёмов, как правило, довольно явственное воплощение находит и индивидуально-стилистический подход – как к выбору, так и к организации используемого языкового материала (это, в частности, предпочтение стилистически маркированной лексики определённых групп или же обращение к таким стилистическим фигурам, как повтор, анафора, параллелизм).

Используемые поэтессами средства художественной изобразительности, а также стилистические приёмы и способы, реализуемые на разных уровнях художественного текста, в гармонично построенном лирическом произведении оказываются подчинёнными единой общей установке: воплощению средствами словесного искусства значимого для автора концептуального содержания, которое в большинстве случаев сопровождается и своеобразием индивидуально-стилистической манеры, проявляющейся в специфике отбора используемого языкового материала и / или его организации.

Представляется, что свойственная лирическому произведению гармоничность и эстетическая мотивированность, находящие выражение в первую очередь во взаимосвязи (взаимообусловленности, взаимодополняемости и под.) всех художественно-образительных приёмов и способов, которые привлекаются поэтессами для образного осмысления раскрываемой темы,

в известной степени позволяют судить и о степени авторского таланта, хотя это, безусловно, может считаться лишь одним из его показателей в довольно широком и далеко не однозначно трактуемом перечне.

Л и т е р а т у р а

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.
2. Зайцева И. П. Жанр стихотворной молитвы в русской поэзии: функционирование в современном социально-культурном контексте // Русский язык в поликультурном мире: I Международный симпозиум (8-12 июня 2017 г.) / отв. ред. Е. Я. Титаренко: сб. науч. ст.: в 2 т. Т. 1. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017. С. 398–405.
3. Зайцева И. П. Русская литература на рубеже тысячелетий: проблемы изучения и развития: материалы науч. конф. (Луганск, 4 апреля 2017 г.) / под ред. Л. В. Черниенко; ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко». Луганск: Книга, 2018. С. 8–19.
4. Зайцева И. П. Война XXI века в современной женской лирике // Диалог искусств и арт-парадигм: Статьи. Очерки. Материалы. Т. XI: по материалам II Международного научного форума «Диалог искусств и арт-парадигм» «SCIENCEFORUM PAN-ART II». Парадигма «война и мир». К 75-летию Победы. 7–8 мая 2020 года / ред.-сост. А. И. Демченко. Саратов: Саратовская гос. консерватория им. Л. В. Собинова, 2020. С. 463–474.
5. Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности: в 2 т. Т. 1. А–О. СПб.: Златоуст, 2014. 592 с.
6. Новейший философский словарь / сост. и гл. науч. ред. А. А. Грицанов. 2-е изд., перераб. и доп. Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. 1280 с.
7. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М.: Академический Проект, 2004. 992 с.
8. Строки мужества и боли...: сб. произведений писателей юго-восточного Донбасса. М.: ИПО «У Никитских ворот», 2015. 360 с.

МОТИВ КОЛОКОЛЬНОГО ЗВОНА В ЛИТЕРАТУРЕ И ЖИВОПИСИ «СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА»

Представления о «серебряном веке» русской культуры еще в 1940 году были верно определены Н. А. Бердяевым: «В эти годы России было послано много даров... Это была эпоха пробуждения в России самостоятельной философской мысли, расцвета поэзии и обострения эстетической чувствительности <...> многое из творческого подъема того времени вошло в дальнейшее развитие русской культуры и сейчас есть достоинство всех культурных людей»¹. Яркое возрождение на рубеже XIX–XX веков духовного потенциала русской религиозной философии обусловило глубокую внутреннюю соотнесенность в культурном пространстве «серебряного века» основных философских открытий с напряженными исканиями Истины в русском искусстве.

Одним из влиятельных было течение метафизики всеединства, основанное Вл. Соловьевым, которое, по верному наблюдению С. С. Хоружего, «стремилось выразить средствами философии одну из коренных интуиции русской духовности, убеждение в цельности и единстве, истинной связи и гармонии бытия»².

«Частные или ограниченные существования, сами по себе не имеющие достойного или идеального бытия, – писал Вл. Со-

¹ Бердяев Н. А. Самопознание. М.: Книга, 1991. С.140.

² Цит. по: Вагнер Г. В поисках истины. Религиозно-философские искания русских художников. Середина XIX – начало XX в. М.: Искусство, 1993. С. 154.

ловьев, – становятся ему причастны через свое отношение к абсолютному во всемирном процессе, который и есть постепенное воплощение его идеи. Частное бытие идеально или достойно, лишь поскольку оно не отрицает всеобщего, а дает ему место в себе, и точно так же общее идеально и достойно в той мере, в какой оно дает в себе место частному»³.

В искусстве обозначился процесс поиска реальных жизненных примет изначального единства мира и человека. Отсюда стремление проследить связь незначительных, на первый взгляд, состояний, мигнов бытия и открыть в них тайну вечности, незыблемых общих законов.

Данное небольшое исследование ставит задачей показать на избранных примерах, какую роль в произведениях русских писателей и художников играл образ колокольного звона.

Среди русских писателей начала века, особенно остро ощущавших сложную взаимосвязь человека с окружающим миром и выразившим ее в самобытной лирико-импрессионистической манере, бесспорно, первым должно быть названо имя Ивана Алексеевича Бунина.

Мыслью о необходимости существования в человеческой жизни духовной высоты проникнут рассказ «Над городом» (1900), очень камерный, заостряющий тему духовности применительно к исканиям личности по сравнению, например, с «Эпитафией», прогностическим «цивилизационным» рассказом художника.

Лаконичный рассказ этот, как и многие бунинские вещи такого рода, поражает своей содержательной емкостью. На трех страницах писатель умеет создать философски глубокую, художественно-яркую картину бытия в динамике развития, в столкновении контрастов, с мягкой лирической «подсветкой» и стройным мажорным ладом.

³ Соловьев Вл. Красота в природе // Соловьев Вл. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. М.: Книга, 1990. С. 100.

Сюжет его крайне прост: воспоминание героя о том, как он в детстве взбирался на колокольню. Любовно, колоритно воссоздает он свои детские впечатления. Прекрасно «срабатывает» здесь у Бунина прием «двойного видения»: ясный, доверчивый детский взгляд – и рядом тонкая «поправка» рассказчика из «настоящего времени».

Так, детскую душу, показывает автор, от высоты охватывает чистый восторг минуты: «Хорошо глядеть на все это сверху – видеть у себя под ногами верхушку березы! С высоты все кажется красивее, меньше»⁴. Повествователь же оценивает те детские впечатления, философски обобщая их: «...до сих пор мне приятно думать, что хоть иногда поднимались мы над мешанским захолустьем, которое угнетало нас длинными днями и вечерами, хождением в училище, где гибло наше детство, полное мечтами о путешествиях, о героизме, о самоотверженной дружбе, о птицах, растениях и животных, о заветных книгах! Птицы любят высоту, и мы стремились к ней»⁵.

Как точно здесь обозначены Буниным ориентиры духовности, возвращенные гармоничным детским сознанием: в неразрывной связи в нем сосуществовали и нравственные постулаты человеческих отношений, и живой мир, окружающий человека, и мир «заветных книг» и мечтаний...

Благодаря подбору импрессионистически точных деталей Бунину удается создать поразительный эффект «сиюминутности», зримого и пластичного впечатления: влезая на колокольню, мальчики замечают над головой «перекрещивающиеся в пыли и паутине балки», «суздальские облупившиеся иконы, кадило с оборванными цепями», «черничку-галку, с пухом в клюве...»⁶. А затем – ярким контрастом возникающий вид «с

⁴ Бунин И. А. Над городом // Собр. соч.: в 4 т. М.: Правда, 1988. Т. 2. С. 200.

⁵ Там же. С. 201.

⁶ Там же. С. 199.

высоты» с белым, опрятным двором, с «прозрачными кружевами зелени, необыкновенно нежной и свежей»⁷.

Центральным же художественным эпизодом этого рассказа является описание колокольного звона. Повествователь вспоминает, как тогда же в детстве он «однажды, поднявшись на верхнюю ступеньку, вдруг увидал... на колоколе барельефный лик строгого и прекрасного Ангела Великого Совета и прочитал сильное и краткое веление: “Благовестуй земле радость великую...”»⁸. Надпись эта поразила его, и открытая светлomu и высокому детская душа получила для себя не просто объяснение смысла того деяния, что производил звонарь, дурачок Васька, заставлявший детей испытать «восторг перед гигантской силой звуков», но и чувство приобщения к этому деянию: «...точно сами мы были участниками в возвышенном назначении колокола благовествовать радость»⁹. Бунин здесь передает это детское состояние удивительным импрессионистическим образом: «Затерявшиеся в звуках, мы как будто сами носились по воздуху вместе с их разливающимися волнами...»¹⁰.

И далее подтекстовая мысль художника может быть прочитана так: тот, кто однажды (хорошо, если в детстве) попадет в силовое поле высокой красоты и проникнется ею, навсегда сохранит ее свет, ее духовную энергию. Недаром же в финале лирический герой рассказа, скорбящий от несовершенства жизни, мечтает вновь взобраться на колокольню, раскатать колокол, а когда ответят другие колокола, «позабиться, затеряться в бурных звуках», а затем хотя бы «на мгновение» поверить самому и напомнить людям, что «Бог не есть Бог мертвых, но живых»¹¹.

Велика значимость такой духовной устремленности Бунина

⁷ Там же. С. 200.

⁸ Там же. С. 202.

⁹ Там же. С. 202.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 203. См.: Лк 20:38.

на рубеже веков. В традициях русской классики он мыслит значение художника, да и человека вообще, «благовествовать радость», уметь и учить видеть красоту живой жизни в ее Божественном предназначении. Если, к тому же, помнить, что речь идет о связи с древней духовной культурой, то содержательная емкость рассказа, о которой мы говорили выше, окажется в нашем восприятии еще более глубокой.

Имя Максима Горького до сих пор в массовом сознании более всего ассоциируется с образом пролетарского писателя, выразителя революционных идей. Однако непредвзятое прочтение многих горьковских текстов, от ранних до завершающего его творческий путь романа «Жизнь Клима Самгина», убеждает, что это художник, рано постигший многие бытийные проблемы и талантливо отразивший их. Анализ поэтики его прозы может убедительно свидетельствовать о становлении в художественном сознании Горького принципов нового художественного мышления, приведших уже к 1910-м годам к развитию неореализма, убедительно заявившего о себе в творчестве самых ярких художников слова этой эпохи: Ив. Бунина, Ив. Шмелева, Б. Зайцева, С. Сергеева-Ценского и др.¹² Как было замечено еще в начале XX века, «литератор нащупывает теперь возможность нового, одухотворенного реализма, который, давая нам внешнюю правду вещей, не утаивал бы и ее внутренней сущности, раскрывал бы в отдельных явлениях общий смысл жизни»¹³.

И самое главное: Горький – один из немногих писателей, сумевших художественно-полновесно показать радость приобщения человека к Божественной истине (повесть «Жизнь Матвея Кожемякина», 1911)

¹² См.: Захарова В. Т., Комышкова Т. П. Неореализм в русской прозе XX века: типология художественного сознания в аспекте исторической поэтики: учебное пособие. Н. Новгород: НГПУ им. К. Минина, 2014. 238 с.

¹³ Колтоновская Е. Критические этюды. СПб.: Просвещение, 1912. С. 15.

В рамках данной работы обратимся лишь к циклу рассказов «По Руси» (1912–1916). В горьковедении анализ этого цикла проводился неоднократно, чаще всего с точки зрения создания здесь собирательного образа русского народа, проблемы национального самосознания, поиска положительного идеала; говорилось о появлении в рассказах органических черт горьковского творчества – жизнеутверждающего настроения, социального протеста, неприятия пассивности, убежденности в необходимости кардинального переустройства жизни.

Осветить же сборник «По Руси» в луче «неореализма» – это значит посмотреть на своеобразие выражения в нем общечеловеческого начала, религиозного чувства, представления о причастности человека к жизни мироздания, сложной социальной и исторической взаимообусловленности бытия.

Одной из задач литературы в ту пору Горький считал необходимость будить в Руси «сознание ее красоты, силы... придавать ей ощущение радости бытия»¹⁴, подобные строки можно обнаружить в 1910-е годы в письмах его ко многим адресатам. Цикл «По Руси» свидетельствует, что сам Горький был достаточно последователен в ее решении.

Что же включало в себя горьковское понимание красоты? Прежде всего, оно связано у него, конечно же, с миром природы. Именно она символизирует для писателя одухотворенную гармонию мира.

Но прекрасны, по Горькому, и творения рук человеческих: «Не с чем сравнить церкви. Их много, некоторые очень красивы, и когда смотришь на них – весь город принимает иные, более приятные и ласковые очертания. Если бы люди строили каждый дом, как церковь...»¹⁵. Это размышления Проходящего в рассказе «Губин». В рассказе же «Ледоход» лейтмотивом, сопровождающим развитие действия, является пасхальный ко-

¹⁴ Горький М. Собр. соч.: в 30 т. М.: ГИХЛ, 1953. Т. 29. С. 129.

¹⁵ Горький М. Губин // Там же. Т. 2. С. 51.

локольный звон, тонко символизирующий связь между людьми и трепетно-неуловимым, одухотворяющим началом красоты жизни.

Сюжет рассказа воспроизводит реальное событие из жизни молодого Алексея Пешкова, работавшего в плотницкой артели на другом берегу Оки, в Кунавинской слободе близ Нижнего Новгорода. Накануне Пасхи плотники решили отправиться в город по льдинам во время ледохода, что было строгойше запрещено и грозило гибелью. Переходом руководил матер плотницкой артели Осип.

Именно колокольный звон оказал свое призывное действие на людей: «Работали плотники – а в городе печально и призывно пела медь колоколов. Головы рабочих поднимались вверх, глаза задумчиво тонули в серовой мгле, обнявшей город, и часто топор, занесенный для удара, нерешительно, на секунду останавливался в воздухе, точно боясь разрубить ласковый звон»¹⁶.

Во время перехода по льдинам, читаем у Горького, голос Осипа «звучит немолчно, певуче, и людям очень приятно слышать, как хорошо сливается он со звоном колоколов»¹⁷. Или: «Грустно вздыхает гулкая медь колоколов, но – я помню, что через сутки, в ночь, они грянут весело, возвещая воскресение. Дожить бы до этого звона!»¹⁸. Как видим, здесь у Горького формула красоты включает в себя гармонию человека и внешнего мира, связанную именно с духовными началами бытия.

В финале рассказа передано мажорное настроение Проходящего, связанное именно с таким восприятием: «Гудят, поют колокола, и радостно думается: “Еще сколько раз я встречу весну!”»¹⁹. Заметно, что даже прямая авторская сентенция финала может быть до конца расшифрована лишь с учетом ассоци-

¹⁶ Горький М. Ледоход // Там же. Т. 11. С. 18.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 20.

¹⁹ Там же. С. 27.

ативно-символического конца рассказа: природа в ее могучей и непредсказуемой живой силе, волнующий, торжественный колокольный звон, настраивающий души людей на иной, небудничный, высокий лад, и сам человек, убежденный, что душа «крылата» – вот составляющие этого кода.

В русской живописи этой эпохи мы обнаруживаем во многом схожие тенденции. Особенно показательны в подобном контексте творчество М. В. Нестерова и И. И. Левитана. В ограниченных рамках данного материала обратимся к наследию Левитана.

Необычный характер пейзажного творчества И. Левитана давно определен формулой «левитановский пейзаж-настроение», что означало: «пейзаж стал рассматриваться не только как образ природы, но и как выражение душевного состояния»²⁰. Причем, безусловно, «в этом сказывался не только собственный живописный талант Левитана, но и, в первую очередь, особый тонус мировосприятия художника, присущее ему благоговение перед жизнью» (А. Швейцер), сознание связи с природой, связи не только физической, но и духовной»²¹. Такая духовная связь с природой могла возникнуть только на почве глубокого понимания его внутренней жизни, философского смысла (недаром он так любил поэзию Тютчева). Это сумели почувствовать еще его современники. А. Бенуа писал: «Не одна красота форм трогала Левитана (напротив, к «классически» красивым местам он оставался равнодушным...), а самая жизнь природы – то, что все живет и хвалит Создателя»²².

Как справедливо замечено, «в самой этимологии этого слова – “настроение” – определенно усматривается связь его значе-

²⁰ Богемская К. Г. Пейзаж. Страницы истории. М.: «Галарт», 1992. С. 235.

²¹ Петров Вл. Исаак Ильич Левитан. СПб.: «Художник России», 1993. С. 24.

²² Бенуа А. Русская школа живописи. Вып. I. СПб.: Изд. т-ва Р. Голике и А. Вильборг, 1904. С. 79.

ния с уходящим в глубокую древность представлением о гармоническом строе мироздания ... о том, что “мир звучит и любовью постигается”»²³.

Биографы Левитана отмечали значительное воздействие на него философии всеединства Вл. Соловьева – особенно ему были близки представления о мистической связи человека с «мировой душой», прекрасными началами мироздания. Полагаем, стоит подчеркнуть и очарованность Левитана православной верой, несмотря на то что художник не принимал крещения. К примеру, в одном из писем из Ниццы в 1894 г. он писал Н. В. Медынцеву: «...Вы, вероятно, уже <...> сидите в своей семье <...> накануне светлого праздника – предвестника весны. Вероятно, через час раздастся благовест – о, как люблю я эти минуты, минуты, говорящие о жизни правды. <...> Зачем я здесь?»²⁴. Отдельная тема – образы храмовой архитектуры, опоэтизированные в живописи Левитана. Они возникают на многих картинах художника: «У церковной стены» (1885), «После дождя. Плѣс» (1889), «Вечер. Золотой Плѣс» (1889), «Над вечным покоем» (1894), «К вечеру» (1889).

В интересующем нас аспекте наибольший интерес представляют замечательные полотна Левитана «Тихая обитель» (1890) и «Вечерний звон» (1892). После появления «Тихой обители» на передвижной выставке в 1891 г. имя Левитана стало знаменитым. Картина была главным событием выставки.

Современников Левитана подкупило не только мастерское воссоздание золотой предзакатной поры в окрестностях скромного русского монастыря. «Художник насытил изображение сладким и грустным чувством “покоя и воли”, просветленной созерцательности и какой-то праздничной, благостной тишины»²⁵.

²³ Там же. С. 66.

²⁴ Цит. по: Петров Вл. Исаак Ильич Левитан. С. 66.

²⁵ Там же. С. 63.

Такой тонкий ценитель Левитана, каким был Чехов, сумел почувствовать и даже отразить в своем творчестве присутствие в этой картине надмирного начала. Речь идет о повести Чехова «Три года», героиня которой Юлия Сергеевна размышляет о впечатлениях, полученных на выставке от поразившей ее картины (в описании последней угадывается левитановское творение): «На первом плане речка, через нее бревенчатый мостик <...> на том берегу тропинка, исчезающая в темной траве... А вдали догорает вечерняя заря <...> и захотелось ей идти и идти по тропинке, а там, где была вечерняя заря, покоилось отражение неземного, вечного»²⁶.

Левитану удалось сквозь тихое, любовное созерцание русского мира выйти к проникновению в таинственный смысл бытия (чувство тайны рождается из «спрятанности» монастыря за лесом). Истина, открывшаяся художнику, предстала прекрасной, светлой, торжественной, позолоченной солнцем, как оклады русских икон.

Это произведение Левитана явило, по нашему мнению, некую убедительную иллюстрацию суждениям Вл. Соловьева, писавшего в работе «Общий смысл искусства»: «...существующие ныне искусства в величайших своих произведениях схватывают проблески вечной красоты в нашей текущей действительности и, продолжая их далее, предваряют, дают предощущать нездешнюю, грядущую для нас действительность и служат, таким образом, переходом и связующим звеном между красотой природы и красотой будущей жизни»²⁷.

Дальнейшее углубление духовных откровений, несомненно, было дано Левитану при создании картины «Вечерний звон» (1892), продолжающей основную тему «Тихой обители». Это

²⁶ Чехов А. П. Три года // Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М.: Наука, 1977. Т. 9. С. 65–66.

²⁷ Соловьев Вл. Общий смысл искусства // Соловьев Вл. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. С. 134.

полотно столь же сердечно-созерцательно, как и предыдущее. Однако здесь торжественней и полновочувственней выражена тема прекрасного «неземного, вечного». Воистину художнику уже много открылось, и белый монастырь уже не спрятан за лесом, а гостеприимно выступает из-за него. И небо, именно небо, высокое, прекрасное в нежных переливах предзакатных тонов, доминирует в картине. А река, в своей зеркальной глади отражающая небо, теперь просторней и полноводней; изгиб уводит взгляд вдаль и одновременно сообщает картине черты закругленности, символизирующей гармоничный круг мироздания. Мотив зеркальной отраженности, знакомый нам и по нестеровскому сюжету, сообщает ощущение бездонности глубины, усиливает тему отраженности небесного в земной жизни, его безграничности.

По сравнению с «Тихой обителью» созерцательное начало здесь более активно: и там зрителей увлекает за собой тропинка, ведущая к монастырю, мостик через речку, но здесь, в «Вечернем звоне», есть еще мотив благовеста, светло и одухотворенно призывающего к себе. Активность созерцательной устремленности к средоточию прекрасного в стройном храме выражена фигурками людей, в лодке переправляющихся в монастырь. И заманчиво приглашающе выглядят у края картины тропинка, мостик-причал и две пустые лодки с лодочником, ожидающие каждого желающего.

Однако усложненность авторского мировосприятия видится здесь в том, что теперь перед нами не мостик, легко связывающий между собой тропинки на разных берегах, а именно переправа, рубеж, отделяющий один мир, здешний, дольний, пустынный, закрытый тенью, от прекрасного, сияющего во славе золотого заката мира, устремленного своими крестами-куполами к миру горнему.

Все же думается, эта тема рубежа смягчается присутствующим в картине центростремительным началом, влекущим по

широкой, за рекой, дороге в распахнутые настежь ворота вверх к монастырю, выше которого в композиции только небо.

Безусловно, прав современный исследователь, считающий: «... вряд ли было бы преувеличением сказать, что порой в его реалистических пейзажах, может, более всего – в “Вечернем звоне”, в задумчивой тишине, теплом золоте, мягкой лазури и празелени колорита, текучести линейной основы вдруг ощущается совершенно определенное родство с образом высшего смысла мироздания, универсального всеединства, некогда воплощенным Андреем Рублевым (конечно, неизвестным Левитану) в его гениальной иконе, созданной, “дабы воззрением на Святую Троицу побеждался страх ненавистной Розни мира сего, побеждало начало любви”, слияние с солнечным кругом бытия»²⁸.

Подводя итоги данному небольшому исследованию, заметим: в сложном, многоукладном искусстве «серебряного века» заметной была устремленность к постижению связи земного и Небесного. Художников слова и кисти волновала высокая красота духовных начал бытия, и среди них – красота колокольного звона русских церквей, воплощающая в себе надежду и радость Благовестия.

²⁸ Петров Вл. Исаак Ильич Левитан. С. 79.

НАДЕЖДА И РАДОСТЬ В КОНЦЕПЦИИ МИРА И ЧЕЛОВЕКА СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Источники Надежды и Радости в творчестве русских писателей второй половины XX–XXI в. главным образом зависят от роли христианской традиции. Творческая индивидуальность писателей разных поколений, судеб, совпадающих во взгляде на культуuroобразующую основу русской словесности, позволяет проиллюстрировать преемственность литературных явлений и инвариантное ядро отечественной литературы. Надежда и Радость, воспринятые в контексте христианской традиции, несут в себе представление о собирании народа и целостности культурного пространства России. Данные ценности реализованы в концепции мира и человека в прозе Л. И. Бородин (1938–2011) и М. А. Тарковского (род. 1958). Они реставрируются через анализ составляющих авторской позиции и включены в контекст переживания Надежды на спасение, дарованное Христом, и Радости, позволяющей перенести скорби земного существования и наполнить смыслом писательское служение. Эта особенность осуществляется на разных уровнях художественного текста. В современной литературе со всей очевидностью проявляется тенденция усиления роли эго-документа. Дистанция между жизненным опытом автора и героя, претворенным в произведении, сокращена до минимума в разных художественных системах. Повествователь и главный герой в своих отношениях с окружающими и миром представляют концепцию, основанную на христианских ценностях. Л. И. Бородин, чей жизненный и творческий путь неотделим от понимания «христианства как

философии сохранения человеческого рода» (так называлась одна из первых его статей) [3, т. 7, с. 641], считал: «... если писатель пишет книгу для торжества Православия, у него наверняка не получится. У меня самая православная книга – „Год чуда и печали“. <...>. Сами проблемы вины, ответственности, страдания, смысла жизни, как мне кажется, подняты в ключе православном. Это моё мнение, но мне так говорили и люди, мнением которых я дорожу» [3, т. 7, с. 565]. М. А. Тарковский в главу «Исповедь» «рождественской повести» «Фарт» (2017) включает существенный для уточнения его кредо диалог о Льва и главного героя писателя Игоря Михайловича Баскакова о смысле творчества для религиозного человека. В этом диалоге священник дает такой совет: «Сейчас многие хотят стать православными писателями. <...>. Я говорю: братья дорогие, не перегружайте книги церковной риторикой, не красуйтесь цитатами из Писания, пишите житие современного человека, в котором воплощается духовный идеал. <...>. Люби Бога. Люби Родину. Помогай их единству» [8]. Биографические факты, включенные в историю героя, дают основания для максимального сближения Баскакова и автора, претворяющего совет в свою творческую практику.

Из сказанного вытекает необходимость определенного Гоголем отношения к слову как к «высшему подарку Бога человеку». Попытка в творчестве передать переживание надежды на спасение и «радость о Господе», обусловленную видением мира как Божьего Творения, приводит к тому, что радость может воплощаться в ситуациях величайшей скорби и отчаяния. В мемуарах «Без выбора» Л. И. Бородин вспоминает о чуде, давшем радость и укрепление после ареста, в момент глубокого уныния и осознания бессмысленности второго срока (в отличие от первого по делу ВСХСОН¹). Во время неожиданного ночью

¹ Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа – подпольная антикоммунистическая организация, существовавшая в СССР в 1964–1967 гг. – *Примеч. ред.*

го вызова из камеры охранник протянул ему «что-то завернутое в шелковый платочек <...>. То было выточенное из дерева пасхальное яйцо» [1, с. 248]. Как оказалось, это был дар от Натальи и Георгия Владимовых. «В руке сжимал драгоценный подарок и явственно чувствовал, как что-то меняется в моем сознании и сознании ситуации, что перемена эта добрая, спасительная... <...> Всё! Действительно! Всё мгновенно встало на свои места. Не по логике, а по чуду. Потому что именно в миг <...>. Прежний опыт неволи подсказывал, что чудеса, укрепляющие дух, также еще будут. И были» [1, с. 249–250]. В Лефортове после предъявления обвинения по «убийственной 70-й статье» разрешили забрать в камеру изъятую при обыске повесть «Год чуда и печали», «и мой родной Байкал стал словно рядом, всего лишь под подушкой» [1, с. 250]. Эта одна из самых пронзительных повестей о детстве не только для детей, написанная во время головки во Владимирской тюрьме, куда писателя перевели за неисправимость. Повесть написана в 1970 году, была изъята при освобождении в 1973-м, затем автор её «восстановил через пять лет» [1, т. 6, с. 265]. Впервые опубликована «Посевом» (Франкфурт-на-Майне) на русском языке в 1981 году, затем – в 1984 году на французском и английском языках. В России впервые издана в 1991 году.

По точному наблюдению И. А. Ильина, первым произведением, зримо передавшим встречу детской души с православием, было «Лето Господне» И. С. Шмелева: «... с тех пор как существует русская литература, впервые художник показал эту чудесную встречу мироосвящающего Православия с разверстой и отзывчиво-нежной детской душой... Шмелёв показывает нам русскую православную душу в момент ее пробуждения к Богу, в период ее первого младенческого восприятия Божества; он показывает нам православную Русь – из сердечной глубины верующего ребенка» [4, с. 127]. Роль повести Л. И. Бородина, созданной в трагических обстоятельствах второй полови-

ны XX века, важна как образ сохранённой традиции в светском творчестве в Советской России, мироощущение ребенка объясняется именно этим, поскольку более осознанное воплощение традиции в силу объективных обстоятельств воспитания не могло быть осуществлено. «Много мне поведала купеческая дочь, но ни слова о Боге и ни слова о советской власти. Пока она была жива, мы существовали с ней вдвоем в несколько странном национальном поле, куда злоба или доброта дня длящегося не залетала. То было поле духа, единого национального духа, но, как понял много позднее, духа всё же ущербного, ибо без высшей явности духа – Духа Свята; о Его присутствии мне поведало не было», – так вспоминает бабушкино воспитание Л. И. Бородин [1, с. 9]. Радость бытия воспроизведена автором в христианском контексте через состояние любви к миру и людям подростка, целостность детского восприятия мира (позже расколото, но восстановленного благодаря осознанному усилию взрослого). С учетом личных обстоятельств, Радость объяснима только опосредованным и доопытным восприятием религиозной традиции, усвоенной героем благодаря бабушке через русскую литературу. Подобную роль сыграла бабушка в судьбе М. А. Тарковского с существенным уточнением: «Бабушка заложила во мне основы, открыв три двери: в русскую природу, в русскую литературу, в Православный храм...» [5]. В основе повести Л. И. Бородина история первой любви автора, пережитая в двенадцать лет. В художественном отражении любви к Божьему миру ведущую роль играет пейзаж с центральным образом Байкала. Пробуждение духовной природы человека – одна из важнейших функций пейзажа у Л. И. Бородина. Параллелизм состояний природы и человека у писателя раскрывает подспудное представление об иконичности Творения, что проявляется в активности пейзажа. «Чувствовать красоту мира – ведь это и значит любить! Это значит все прочие чувства превратить в любовь, которая становится единственным языком общения

души с миром» [2, с. 46–47]. В «Годе чуда и печали» открывшийся великолепный вид байкальских просторов возвышает людей, пробуждая уснувшие души. «Вы увидите в этих лицах редчайшее выражение доброты, открытости, искренности, вы осязаемо уловите тогда факт того самого подобия, коим человек отличается от всякой прочей твари и что делает его собственно человеком» [2, с. 7].

В подобной функции представлен пейзаж с центральным образом батюшки Енисея в очерках и художественных произведениях М. А. Тарковского. Переживание Надежды и Радости воплощено в синтезе фольклорных и христианских образов, составляющих душевную жизнь героев. Так, например, в романе «Тойота-Креста» (2011) в сильной позиции заглавия произведения, центральной 2-й главы («Крест»), в сквозной символике креста (потеря креста главным героем Евгением Барковцом во время душевной смуты, кедр на фоне монастыря в родном Енисейске и др.), в народной песне, в акцентировании основной детали крестьянского дома – матице звучит гимн традиции, исторической роли христианства в формировании национальной картины мира. В прославлении языка как фактора культурной общности М. А. Тарковский обращается к его церковнославянской основе, хранимой церковью. «Особенно трогало его чтение молитв на церковнославянском, уже казавшимся главным, основным языком по сравнению с варварски выправленным спрямленным современным. Необыкновенной красоты графика, буквы, с такой любовью и нежностью восставшие вдруг в сердце и будто там пребывавшие. Поражало, что четырех лет назад кто-то так же произносил эти слова, и они звучали с той же нестигаемой неизменностью, и его кровинушка уже тогда существовала, участвовала в жизни – там, в шестидесятиградусных зимах, в многовековом морозном мороке. <...>. Читая даже незнакомый текст на старославянском, он ловил и угадывал течения и уже предчувствовал смысл – как проходишь

на моторе по незнакомым порогам, не зная фарватера, но умея понимать реку. И как по родной дороге, двигался он в то унынии и невнимании, то в благодати, и добирали смысла слова, испытывая, привыкая, подпуская ближе и ближе» [7, с. 325]. Преемственность и родственность воплощены в символике монастырей Енисейска и Москвы, названных братьями. Письмо Насти к старшему брату главного героя Василию Михайловичу написано стилем, соответствующим глубине внутреннего мира героини. Для неё общение со святыми – реальность духовной жизни, дарящей надежду на спасение. Старшему брату она передает икону его покровителя, святого мученика Василия Мангазейского. Среднему брату, Евгению, напоминает батюшка Енисей «гулким и родным голосом» [7, с. 389]: «Вот тут Настя с Енисейска кричит: Святых Отцов пусть читает! А они как говорят? Не тщишь, человек, изменить судьбы Божия на земле – думай о спасении своей души...» [7, с. 391].

В интервью М. Бойковой «Глубинные читатели – это ценители серьезной глубокой литературы» М. А. Тарковский сформулировал представление о традиции: «И еще в литературе очень важна зримость и национальная глубина характера, узнаваемость героев. Если кто-то произносит “современная книга”, я думаю, с ним бесполезно продолжать разговор, поскольку в этом слове заложена идея нарушения преемственности русской литературы» [6, с. 41]. Переживание Надежды и Радости как основы концепции мира и человека воплощает целостность национального пространства. В 3-й части романа «Тойота-Креста» «Распились» происходит перенос значения слова с реалий дальневосточного бизнеса на состояние русского человека постсоветского времени. Преодоление разорванности («так и не сшил я ни куски своей жизни, ни лоскуты земли родной» [7, с. 388]) возможно в диалоге с традицией. У Л. И. Бородина легенды байкальского края преобразуются аксиологией христианства, внесших в них понимание прощения, покаяния,

радости вопреки непреодоленной печали. У М. А. Тарковского матица из дохристианского устройства крестьянского дома (в глубинном своем значении синонимична слову «корень») привносит смысловые акценты в отражение мироощущения современного человека, в котором автор видит то, «как русская душа приняла и допроявила учение Христа» [7, с. 326]. Когда Женя, «выходя из ворот монастыря вьюжным утром, допроявлял его своим кедром со сломанной вершиной и дивился, как уже и на улице доверчиво освоюсь, длятся в душе напевные икосы Акафиста: ”Радуйся, яко безумнии глумителие над тайнами веры тобою посрамляются“» [7, с. 326], через эту радость чувствует себя частью национального мира. Интонация Надежды и Радости включается в заданное дорогой движение эпического повествования лирическими стихотворениями автора, эпиграфами и посвящениями ряда глав, сокращая физическую дистанцию (от Москвы через Сибирь до Дальнего Востока) переживанием родственности автора, людей, его окружающих, и литературных персонажей. Центральный мотив поэтического цикла из семи стихотворений, открывающих самую трагическую 3-ю главу, – обращение к Евгению Барковцу лирического героя: «Я твой напарник, Я вернулся тебя сменить» [7, с. 224]. Подобно Л. И. Бородину, преодолевающему трагизм ситуации обращением к детскому мироощущению, герой М. А. Тарковского, теряя друга, любимую, переживая новый распутинский сюжет затопления, на грани собственной гибели обретает опору в надежде и спасение в собирании смысла. Она в переживании радости как основания общей жизни, корнем которой для всех трех братьев является православие. Возвращается из Москвы в Сибирь младший брат Андрей, оператор, для истории которого биографический эпизод творчества М. А. Тарковского становится испытанием на крепость веры. Конфликт с бывшим соавтором документального фильма о старшем брате, произошедший из-за искажения образа сибиряка, в финале романа

уравновешивается образом «идеального духовного современника», созданного ладом семьи, посвящениями глав и созидательными делами современников, истории которых подытоживают роман. Младший брат выстраивает образ семьи: «Вот ты, Михалыч... Знаешь, такие пабереги есть, ровные, как мостовая все из камней, и камни как кувалдой забиты, гладкие, плотные – настолько их льдом заровняло <...>. Вот ты, Михалыч, такой... Ты крепкий. Ты собой этот берег крепишь. <...> А Женька, он другой. Он одинокий. Но ему так правильной... Потому что в одиночку... к алтарю идут... <...> я <...> приехал... К вам... Потому что вы знаете, зачем живете... А я тоже без смысла не могу <...>. И я... так люблю вас!» [7, с. 406].

Переживание Надежды и Радости в обращении к Святым. Слово звучит в минуты наивысшего волнения и приближается к читателю, диалог с живой традицией дает возможность испытать «радость о Господе», способствует развитию душевного действия и служит «собираению» человека. Приближение великого к малому достигается через восприятие родства лучшими предшественниками посредниками между Богом и человеком. Евгений говорит Андрею: «Иоанн Кронштадский... Ты знаешь... <...> это такие люди были... Когда вникнешь, они как старшие братья становятся» [7, с. 408].

Момент истины в оценке неудачи с присвоенным и испорченным соавтором фильмом о России: «Надо быть научиться, а не героев выдумывать» [7, с. 409]. Финал романа представляет Русь в образах невыдуманных людей, любящих Бога и служащих России. «Сердца этих подвижников <...> очищают своим пламенем тяжкий наш воздух, нашу тьму безбожную, и пламя покачивается, и потрескивают свечи...» [7, с. 412].

Л. И. Бородин реставрирует детское мироощущение, представленное через православные ценности, М. А. Тарковский в образах современников, усвоивших православную традицию, через лирические акценты эпического повествования, эпигра-

фы, посвящения отображает в творчестве основания мира и человека. Подобный выбор в современной литературе, вероятно, единственный путь для создания позитивного образа современника и реализации воспитательного потенциала словесности. В обоих случаях глубина православной традиции воплощена на уровне композиции, системы образов, символики, интертекстуальных связей и воссоздает переживание Надежды и Радости, той самой, когда «печаль ваша в радость будет» (Ин 16:20, 22).

Л и т е р а т у р а

1. *Бородин Л. И.* Без выбора. М.: Молодая гвардия, 2003. 505 с.
2. *Бородин Л. И.* Год чуда и печали. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1991. 239 с.
3. *Бородин Л. И.* Собр. соч.: в 7 т. М.: Изд-во журнала «Москва», 2013.
4. *Ильин И. А.* Православная Русь. «Лето Господне. Праздники» И. С. Шмелева // Собр. соч.: в 10 т. Т. 6, кн. 2. М.: Русская книга, 1996. С. 124–131.
5. *Тарковский М. А.* Бабушкин внук // Роман-газета. 2018. № 7. [Электронный ресурс]. URL: <http://журнальныймир.рф/content/babushkin-vnuk> (дата обращения: 05.06.2020).
6. *Тарковский М. А.* «Глубинные читатели – это ценители серьезной глубокой литературы» // Читаем вместе. 2020. № 5. С. 40-41.
7. *Тарковский М. А.* Тойота-Креста. М.: Эксмо, 2016. 416 с.
8. *Тарковский М. А.* Фарт // Дон. 2017. № 10–12. [Электронный ресурс]. URL: <http://журнальныймир.рф/content/fart> (дата обращения: 07.06.2020).

ПРИХОДСКАЯ ПРОЗА НАЧАЛА XXI века: ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ

Приходскую прозу, без сомнения, можно отнести к активно развивающемуся явлению современного отечественного литературного процесса. Ее возникновение тесно связано с возрождением сельских церковных общин, которое наблюдается в последние несколько десятилетий. Следует отметить, что создателями приходской прозы являются сами священнослужители, поэтому в произведениях отражается их уникальный пастырский опыт, особенности взаимодействия с людьми, находящимися как внутри церковной ограды, так и за ее пределами, что позволяет воспринимать приходскую литературу в частности как ценный этнографический источник, содержащий богатейший материал о жизни, быте и менталитете современного человека. Содержательным стержнем многих произведений приходской литературы становится изображение реалий сегодняшней отечественной глубинки, включающих социально-бытовые, семейные, нравственные, ментальные проблемы каждого отдельного человека и общества в целом.

Одним из важнейших аспектов изучения приходской прозы является вопрос о ее генезисе, выявление возможных этапов формирования и обретения ей той формы, в которой она представлена сегодня. К этому же кругу вопросов следует отнести и анализ историко-культурной и литературной ситуации в России первых десятилетий XXI века, определившей основные художественные доминанты исследуемого литературного явления.

Очевидно, что интерес к жизни духовенства, а также к приходской действительности дореволюционной истории России достаточно глубоко освещен в трудах историков, философов, культурологов. Эти работы посвящены организации епархиальной и православно-общинной жизни, роли священника в жизни прихожан, особенностям восприятия пастыря разными социальными слоями и т. д. [2, 3, 11].

Кроме того, наблюдается рефлексия самих представителей духовного сословия относительно нравственных, социальных, психологических функций российского священства, стимулировавшая острые дискуссии относительно «плюсов» и «минусов» церковной жизни как со стороны светского общества, так и внутри священнической корпорации. В этом смысле знаковыми являются «Записки сельского священника» А. И. Розанова (1882), в которых отмечается, с одной стороны, интерес общества к жизни духовного сословия, с другой – поверхностно-тенденциозное освещение насущных проблем: «Литература наша, в последнее время, стала нередко касаться духовенства. Много является повестей и лёгких рассказов, а есть статьи и с явными претензиями на серьёзность. Но, к сожалению, многое, что пишется о духовенстве, пишется односторонне, без знания дела, а иногда и с явным желанием унижить духовенство в глазах читающего мира» [10].

Взгляд «изнутри» на жизнь священнического сословия отражен в очерке свящ. Ивана Беллюстина «Описание сельского духовенства» (1858) [1]. Автор пытается проследить жизнь типичного деревенского пастыря от детских до преклонных лет, отмечая трудности, встававшие на его пути: недостатки образования будущих священников, сложности с получением прихода, затруднения в семейных отношениях, бытовые проблемы и т. д.

На рубеже XX–XXI веков в отечественной литературе происходит возрождение интереса к вопросам веры и церковной традиции. В начале 2000-х годов в литературе появляется груп-

па писателей «особого рода», творчество которых целиком и полностью пропитано не только постулатами православного вероучения, но и безоговорочным авторитетом церкви. Это группа авторов-священнослужителей: архимандрит Тихон (Шевкунов), протоиереи Николай Агафонов, Ярослав Шипов, Александр Шантаев, Александр Дьяченко, Алексей Лисняк, Савва Михалевич, к которой примыкают воцерковленные миряне: Валерий Лялин, Татьяна Шипошина, Борис Споров, Сергей Козлов и др.

Отметим, что в данном контексте речь идет о художественной литературе, что формирует определенный феномен, определяемый современными литературоведами с помощью ряда терминов: «духовный реализм» [8, 4], «православная проза» [7], «духовная литературная проза» [9], «иерейская проза» [5].

В процессе исследования данного литературного феномена отмечается, что при едином векторе, ориентированном на учение Православной Церкви, перед нами писатели разного порядка. В этой связи встает вопрос о разработке классификации православной художественной литературы, в основе которой должен лежать принцип отбора литературного материала и специфика его художественного воплощения.

Отметим, что развитие современной православной литературы началось с выхода в свет повестей и рассказов явно миссионерского порядка. Авторы на примере литературных персонажей и ситуаций, в которых они оказались, формировали различные модели прихода к вере и воцерковления современного и на определенный момент далекого от религии человека. Эти модели обладали различным характером. Воцерковление могло происходить через боль и потери, разочарование в привычной системе ценностей, благодаря встрече с носителем богатого духовного опыта или чуду. Подобные сюжетные коллизии отмечаются в произведениях протоиереев Николая Агафонова, Але-

ксия Мокиевского, Александра Торика, а также авторов-мирян Сергея Козлова, Валерия Лялина, Бориса Спорова, Татьяны Шипошиной и других.

Следует признать, что обозначенное явление формирует особый литературный контекст, в глубинах которого начинает складываться более сложный и на сегодняшний день недостаточно изученный феномен – приходская проза. И в данном контексте возникает еще одна ключевая проблема для исследователя – определение художественных параметров, позволяющих отличить приходскую прозу от других течений современной православной литературы.

Основные содержательные и художественные доминанты приходской прозы выявляются на примере повестей, очерков и рассказов протоиереев Ярослава Шипова, Александра Шантаева, Александра Дьяченко, Алексея Лисняка, Саввы Михалеви́ча, Александра Авдюгина. В настоящее время круг авторов расширяется, появляются новые имена, которые также являются представителями духовенства. И это не является случайным. В приходской прозе на первый план выходит мировосприятие пастыря, его взгляд на свое служение, прихожан, односельчан, собратьев-священников. В ряде случаев предметом размышления автора становится судьба Церкви и попытка определить в ней свое место.

Иными словами, если произведения, раскрывающие особенности воцерковления современного человека, о которых говорилось выше, отражают чаще всего взгляд на Церковь пришедшего к вере человека и нашедшего в ней путь к Спасению, то приходская проза демонстрирует противоположный вектор: взгляд Церкви, обращенный на себя и на окружающий мир.

Предметом размышлений православного священнослужителя, ставшего на путь писательства, является широкий спектр социальных, нравственных, философских проблем российского общества рубежа XX–XXI веков. С этой точки зрения функци-

онально противопоставлять «большой» приход «малому» или сельский – городскому абсолютно неправомерно, поскольку задача у них одна: объединение «верных в совершении главного и первейшего христианского Таинства – Евхаристии...» [12, с. 11]. «...Всеми прочими сторонами и гранями, – рассуждает прот. Александр Шантаев, – приход распахнут в актуальную действительность, открыт всему фронту истории и народной культуры [там же].

Из этого следует, что основе приходской прозы лежит система двухуровневого взаимодействия: вертикаль (человек – Бог) и горизонталь (человек – человек). Особая позиция определяется парадигмой священник – прихожанин, которая относится одновременно к вертикальной плоскости (пастырь как посредник между человеком и Богом, реализующий свою функцию через богослужебно-обрядовый и проповеднический потенциал) и горизонтальной (социальный и психологический уровни взаимодействия).

Разумеется, данный тезис справедлив без каких-либо ограничений, но все же отметим его особую актуальность по отношению к сельской церковной общине, члены которой являются персонажами художественных произведений. Круг их поистине широк: «...помимо рассказчика-священника, – верующие и неверующие, пенсионеры, солдаты, крестьяне-колхозники, милиционеры, „асоциальные и деклассированные элементы“ т. е. все „слои населения“» [6]. Более того, сельский священник, как правило, сверх собственно церковных проблем и богослужебной практики должен решать чисто хозяйственные вопросы и даже в процессе исполнения треб, догматически определенных, учитывать официальный статус односельчан, общаясь в особой обстановке с представителями местных властей, чиновниками, от личности которых во многом зависит благосостояние общины. Но в любом случае в жизненном пространстве современного русского села социальным и сакральным центром остается

храм, а если шире – приход, аккумулирующий метафизический, этический, институциональный, психологический, бытовой аспекты существования сельской церковной общины. Именно единство перечисленных факторов дает возможность говорить о приходской прозе как о едином художественном и эстетическом феномене.

Активизация религиозной жизни села и возрождение приходской жизни во многом обязаны появлению в деревнях молодых образованных священников, среди которых встречаются носители «чисто» городской ментальности, в силу жизненных обстоятельств плохо знакомые с сельской действительностью. Переезд в деревню сопровождается для них открытием новой реальности, а порой и разрушением ранее сформированных стереотипов и иллюзий. Как правило, свои впечатления, мысли, эмоции авторы фиксируют в небольших заметках и рассказах очеркового типа, но в последние годы читатель сталкивается с укрупнением жанровых форм: дневниковые записи выливаются в повести, фрагменты богослужебных журналов, формируются в книгу (яркий пример – творчество свящ. Александра Шантаева).

В итоге приходская литература передает уникальный опыт священнического служения в храмах русской провинции конца XX – начала XXI века. Размышляя о приходских рассказах и очерках, литературовед В. Каплан пишет: «Как правило, речь в них идет о жизни в провинции – в деревнях или маленьких городах, о простых людях со сложными судьбами. Это неслучайно – ведь авторы-священники (большинство из которых служат в провинции) обладают огромным опытом личного общения, прекрасно знают жизнь современной русской деревни» [5].

Несмотря на внимание критиков и литературоведов к данному феномену, ряд аспектов, особенно в сфере поэтики, художественного мастерства, остается неизученным. В частности,

представляется необходимым осветить одну из наиболее значимых, по нашему мнению, проблем – проблему двоемирия как столкновения в авторском сознании двух мировоззренческих систем: должной (идеальной) и реально существующей. Однако сделаем оговорку: речь, разумеется, не идет о двоемирии в духе «классического» романтизма, для которого важен был не столько гносеологический (проблемы сознания), сколько онтологический (проблемы бытия) аспект. В творчестве писателей-романтиков сталкивались две реальности, хотя одна из них могла быть непознанной, невидимой, невыразимой, но тем не менее ее существование не ставилось под сомнение. В нашем же случае феномен двоемирия обладает иными параметрами, поскольку связан со спецификой веры, что явствует из повестей и рассказов священников Я. Шипова, А. Шантаева, А. Лисняка, А. Дьяченко и других авторов.

Конфликт идеального и реального, который воспроизводится авторами, обусловлен тем, что мировоззрение рассказчика, православного священнослужителя, сформировано по принципу вертикального вектора: от временного к вечному. Получив богословское образование, воспитанный на трудах Отцов Церкви, начинающий пастырь чаще всего не обладает опытом сельского приходского служения и общения с деревенскими жителями. Даже при наличии этого опыта идеальная модель все-таки доминирует в его сознании, а реальность, отклоняющаяся от этой векторальности, вызывает целый спектр противоречивых чувств: от резкого неприятия до горького сожаления и молчаливого пассивного созерцания.

В приходской прозе священнослужителей на сегодняшний день ключевыми, как отмечалось, становятся вопросы верования, понимания сути Божьего Промысла, представления о вечности, бессмертии души, посмертной судьбе человека, значимости богослужебно-обрядовых действий. Однако в сельской реальности священник часто сталкивается с фактами «при-

способления» догматического христианства к феномену так называемого народного православия, или двоеверия, а порой и с полным равнодушием к тому и другому. Воспроизведение человеческого равнодушия, духовной слепоты, доходящей до откровенной враждебности, – нередкое явление в духовной литературе сегодняшнего дня, о чем свидетельствует творчество вышеназванных авторов.

Так, в рассказе Я. Шипова «Святое дело» [13] обнажено противоречие между церковной традицией и реальностью, сформированной ментальностью нашего современника, уходящей в атеистическую эпоху. Оторванный от корней, он стал заложником искаженных ценностей и сумбурно смешанных нравственных ориентиров. Для него «помянуть» на кладбище – «святое дело», в то время как молитва об усопшем осознается как нечто второстепенное и необязательное. Эта ситуация получает особую остроту благодаря умелой организации художественного пространства: священник, стоя в полупустом храме, смотрит через открытую дверь на многолюдную улицу. Возникает контрастное противопоставление двух миров: празднично-обрядового и реально-бытового. Вход в церковное здание становится своеобразной границей между ними, способной отражать события, происходящие во внешнем пространстве.

Более полно и глубоко специфика двоемирия и конфликт ментальных моделей раскрываются в произведениях, где на первый план выходит явление «альтернативной духовности», т. е. псевдонародной обрядности, в большей или меньшей степени враждебной догматическому христианству.

Л и т е р а т у р а

1. Беллюстин И. С. Описание сельского духовенства. [Электронный ресурс]. URL: <http://odobrovolskaya.ru/archives/6373> (дата обращения: 14.03.2019).

2. Бердинских В. А. Приходское духовенство и развитие краеведения в XIX веке // Вопросы истории. – 1998. – № 10. – С. 134–138.

3. Добренький С. И. Городская церковно-приходская летопись Петропавловской церкви города Симбирска // Источниковедение и краеведение в культуре России. – М.: РГГУ, 2000. – С. 282–285.

4. Казанцева И. А. Концепция мира и человека в современной прозе духовного реализма // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». – 2015. – № 1. – С. 52–59.

5. Каплан В. Иерейская проза. Станет ли она литературным явлением? [Электронный ресурс]. URL: <http://foma.ru/ierejskaya-proza.html> (дата обращения: 12.12.2019).

6. Кононенко Ю. Феномен «священнической прозы». [Электронный ресурс]. URL: <http://dm-jurevch-67.livejournal.com/52847.html> (Дата обращения: 01.03.2020).

7. Краснякова М. С. Современная православная проза: генезис, основные мотивы, типология сюжетов: дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2016. – 206 с.

8. Любомудров А. М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б. К. Зайцев, И. С. Шмелёв. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – 289 с.

9. Працгерук Н. В. Современная духовная проза: традиции, смыслы, поэтика: учебное пособие. – Екатеринбург: УрГУ, 2018. – 116 с.

10. Розанов А. И., священник. Записки сельского священника. [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/fiction/zapiski-selskogo-svyashhennika> (дата обращения: 19.04.2019).

11. Розов А. Н. Сельский священник в духовной жизни русского крестьянства второй половины XIX – начала XX вв.: дис. ... д-ра культурологии. – СПб., 2003. – 338 с.

12. Шантаев А., священник. Священник. Колдуньи. Смерть: этнографические очерки сельского прихода. – М.: Благо, 2004. – 240 с.

13. Шипов Я., священник. Первая молитва: рассказы. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2011. – 560 с.

Часть II

ПОЭТ РАДОСТИ ВАСИЛИЙ КАЗАНЦЕВ

Когда-то, а конкретно в июне 1991 года, я опубликовал в «Литературной России» материал «Признание в любви», три эссе о трёх поэтах, которых я действительно любил и люблю, – о Василии Казанцеве, Владимире Соколове и Юрии Кузнецове.

Оставалось два месяца до краха Советского Союза... Может быть, интуитивно хотелось защититься настоящей поэзией от надвигающегося на нас мрака.

Эссе о Василии Казанцеве я назвал «Если уровень позволяет...». Приведу отрывок из него:

«Несколько лет назад я был удивлён и опечален, узнав, что в издательстве “Художественная литература” посчитали уровень поэзии Василия Казанцева недостаточным для включения его “Избранного” в так называемый пятилетний план изданий. Недотягивает, мол... Уровень многих и многих, вплоть до Сергея Острового и Михаила Пляцковского, дотягивает, а вот Казанцева – нет.

Хотя не только мне одному и тогда было ясно и теперь, что это один из самых самобытнейших наших поэтов. В лаконизме его стихотворений слились лирика и философия, простота и сложность, музыка и молчание... Вадим Кожин считает, что в нём слились и, условно говоря, “крестьянская” и “дворянская” поэтические стихии – и это “определяет культурно-историческую ценность поэзии Василия Казанцева”.

Для меня это прежде всего – радость от общения с Поэзией. Внешне – традиционной и простой, внутренне – своеобразной и сложной.

Стихи Василия Казанцева регулярно появляются в журналах всех направлений. Он никого не задевает, не участвует в противостоянии и борьбе. Он всех устраивает достойным уровнем своей поэзии. Своей чистой поэзии.

Некоторые стихи я запоминал сразу. Чаше других повторяю стихотворение “В этой радости мне отказали...”. Прекрасное стихотворение!

В этой радости мне отказали.
Но к печали не клонит отказ.
Ну и что! Мне уже обещали
Ту, что радостней в тысячу раз.

Всё длинней, всё изученней будни.
И сквозь будни, где всё прочтено,
Всё настойчивей, всё неотступней
Голос: больше не дам ничего.

Ну и пусть. К благодарной, горячей
Я уже прикоснулся руке.
Я уже побезмолвствовал в чаше.
Я уже искупался в реке.

Нет, к о н с е н с у с ы уже надоели. Дикторы последних новостей умирают на глазах, когда начинает говорить со мной такая поэзия. Русский язык оживает.

Сейчас много публикуют стихов, скажем так, на религиозные темы. Очень много. И хорошо. А Василий Казанцев ещё в 1980 году написал и через три года опубликовал стихотворение, от которого у меня дух захватило тогда. И сейчас им можно открывать любую антологию духовной поэзии. А время тогда было суровое – андроповское: о Боге всё вычёркивали. А тут с таким блеском появляется стихотворение:

Звезда, морозным блеском вея,
Средь горних светится полей.

Руки держащей нет над нею.
Держащей длани нет – под ней.

В морозно-льдиистой тьме простора,
Во мгле неутомимых лет
Звезде опоры – нет! Опора
Звезде – из сердца бьющий свет!

Так что есть определённый уровень, когда всё можно сказать. А в издательстве “Художественная литература”, конечно, ошиблись, сочтя его недостаточным».

Это публикация 1991 года. Прошло почти тридцать лет. Василий Иванович, слава Богу, жив. Ему исполняется 85 лет. В эти годы и он пережил личные житейские потрясения, и страна много чего пережила... Но Василий Казанцев всегда оставался как бы невозмутимым, всё принимал как должное. Приходили строки, работал над стихами – жил только этим. С 1990 года по 2000 у него не вышло ни одной книги. Потом – «Новая книга» (М., 2000), «Смысл» (М., 2000), «Счастливейший день» (М., 2004), «Избранные стихи» (Томск, 2011), «Восторг бытия» (Томск, 2017). Сейчас он подготовил книгу избранных стихотворений «Взлёт».

Что я могу сказать сегодня о поэзии Василия Казанцева. В чём-то я могу сравнить его стихи со стихами, допустим, Басё. Тоже искусное умение сказать многое в немногих словах. И очень, очень изящно...

Некоторое время назад в Германии в русскоязычном журнале «Плавучий мост» появилась большая подборка стихов Василия Казанцева. Составитель её Надежда Кондакова сравнивает Василия Ивановича с Фетом: «Василий Казанцев, кажется мне, наследник по прямой линии поэзии Афанасия Фета, которого чрезвычайно ценил Лев Толстой за его “лирическую дерзость”. О знаменитом стихотворении Фета “Шёпот, робкое дыханье...”

когда-то в полемике с Добролюбовым замечательно высказался Достоевский. “Положим, прошло страшное землетрясение... На другой день выходит газета – и что же в ней? На первом листе – «Шёпот робкое дыханье...». Жители тут же казнили бы всенародно, на площади, своего знаменитого поэта... а через тридцать, через пятьдесят лет поставили бы ему на площади памятник за его удивительные стихи...”. Стихи Василия Казанцева – в большей степени принадлежат тоже вневременным категориям, они не устаревают».

Тоже справедливое сравнение.

Читая стихи Казанцева, вспоминаешь и пушкинское «гений – парадоксов друг». Он бывает очень парадоксален. Порой он поверяет мысли классиков своим опытом. Это тоже интересно.

Нет, не скрывайся, не таи
И чувства, и мечты свои.
... Нет, не погаснет, не затмится
Среди теней лесных, густых –
Высоким светом озарится,
Там, в небе, блеском загорится,
Там, в небе, громом подтвердится,
Там, в небе, в высях, сила их.

Но если говорить о чём-то самом-самом окончательном, присущем своеобразию поэзии Казанцева, о сердцевине, я бы сказал о радости в его стихах. Он противопоставит всяческому нигилизму и тоске.

Я имел некоторое отношение к подготовке к изданию его книги «Избранные стихи» в Томске, на его родине, в 2011 году. Так вот? он тогда сказал, а потом это сказанное включил в своё небольшое предисловие: «Составляя эту книгу, обратил внимание на то, что в новых стихах стало гораздо больше чувств радо-

сти. Отчего? Жизнь вроде бы для этого предоставляет не так уж много поводов. Существует, между прочим, мнение, что стихи, овеянные чувством радости, писать гораздо легче, чем стихи, овеянные чувством грусти. Мне же кажется, что как раз наоборот (я не говорю о стихах бездумно-бодряческих). Ведь чтобы написать стихи, исполненные истинной силы жизнеутверждения, надо иметь эту силу в душе».

Радость, жизнеутверждение, красота жизни... Это Казанцев.

Он то своё предисловие закончил такими словами: «Поэзия устала от слов порицания».

У него слова «радость» и «счастье» есть и в названиях книг, и в названиях разделов в книгах. В наши дни назвать книгу «Счастливым день» или «Восторг бытия»... Вот эта его позиция, а точнее, его глубокая мысль, выражена парадоксально в таком стихотворении:

Когда я буду писать о бедах,
О хмурых, угрюмых, печальных бедах,
О горьких, о трудных, о тяжких бедах,
Я буду писать о минутах счастья.
Но это же будет всё неправда.
Но это же вовсе будет неправда.
Но это будет не меньше, чем правда.
... Но это больше будет, чем правда.

В том сборнике 2011 года один из разделов Василий Иванович озаглавил «Пора счастливым быть». Мне кажется, он всю жизнь счастливый – не скажу, что счастливый человек, но поэт – счастливый.

Это его поэтическая судьба, его путь. И он следует по нему.

Он сам себе предсказал этот путь ещё в молодости. В 1968 году написал такое стихотворение:

Принимаю как должное
От стремительных лет
Невнимание долгое,
Запоздалый привет.

И внимание долгое,
Долговечный привет
Принимаю – как должное.
Страх времени – нет.

Ещё не было тогда долговечного привета, но он знал, что будет. И знал, что бесстрашно будет идти своим путём...

Я сказал про радость и ничего не сказал о мудрости поэзии Казанцева, даже об аналитичности его ума. Казалось бы, аналитичность противопоказана поэту, ан нет. В случае с Казанцевым – получилось хорошо. Он смог пройти по тонкому, не знаю, лезвию или льду... Он довольно рано всё мудро понял о поэзии. Вот стихотворение 1967 года:

Не стремись быть совершенным –
В совершенстве холодок.
Не стремись быть современным –
Станет голос неглубок.
Не стремись быть знаменитым –
Одолеет суета.
Не стремись быть самобытным –
Отвернётся простота.
Ничего-то нет милее
Немудрёных слов и тем.
Будь – честнее. Будь – смелее.
Станешь тем, и тем, и тем.

Казанцев и стал и тем, и тем, и тем...

Сейчас я думаю, что в издательстве «Художественная литература» не включили его книгу в план прежде всего потому, что у него в наличии вообще не было стихов ярко выражено гражданственных. И это смущало высокое начальство. Казанцев не был против советской власти, как не был и за советскую власть. Он за жизнь, за красоту, за добро... И за Родину тоже, но не декларативно. Как-то об этом написал Владимир Соколов: «Всё у меня о России, даже когда о себе».

...Только что приехал из Реутова, где живёт в своей квартире Василий Казанцев. Сравнительно недавно он в неё вернулся. До этого вынужден был восемь лет жить в Голицыне, в так называемом Доме творчества, комнатуха там у него была восемь метров. У него в эти годы была сложная семейная ситуация. Не дай Бог никому, но такое бывает.

Несколько часов мы с ним разговаривали о поэзии и жизни. Я не знал, что с жильём у него и раньше было несколько трудных ситуаций. В Томске, на заре туманной молодости, он, недавний выпускник историко-филологического факультета Томского университета, женился на студентке, жить было негде. Пришлось купить землянку. Да, землянку.

На окраине Томска на склоне большого холма люди рыли землянки, обивали их досками, печку клали – и так жили. У Казанцевых в землянке первый ребёнок родился... Это был конец пятидесятых – начало шестидесятых. Три года они так прожили. И только когда Казанцев стал членом Союза писателей, в 1963 году, семье дали маленькую старую однокомнатную квартиру. Тогда считалось, что писатель не может жить в таких условиях. Через несколько лет литфонд построил ему трёхкомнатную квартиру. Было уже двое детей.

Потом два года учёбы на Высших литературных курсах в Москве. Казанцев тогда колебался: ехать, не ехать. Но поехал. И уверился, что поэту надо хоть какое-то время пожить в Мо-

ске, побыть в её творческой атмосфере. За два года учёбы на ВЛК он близко познакомился с такими глубокими людьми, как Вадим Кожинов, Александр Межиров... почти со всеми известными поэтами той эпохи. Поэтому и стал потом искать возможность перебраться сюда, хотя бы в Подмосковье. Объехал несколько городов, остановился на Павловском Посаде... Потом, через много лет, решили двинуться ближе к Москве, тем более что жена-врач стала работать в Реутове, на самой границе с Москвой...

Одним словом, «квартирный вопрос» мог испортить поэта, но не испортил. В депрессию он не впадал, а продолжал утверждать в поэзии радость и счастье.

И по другой причине он мог стать не таким поэтом, каким стал. Мало кто знает, что в 1937 году его отца репрессировали. Он был продавцом сельмага. В пятидесятых годах реабилитировали. Мать оставалась одна с малыми тремя детьми...

Детство Казанцева пришлось на военные и послевоенные годы. Надо было не только терпеть лишения, но и всё лето работать в колхозе – полоть пшеницу и овёс, участвовать в заготовке сена, дёргать и вязать в снопы лён. Трудностей хватало...

И при всём при этом мы имеем светлого поэта Василия Казанцева.

Василий Иванович подарил мне несколько своих сибирских книг. Вот передо мной вторая его книга – «Лирика», 1964 год, Новосибирск. В аннотации к ней написано: «Основная тема книги – творчество: творчество в труде, в искусстве, в жизни. Стихи посвящены поискам красоты в человеке – в его делах, помыслах, чувствах». То же самое можно написать и о нынешних его поэтических взглядах.

Кто-то может сказать, что я цитировал стихи, в которых «радость» присутствует как, скажем так, философское понятие, а где же она явлена сама по себе? Да вот в таком, например, стихотворении:

Я жду счастливейшего мига,
Минуты радостнейшей той,
Когда счастливейшая книга
Раскроется передо мной.

Я мига жду нетерпеливо,
Чтобы читать её начать.
Жду мига, чтоб неторопливо,
Чтоб медленно её читать.

Я жду, я жду, я жду восторгов
В сиянье солнечного дня.
... И выше, выше всех восторгов –
Мысль, что и книга ждёт меня.

Февраль 2020 г.

Виктор Кокосов

ПОЭТИЧЕСКОЙ СТРОКОЙ – МУЖЕСТВО И СЛАВА

Николай Николаевич обстоятельно подготовился к встрече. Столешица большого, в треть просторной комнаты Сотникова в петербургской коммуналке на Невском, стола, была завалена канцелярскими папками зелёного цвета. В каждой лежало по несколько плотных полиэтиленовых пакетов с отпечатанными через два интервала текстами – хозяин, своего рода «последний из могикан», хоть и отдаёт должное компьютерам, но остаётся приверженцем пишущей машинки.

Это были не просто сценарии передач Петербургского радио «Память сердца», которые восемь лет выходили в эфир. Это была – пока ещё неизданная – своеобразная энциклопедия литературного подвига фронтовиков. Неслучайно раз в две недели постоянные радиослушатели, которых в Северной столице, несмотря на бурное наступление Интернета всё же осталось немало, откладывали дела, чтобы, нажав третью кнопку домашнего приёмника или настроив его на частоту городского радио, перенестись с помощью ведущего в далёкие военные годы, когда в окружённом кольцом блокады городе музы действительно не молчали.

I

Как часто вспоминает Николай Николаевич, «Память сердца» возникла спонтанно. Поначалу его приглашали вести разовые передачи на военно-героическую тему, чаще к памятным датам: к началу блокады, 8 сентября, и 27 января – полному освобожде-

нию Ленинграда от неё советскими войсками, к 9 мая, к 22 июня. Но все выпуски объединяло одно – тесная связь с литературным творчеством поэтов-фронтовиков. Людей, создавших для последующих поколений образ солдата – спасителя Отечества, солдата-Победителя. И ставшая расхожей фраза из стихотворения Евгения Евтушенко «поэт в России – больше, чем поэт» в данном случае сработала на все «сто». Несмотря на многолетние потоки грязи, которые льют на Великий подвиг нашего народа потомки фашистских недобитков и добровольных прислужников из оскотинившихся за последние двадцать лет доморощенных образованцев, им не удаётся да и не удастся очернить правдивый светлый образ отцов, дедов и прадедов, созданный, в том числе, и поэтами военной поры.

К тому же, надо помнить, что, говоря строками безмерно любимого Николаем Николаевичем поэта Леонида Ивановича Хаустова,

*За всё ведь спросится потом –
За перепев и за мельчанье.
И сами в возрасте ином
Мы не простим себе молчанья.*

– С Ленинградским радио я начал сотрудничать с 1972 года, когда работал литконсультантом Ленинградской организации Союза писателей РСФСР, – аккуратно сортируя папки по годам, рассказывал Сотников. – В мои обязанности, помимо прочего, входила и связь с прессой, радио и телевидением. Первая радиопередача была посвящена приезду белорусской делегации. Голоса поэтов не звучали, но я цитировал их стихи, в том числе и в своём переводе. С тех пор я регулярно, но редко – раз в 3-4 месяца – выступал по радио...

Потом, в 1980 году, после кончины поэта Леонида Ивановича Хаустова, была создана Комиссия по его литературному наследию, в которую включили и меня. Председатель комиссии много и тяжело болел. Я стал его заместителем и рассказывал

о наших поисках и находках в эфире. Так удалось найти утраченную Хаустовым поэму! Её прислала двоюродная сестра Леонида Ивановича Людмила Шатрова из Подмосковья. Поэт просто-напросто забыл рукопись в доме, когда гостил у родни!

Наконец, с 1981 года я стал работать старшим редактором редакции художественной литературы в Лениздате. И здесь выступления по радио в какой-то мере были продолжением личной творческой работы. К примеру, вышла яркая книга (а Лениздат был одним из крупнейших издательств СССР), и я о ней веду рассказ. Издали мы белорусских поэтов в переводе ленинградских – тоже спешу к микрофону. Сам я переводил Рыгора Бородулина. И «Возраст мой повторяет годы войны...» – прозвучало в эфире с упоминанием о книжке. Забегая вперёд, скажу, что через много лет в одной из моих передач ему как бы вторили строки поэта Виктора Максимова: «Мои убеждения сорок второго года рождения...».

Кроме того, я рассказывал о книжках молодых авторов. Военно-героическая тема звучала очень часто в творчестве Александра Макарова, Александра Ковалёва, Дмитрия Минина, Андрея Красильникова...

Потом в моих радиоделах был промежуток из-за коренной реорганизации самого радио. Редакцию художественного вещания ликвидировали, и долгое время непонятно было, к кому обращаться. И вот тут-то и возникла идея. «А что, если, – сказала мне давняя знакомая, радиожурналист Ирина Викторовна Егорова, – вам наладить сотрудничество с программой “Город и горожане”?»

II

И вот постоянная ведущая этой программы на Петербургском радио Елена Александровна Воробьева стала приглашать Николая Николаевича рассказывать о поэтах, а впоследствии и

о мастерах других жанров, творчество которых так или иначе было посвящено военно-героической теме и прежде всего легендарным годам блокады. А в 2004 году Сотникову поступило предложение вести тематический цикл – выпускать такие передачи два раза в месяц.

Почему пригласили именно Николая Николаевича? Наверное, никто другой из послевоенного поколения литераторов, кроме него, эту передачу и не мог бы вести. Сын известного писателя-фронтовика Николая Афанасьевича Сотникова, прошедшего боевыми дорогами до рейхстага, Николай Николаевич с юности был верен военно-патриотической теме. Да и в каком окружении он рос? Отец – военный журналист и киносценарист, двоюродный дядя – боец Ижорского батальона, тётя – блокадница, бабушка – фельдшер в блокадном Ленинграде. В семье царил атмосфера глубокого уважения к подвигу советских солдат. Ещё в 1975 году, к тридцатилетию Победы, молодой литератор стал лауреатом конкурса «Победа», проходившего по инициативе Ленинградской писательской организации и обкома комсомола.

К сорокалетию Победы вышла книга стихов Николая Ударова (таков поэтический псевдоним Николая Николаевича) – «Месяц май». Четырежды по Ленинградскому телевидению и один раз Центральному (по второй программе) показали снятый по его сценарию документальный фильм «Сорок первый наш год призывной...» – о непосредственных участниках прорыва блокады Ленинграда поэтах Леониде Хаустове, Александре Межирове и Анатолии Чепурове.

Работая много лет в редакции художественной литературы Лениздата, Сотников вёл военно-художественную тему, редактировал сборники поэзии, прозы и публицистики о Великой Отечественной. И таким как Николай Егоров (сперва артиллерист, затем партизан в Крыму, снова артиллерист – начальник разведки артбригады, закончивший войну в Венгрии), в силу различных причин поздно пришедшим в литературу поэтам-фрон-

товикам, помог в творческом плане. В девяностые годы началось сотрудничество Николая Николаевича с радиостанцией «Открытый город» – он вёл цикл передач под названием «Невский факел», в которых военно-героическая тема занимала видное место.

Со днём передачи (среда) и временем её начала (18.05–18.10) определились довольно быстро. Но перед ведущим встал самый существенный вопрос: наберётся ли материал на каждую неделю? Сомнительно. (В скобках замечу, что почти всю работу Сотников вёл на общественных началах.) А выходить раз в месяц – маловато! И Сотников с Воробьёвой пришли к выводу, что самое оптимальное, без напряжения сил, выпускать передачи через неделю. Длительность каждой составляла от сорока до сорока пяти минут, иногда до пятидесяти: нельзя было забывать и об обязательных рекламных вставках.

– Представьте себе, поначалу у моей передачи названия не было, – листал первые сценарии Николай Николаевич. – Потом я вспомнил чудные слова Константина Батюшкова из стихотворения «Мой гений»: «О память сердца! ты сильней Рассудка памяти печальной...».

Эти слова не могут не запомниться. Пришла на ум и пьеса Александра Корнейчука «Память сердца». Военно-героическую пьесу с успехом ставили в Москве, Ленинграде, Киеве, записи театральных постановок транслировались по телевидению.

Так появилось название радиопередачи!

Но название – только полдела. Если в газетах и журналах постоянная рубрика каким-либо графическим образом выделяется, то на радио единственная возможность ярко «отбить» одну передачу от другой и сделать её хорошо узнаваемой – это найти какую-то органичную и броскую музыкальную заставку.

Николаю Николаевичу очень хотелось, чтобы такой заставкой были куплет или два из знаменитой песни на слова Евгения Винокурова «Москвичи» (эта песня больше известна по первому четверостишию «В полях за Вислой сонной Лежат в земле сырой Серёжка с Малой Бронной И Витька с Моховой...»), но её... не нашли в фонотеке Дома радио. Зато удалось разыскать вполне подошедшую для всего периода работы песню на слова Роберта Рождественского «Где он, этот день?..» в исполнении известного киноактёра Олега Даля. Эта песня подошла во всех отношениях к циклу «Память сердца», так как в ней очень явно звучит мотив ожидания конца войны, итогов войны и даже ощущения его празднования в последующие годы. С этой песней и прошли все передачи цикла, за исключением тех, которые были посвящены юбилейным литературным датам.

– И ещё раз вернёмся к названию, – уточнил Николай Николаевич. – Впоследствии я узнал: и один из первых фильмов режиссёра Лиозновой так назывался: «Память сердца», но я его не видел, был маленький, когда картина шла в кинотеатрах.

Кстати, память неслучайно обратилась именно к произведению Корнейчука. Лет пятьдесят назад немного владеющий украинским и белорусским языками Сотников с большим интересом осматривал выставку «Украинская книга в Ленинграде». Полистал один томик, отложил. Взял другой.

– Вы читаете по-украински? – неожиданно раздалось за спиной.

Николай Николаевич повернулся: перед ним стоял солидный мужчина. Как выяснилось чуть позже – председатель Верховного Совета Украинской ССР, известный писатель Александр Евдокимович Корнейчук.

– Да, немного...

– Идите за мной!

Схватив Сотникова за рукав, Корнейчук подвёл его к представителю Госкомиздата:

– Вот вы говорите, что украинские книги не пользуются спросом в Ленинграде и в России. А вот этот человек с удовольствием читает... Неужели нельзя организовать дело таким образом, чтобы в крупных городах оказывалось хотя бы по десятку каждой массовой книги на украинском!

Потом Корнейчук провёл с младшим ленинградским коллегой прекрасную беседу об украинской литературе, особенностях издательского дела... В скобках замечу: сейчас Николай Николаевич работает над очерком на эту тему «Экскурсию ведёт Корнейчук».

III

Передача, выходявшая в программе «Город и горожане», со временем привлекла к себе внимание радиослушателей. Как недавно, казалось, это было – первые выступления, первые творческие портреты поэтов, первые отклики. И первые переживания ведущего. Ему немало огорчений доставляло обязательное зло эфира – реклама.

– Каждый раз она вклинивалась в мою передачу раза по три от полутора минут до до пяти–семи, – с нескрываемой горечью в голосе вспоминал литератор. – Звучало это примерно так: «Реклама». И дальше шёл текст, иногда просто жуткий. Если о каком-нибудь магазине с его скромными ценами, ещё ничего. Хотя после разговора о любовной лирике к картошке переходить не очень приятно, – возмущённо разводил руки в стороны Сотников. – Но приведу вам жизненный пример, когда контраст был омерзителен.

После очень горьких слов о блокадниках, об инвалидах, о людях, которые были тяжело ранены, вдруг звучит: «Если

у вас сильное и неожиданное мочеиспускание, то лучше всего вам подойдёт препарат такой-то. Рекламная служба радио, наш телефон такой-то». И вернуться в живой эфир – у меня никогда не было записи на магнитофон! – всякий раз было очень тяжело чисто психологически. После вот такого разговора о моче или запоре! Или после случаев совсем уже горестных. До меня выступал ветеран, и прозвучала рекламная вставка, неуместная и очень неделикатная, о захоронении по льготным ценам. Он обиделся, не стал больше принимать участие в радиопередаче и ушёл.

А как обстояло дело с обратной связью? Все звонки по контактному телефону, увы, носили графоманский характер. Непризнанные «гении» пытались читать свои вирши в прямом эфире. Довольно скоро пришлось эту практику прекратить. Но после окончания передачи Николай Николаевич несколько минут дежурил у контактного телефона. И вот тут раздавались звонки только по делу.

– Скажу честно, нагрузка была большая. Иногда ради необходимой книги прошлых лет или даже десятилетий выпуска приходилось посещать несколько библиотек. И – сверять, сверять, сверять. Практически всё: стихотворные тексты, цитаты из очерков и документов, очень многие данные. Справочных книг по данной тематике немного. Это справочник «Ленинградские писатели-фронтовики», в котором важен один плюс: каждой персоналии предпослан маленький лирический рассказ самого фронтовика о том, как он оказался на том или ином фронте, как сложилась его военная судьба. Книжка эта редкая. Ещё более редкая книга «Справочник писателей Ленинграда». Она сделана добротнo, ошибок в ней почти нет. Есть купюры... Опытному глазу они видны, а так незаметны. И, конечно, «Писатели Москвы». Самый лучший библиографический справочник, который я держал в руках.

Напомню вам, – продолжал Сотников, – с 1972 по 1978 год я работал литературным консультантом по общим и организационным вопросам Ленинградской писательской организации, отвечал и за статистику, и за кадровый учёт. Наградные, пенсионные дела, всякого рода документация, оформление документов для выдвижения на премии – всё проходило через меня. Со сколькими прекрасными писателями и поэтами я был знаком! Естественно, очень многое запечатлелось в памяти. И материалы о ленинградских писателях для меня и стереофоничны, и стереоскопичны. Если же, не зная людей, просто пользоваться справочной литературой, возникает упрощённое и даже искажённое представление о них.

Хотя, признаюсь, я чисто творческий человек, для меня важнее поэтическая строка, чем очень многие формальные детали, но и поэтический образ должен опираться на точные и достоверные факты.

Всё-таки психология журналиста и психология писателя – совершенно разные миры. Например, та же Воробьёва меня спрашивает: а в каком году имярек приехал в Ленинград? А всегда ли нужна такая детализация? Значит, я должен отвлекаться от художественной фразы и отвечать на это. Или: кто, кроме «Икс», был исполнителем той или иной песни? Да впору обращаться к музыкальному редактору! Но... они, как и замечательные ленинградские-петербургские радиорежиссёры сокращены по штату.

Приходилось самому «снимать вопросы». Музыкальных редакторов теперь нет. А ведь музредатор традиционно имел консерваторское образование. Как правило, это был выпускник отделения истории и теории музыки. Ранее и режиссёр был на такую передачу – чаще всего выпускник театроведческого факультета нашего театрального института. Увы, все сокращены. Но мы справлялись! Шли не на «авось» – очень внимательно просматривали каждый год календарь литературных дат.

Конечно, мы вспоминали не только защитников нашего города и ленинградцев. Я говорил и о тех, кто воевал на других фронтах. Например, о Павле Шубине, корреспонденте газеты Волховского фронта. Большому числу людей, знакомых с военной тематикой он известен по «Волховской застольной». Её по сей день поют! Так вот, мне удалось найти редкий мемуарный текст о жизни Павла Шубина на Волховском фронте.

Выдающемуся кинорежиссёру, драматургу, публицисту Александру Довженко мы посвятили три передачи. Впервые в нашем цикле «Память сердца» был сделан акцент на кинодокументалистике: ведь два хроникально-публицистических фильма Довженко созданы по горячим следам военных событий. В какой-то степени этот разговор продолжился в передаче, посвящённой ленинградскому кинодраматургу Эдуарду Талунтису, автору четырёхсерийной эпопеи «Солдаты Отчизны». Пять передач было посвящено дальневосточному театру военных действий. Это много. И мне посчастливилось найти страницы малоизвестные. Я с интересом взял в руки книгу Георгия Мокевича Маркова, руководителя Союза писателей СССР, впоследствии председателя Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР, «Моя военная пора». Книжка небольшая, но очень ёмкая. О специфике войны на Дальнем Востоке. У него была ещё повесть «Орлы над Хинганом» на ту же тему.

Вышла в эфир и отдельная передача, посвящённая белорусской литературе, преимущественно поэтической. Среди поэтов нельзя было не выделить Рыгора Бородулина, автора прекрасной поэмы «Блокада». У него понятие «блокада» другое: это действие партизанского отряда, перекрытого со всех сторон карателями. Поэтому я в своём стихотворении, посвящённом Рыгору Бородулину, говорил:

Две блокады, одна блокада...

Мы не можем не быть побратимами.

Были «выходы» и на зарубежный материал. Например, в передаче о Константине Ваншенкине. Написанная на его стихи песня «Алёша» стала визитной карточкой русско–болгарской дружбы, которая сравнительно недавно была подвергнута тяжёлому испытанию. Помните попытку снести памятник Алёше? Ваншенкин рассказывал и о своей фронтовой судьбе. Оказывается, он служил в артиллерии, оказался одним из первых артиллеристов, которые преодолевали карпатские перевалы. Я, кстати, в 1968 году проезжал по той самой дороге. Туристом и то тяжело: крутой серпантин, обрывы, частые перемены погоды, разреженный воздух. Как же шли наши танки, артиллеристы... Через людские судьбы мы шли от передачи к передаче в цикле «Памяти сердца»!

IV

Как ведущий Сотников стремился разнообразить передачу, в том числе и показывая фронтовиков, воевавших в разных видах и родах Вооружённых Сил. Разумеется, абсолютной пропорциональности достичь не удалось, так как подавляющая часть героев цикла были всё-таки пехотинцами.

– Как вы знаете, наша поэзия, преимущественно, была поэзией лейтенантской и мотострелковой. Недаром у Хаустова есть об этом воистину гениальные строчки. Он, студент доверенного литературного факультета, обращаясь к бюсту Данте, который украшал библиотеку Пединститута имени Герцена, произнёс:

«Ты здесь, великий флорентиец,
взяв пять веков под пьедестал.
С тобою русский пехотинец
в познаныи ада вровень встал».

Взять, к примеру, танкистов. Находим только Сергея Сергеевича Орлова. Хотел найти поэта-лётчика – не нашёл! Отдельные стихотворные публикации встречались, но они ниже среднего поэтического уровня. С моряками дело оказалось проще. Всё-таки без таких имён, как Юрий Инге, Алексей Лебедев и особенно ветеран поэзии Александр Жаров, обойтись было невозможно. Особенно в передаче был отмечен подводник Алексей Лебедев, погибший при выполнении боевого задания. Он оказался в итоге наиболее широким по своей тематике и по творческому потенциалу поэтом-маринистом. Так что его гибель – потеря для литературы невосполнимая. Артиллеристами были и Константин Ваншенкин, и Николай Егоров. В команду «Катюш» входил Эдуард Асадов. Была передача, посвящённая поэту – стратегическому разведчику. Это конечно, диво дивное! Игорь Ринк был единственный поэт-разведчик. И писал о своей работе! Он ходил в немецкой форме, имел легенду, вглубь за линию фронта забрасывался далеко, за 300–400 километров. Так хорошо знал язык врага, что его не только полиция – СД не раскусила!

Вообще я заметил: очень часто военные достижения не совпадают с поэтическими. Знаю многих литераторов, у которых грудь украшена наградами, а стихи – ниже среднего уровня. Сейчас я работаю над сценарием двухсерийного фильма о войне без всякой надежды на постановку, так вот, у меня будет звучать песня, которая написана на стихи Алексея Недогонова. Посвящена как раз военным медикам. Кстати, медики, проявлявшие в блокадном Ленинграде чудеса самоотверженности, так и не дали поэта. А Межиров, например, как фронтовик себя громкими подвигами не проявил, но вклад его в блокадную и вообще фронтовую поэзию велик и уникален.

Повторюсь: были люди, которые проявили себя как прекрасные снайперы, моряки, сапёры. И писали стихи, публиковались в военных газетах. Но – творческий уровень их был крайне

низок. Если брать дальневосточный театр военных действий, там уровень ещё ниже. Правда, всего за две недели разбили Квантунскую армию, но ведь был большой подготовительный период времени! То, что писали, печатали, снимали оказалось неинтересно, что и подтвердили коллективные мемориальные сборники последнего времени. Ничто не берет за душу. А вот такие имена, как Луконин, Наровчатов, Межиров, Чепуров, Слуцкий, Хаустов, Сергей Орлов, пробили настоящую брешь в познании войны, подвига. И сейчас встать вровень с ними невероятно сложно!

Мне Сергей Орлов говорил лично (в 1963 году, когда я проходил практику в журнале «Нева» и ежедневно с ним общался), что юность, пришедшая на войну, поколение яркое, но она не породила какого-то особенно яркого мастера поэзии.

С этим согласиться я и тогда не мог, и сейчас не могу. Каждый из этих фронтовиков – личность, и, по-своему, уникальная.

V

– Большинство молодых поэтов были газетчиками дивизионного звена, редко – армейского. Многие начинали рядовыми, потом их, как Анатолия Чепурова, переводили в дивизионку и аттестовывали на офицеров. Кстати, из профессиональных писателей в военных газетах хуже всего адаптировались романисты и литературоведы, а превосходно – поэты и очеркисты. С очеркистами всё ясно, спросите вы, а почему – поэты? Потому что поэты, поверьте, очень наблюдательные, и они быстро входили в жизненный материал, к тому же работали в малых жанрах.

Я сделал передачу про Якова Потехина и его хорошую очерковую книгу «Юность боевая» о юношах и девушках защитниках Ленинграда. Эту, по сути, брошюру я знал с первых лет профессиональной самостоятельной работы, так как редактировал её в издательстве «Знание» после окончания университета,

а затем, спустя многие годы, вернулся к ней как автор радиопередачи. У Потехина получился обратный путь: из фронтовой газеты он буквально напросился в строй, в итоге командовал даже бригадой, имел самостоятельный рейд в тыл врага, ушёл в отставку полковником. Но такие примеры, как вы понимаете, редкость.

Один из моих героев, единственный, отметивший 70-летие Победы и до последнего дня жизни творчески работавший, поэт Михаил Иванович Касаткин, вышедший из рядовых пехоты, писал:

За небожественный талант
не пасовать среди лишений
мне званье младший лейтенант
присвоили в пыли траншейной.

Его выдвинули на политработу. Молодой офицер не раз был тяжело ранен. Михаила Касаткина под Мгою наискосок прошла очередь из «шмайсера». Чудом остался жив! Вслед за излечением – вновь в строй! На этот раз он стал десантником в Полесье, а завершил войну в Берлине.

В поэзии свои ранги, и они почти всегда не совпадают с воинскими званиями. Почти все молодые поэты-фронтовики были младшими командирами или политработниками невысокого ранга. Мало кто достиг капитанского звания. Тот же Касаткин стал капитаном. К примеру сказать, из поэтов мало кто закончил войну старшим офицером. Например, Михаил Матусовский демобилизовался подполковником. Михаил Дудин воевал в артиллерии, сотрудничал с военными газетами. В итоге стал корреспондентом «На страже Родины». Там он получил офицерское звание, окончил войну старшим лейтенантом.

Понимаете, в газете майор – уже начальник, ответственный секретарь или редактор. Моему отцу говорили: «Несолидно!

Вы 1900 года рождения, участник Гражданской войны, а до сих пор старлей». – «Я же писать хочу, – отвечал Николай Афанасьевич, – а не командовать маленьким подразделением под названием “редакция”!»

И старший лейтенант Николай Афанасьевич Сотников вместе с нашими войсками дошёл до Берлина в составе 1-го Белорусского фронта. И оставил надпись на рейхстаге: «От Невы до Шпрее дошёл старший лейтенант военкор Н. А. Сотников».

VI

Были ли в «Памяти сердца» коллективные герои? Были. Сатирики Ленинградского фронта и блокадного Ленинграда, моряки с их традиционными карманными книжками-брошюрами. Кстати сказать, Николаю Николаевичу как редактору довелось эти маленькие книжечки объединить в одну миниатюрную книгу «Балтийская слава». Когда он дарил эту книжку сотрудникам Российской национальной библиотеки, выяснилось, что полного состава этих маленьких стихотворных брошюр не нашлось в богатейшей коллекции РНБ!

– Разумеется, рассказ об этих поисках и находках был уместен в специальной радиопередаче. Скажем прямо, особыми поэтическими достоинствами эти стихи не обладали, но они были и остались ярким свидетельством героической эпохи. А вот две песни – Николая Брауна о ремонте боевых кораблей и озорная лирическая песня Александра Фидровского – яркие творческие удачи. Что касается Фидровского – вообще уникальный случай: он единственный из поэтов был рядовым краснофлотцем – и оказался на вершине творческих достижений. В 1942 году мо-

ряк написал слова на мотив американского фокстрота¹, и вскоре песню «Барон фон дер Шик» распевала вся действующая армия. Её включил в свой репертуар Леонид Утёсов! Несколько десятилетий, и не только в День Победы, страна подхватывала, едва заслышав знакомую мелодию:

Барон фон дер Шик,
Ну где твой прежний шик?
Остался от барона
Только пшик – капут!

Выходили передачи о детских писателях блокадной поры. В частности, об Алексее Ивановиче Пантелееве и Антонине Георгиевне Голубевой, об устных радиовыпусках детского журнала «Костёр». Или – к 8 Марта – радиорассказы о поэтессах Ольге Берггольц, Веронике Тушиновой, Людмиле Поповой.

– Представьте себе, Людмила Михайловна Попова была единственной женщиной, прикрепленной к воздушной армии! – оживился мой собеседник. – Как-то она стала уговаривать начальника политотдела отпустить её выступить перед пехотинцами, но тот не позволил: «Вы со своей-то армией не справляетесь». Хотя работала поэтесса, в буквальном смысле слова, на износ, у неё была невероятно высокая творческая лекторская и журналистская нагрузка.

Лично мне участие в работе радиоцикла дало – в творческом плане – очень много, – продолжал просматривать тексты

¹ «Стихи были написаны специально на мелодию популярной еврейской песни Шалом Секунды, ставшей мировым шлягером – Bei mir bist du shon («Для меня ты прекрасна») и хорошо известной у нас шуточным куплетом “Старушка не спеша дорогу перешла”» [Железный А. И. Песенная летопись Великой Отечественной войны]. [Электронный ресурс] URL: <https://history.wikireading.ru/25033> (дата обращения: 05.09.2020). – Примеч. ред.

сценариев Николай Николаевич. – Да! До некоторых книг я бы не добрался. Например, я бы не добрался до путевых очерков Ваншенкина, повестей и автобиографии Друниной, я бы ограничился только её стихами и дневниками.

А какая судьба! Она была полковой медсестрой, встретила Победу старшиной. Её отпустили на «гражданку» с малюсенькой пенсией по ранению. И попав в Москву, она на улице Горького увидела, как с лотков, из деревянных ящиков синего цвета продают... мороженое! И на всю пенсию его накупила! Потом стала бегать по подругам: девчонки, нет денег карточки выкупить! Они ещё были дети, и это прекрасно было сказано об этом поколении в целом у Семёна Гудзенко – «полумужчины-полудети». У меня есть горький такой список, который веду уже несколько лет: поэты-фронтовики, даты их жизни. Немногие из них дожили до шестидесяти. Война их настигла...

Как я уже отмечал, не все мои герои были ленинградцами. Где-то больше половины. Много было москвичей: Константин Симонов, Александр Твардовский, Михаил Исаковский, Евгений Долматовский...

Среди наших удач – большая передача о военной теме в судьбе и творчестве Гамзатова. В целом его творчество было достаточно популярным и как прозаика, и как поэта, но военно-героическая линия в его творчестве была обозначена слабо. Этот пробел мы постарались восполнить в одной из передач. Уместно сказать, что сам Расул Гамзатов неоднократно просился на фронт, но его не отпускали.

Меня неоднократно спрашивали, какая степень импровизации была в наших передачах. Думаете, я сидел в студии и по бумажке читал свой текст? – хитро прищурился Николай Николаевич. – Нет. Приходилось часто отвлекаться, импровизировать, иногда даже выходя за пределы радиопередачи. Например, в тех случаях, когда требовалось уточнить какие-то штрихи биографии нашего героя, поведать о новой его книге, о новых

мемуарных материалах. Иногда, хотя и очень редко, в ходе такой импровизации зарождался новый творческий замысел, и даже мы объявляли о продолжении темы в следующей передаче. Но почти всегда укладывался... Только не произносите слово «формат»! Терпеть не могу: «формат»! Воспринимаю его только геометрически. Фотография формата 12 на 14, а более расширительно не воспринимаю! Я почти всегда укладывался во временные рамки.

С составом нашей маленькой бригады работалось дружно. Среди технических сотрудников, помогающих выходу передачи в эфир, было немало студентов-заочников, чаще всего – Университета кино и телевидения. У них в программе систематического курса истории литературы не обозначалось, школьные представления о страницах истории поэзии оставались очень скромными. Поэтому наши передачи у них вызывали не только профессиональный интерес, но и чисто слушательский. Меня очень тронуло, что несколько раз после окончания передач эти юноши и девушки подходили ко мне с дополнительными, уточняющими вопросами. Проявляли непосредственный интерес к поэзии, что было чрезвычайно отрадно.

Теперь обратимся к проблеме жанровой. Подавляющее большинство передач было посвящено поэзии, в том числе и сатирической. На втором месте была публицистика, на третьем – проза, на четвёртом – документальное кино, на пятом – игровое, которое, кстати сказать, было в годы войны ниже среднего уровня. На шестом – прозаическая сатира.

Говорил я и о представителях других видов искусств. Особенно мне дорога передача о заслуженном художнике России Дмитрие Петровиче Бучкине. Он очень разносторонний человек. Выступал и в качестве очеркиста, и поэта-сатирика, и художественного критика. Профессионально занимался оформлением книг и даже – декоративно-прикладным искусством. В ходе бесед с Дмитрием Петровичем выяснилась удивительная

подробность: показывая мне свои фотографии студенческой поры, он в домашнем архиве обнаружил коллективную студенческую фотографию, на которой я узнал... свою родную тётю Анну Ильиничну. Бучкин всмотрелся в эту фотографию и воскликнул: «Да ведь это же наша староста Анечка!».

И познакомились мы с Дмитрием Петровичем при необычных обстоятельствах. В нашем городском музее печати была небольшая выставка «Блокадные рисунки ленинградских детей». Лучшими мне показались страницы блокадного альбома подростка Дмитрия Бучкина. Я тотчас же спросил экскурсовода о том, как сложилась судьба этого мальчика. Экскурсовод улыбнулась и заверила меня, что он жив-здоров, живёт в нашем городе и недавно приходил на эту выставку. Правда, телефона она не нашла. Я примчался домой и стал искать фамилию «Бучкин» в справочнике Ленинградской организации Союза художников. Нашёл и сразу же позвонил. Солидный, с небольшой хрипотцой, голос ответил: «Бучкин слушает»...

Вскоре я написал свой первый материал на эту тему и назвал его весьма занимательно: «Звонок в блокадный Ленинград». Наше общение переросло в добрую дружбу, которая помогла мне сделать несколько радиопередач о работе художников в годы блокады и о продолжении блокадной темы в изобразительном искусстве наших дней. Это было тем более уместно, что Дмитрий Петрович являлся председателем выставочного комитета.

Была передача и о театре. Наиболее удачной кандидатурой оказался спектакль ленинградского «Ленкома» восьмидесятых годов прошлого века «Такая долгая зима...» – по поэтической композиции Юрия Воронова.

По ходу этого спектакля звучали песни, написанные композитором Леонидом Назаровым, который познакомился, а затем и подружился с Юрием Вороновым. Вместе с ним они выступили инициаторами создания замечательной пластинки под

названием «Возвращение». Эта пластинка представляет своеобразный литературно-музыкальный концерт. Стихи Воронова чередуются с песнями на его слова Назарова. Эту пластинку по техническим причинам повторно выпустить в эфир мы не смогли, но Назаров любезно предоставил компакт-диск, которым мы неоднократно пользовались. Чудесная песня «Двадцать седьмое января 1944 года» стала своеобразной визитной карточкой этой нашей передачи. Чаще всего мы её повторяли в день полного освобождения нашего города советскими войсками от блокады и в день её начала. Разумеется, шёл рассказ и о творчестве самого Леонида Алексеевича, о том, как он стал композитором блокадной темы.

Вторым композитором, которому специально посвятили две передачи, был «маршал песни» Василий Павлович Соловьёв-Седой, творчество которого применительно к теме нашего цикла было вообще уникальным: его песней «Играй, мой баян» на слова Людмилы Давидович началась песенная летопись Великой Отечественной войны и блокады, его же песней на стихи Алексея Фатьянова «Наш город» фактически она и завершилась.

Конечно, передачи сопровождалась песнями. Заказывали мы их неоднократно и предварительно в фонотеке Дома радио. Но далеко не всегда находилась нужная запись, а иногда техническое качество оказывалось настолько слабым, что выпускать её в эфир было невозможно. Это создавало дополнительные трудности, так как зачастую на песне строилась целая часть передачи. Поэтому приходилось как-то исправлять положение. Особенно ярко такая острота возникла в передаче, посвящённой поколению детей войны. В частности, замечательному драматургу и поэту Геннадию Шпаликову. Что же делать? В результате песню «Танцевальная площадка» мне пришлось исполнять самому... да к тому же без музыкального сопровождения.

Мы уже говорили о проблеме поколений. С каждой новой

передачей я всё больше и больше убеждался в том, что акцент на принадлежности к тому или иному поколению у мастеров литературы и других видов искусства чрезвычайно важен. Поэтому, условно говоря, мы выделили четыре поколения, в творчестве представителей которых тема войны и Победы звучит по-разному в силу биографических особенностей. Это прежде всего старшее поколение, к которому принадлежат, например, Исаковский, Твардовский, Симонов, то есть те, кто стал мастером уже в довоенные годы. Второе поколение – те, кто обрели свой поэтический голос в годы войны, то есть самый большой «сводный поэтический отряд». Третье поколение – это поколение детей войны, о которых очень метко сказал Олег Шестинский: «Разделилось моё поколение на детей и бывалых солдат».

И, наконец, четвёртое поколение, послевоенное. Моё поколение, которое не воевало и не видело войну, но детей фронтовиков и блокадников и подключалось к этой тематике. Нас было очень мало, в цикле «Память сердца» звучало таких всего шесть имён.

В том числе – моего друга прозаика Вячеслава Всеволодова, книга рассказов которого «Рубежный камень» недавно вышла в свет. Как дань памяти об этом талантливом, но очень рано ушедшем из жизни литераторе.

VII

– Нужно ли вообще вести такой познавательный разговор на военно-героическую тему? Обязательно! События Великой Отечественной войны я не считаю дальней историей. Это история, продолжающаяся и отыгрываемая в современных политических событиях ежедневно и ежечасно. В этом есть несомненная переключка с прекрасным стихотворением Сергея Орлова, строки из которого уместно процитировать:

Когда это будет, не знаю:
В краю белоногих берез
Победу девятого мая
Отпразднуют люди без слез.

Поднимут старинные марши
Армейские трубы страны,
И выедет к армии маршал,
Не видевший этой войны.

Чтобы знать, что было в сорок пятом и в предыдущие военные годы, и нужны такие передачи! В целом «Память сердца» была исключительно передачей военно-героической, хотя, конечно, мы не могли не отметить некоторые даты, которые особенно дороги сердцу каждого русского человека. Имеются в виду юбилеи Пушкинский, Есенинский, Довженковский. Но это – редчайшие исключения. Из всех 176 передач повторных можно насчитать семь и всего лишь четыре обращения к литературным датам, на прямую не связанным с военно-героической темой.

С особой гордостью Сотников вспоминал о передаче, на создание которой его вдохновила находка в одном из магазинов «Старой книги». Как-то ему удалось приобрести редчайший сборник «Русские писатели о пруссачестве», изданный в 1943 году тиражом в 60 000 экземпляров в Государственном издательстве художественной литературы. Вот ключевые слова к этому сборнику: «Не было ли в истории Германии таких особенностей... которые облегчили главарям гитлеровской банды их чёрное дело?». Правдивый и суровый ответ на этот вопрос даёт русская литература. И дальше идут фрагменты из произведений прозаиков, поэтов и публицистов начиная от Ломоносова и заканчивая Маяковским. Эта передача вызвала очень большой интерес и общественный резонанс. Один из звонков, о котором вспоминает Николай Николаевич, принадлежал явно пожилому и чрезвычайно начитанному че-

ловеку, который в воспоминаниях о Юрие Николаевиче Тынянове нашёл удивительное свидетельство: оказывается, тяжело больной Тынянов незадолго до своей кончины в Москве неоднократно вспоминал о том, как вызволял из кайзеровского плена свою жену и дочку. Юрий Николаевич подчёркивал, что почти все черты, которые обнаружили у гитлеровцев, ярко проявились у немцев ещё в Первую мировую войну.

Другая совершенно уникальная передача имела свой исток в личной библиотеке автора. Дело в том, что его отец, Николай Афанасьевич, ещё в довоенные годы дружил с ленинградским драматургом Дмитрием Щегловым, который как большой знаток Германии и немецкого языка был в годы Великой Отечественной направлен в отделение политотдела, ведавшее спецпропагандой среди войск и населения противника. Литературных произведений и мемуаров на эту интереснейшую тему очень мало, чаще всего об этой работе говорится вскользь, так что очерковая книга Дмитрия Щеглова «Три тире» явление исключительное. Экземпляр книги, вышедший в свет в издательстве «Советский писатель», был подарен отцу Николая Николаевича с дружеской надписью. И вот теперь вновь зазвучали яркие и неповторимые свидетельства работы спецпропагандистов в годы войны. Эта передача тоже вызвала немало телефонных звонков.

VIII

– Давно уже в эфире нет нашей передачи, – грустно усмехнулся Сотников. – Дата последнего выхода цикла в эфир – 23 февраля 2012 года. В этот день, который всем известен как День защитника Отечества, шёл разговор о некоторых страницах в истории наших Вооружённых Сил. В одной из библиотек удалось найти редкий сборник издательства «Известия». Он вобрал в себя если не лучшие, то во всяком случае характерные статьи, очерки и даже репортажи, отражающие тот или иной

период в истории Вооружённых Сил. Среди наиболее интересных находок обнаружили короткий очерк «всесоюзного старосты» – Председателя Президиума Верховного Совета СССР Михаила Ивановича Калинина о довоенных манёврах и совершенно неожиданный проблемный очерк с элементами репортажа Владимира Лидина, писателя, которого мы знаем преимущественно как автора произведений на сугубо мирные, гражданские темы. И вот именно он в довоенные годы блеснул анализом боевой подготовки Красной Армии!

Эта передача и оказалась итоговой. Почему? Скажу так: из-за различных взглядов на историю автора и редактора. Я не мог избрать путь компромиссов, тем более в таком жизненно важном вопросе. И всё же закончился наш цикл на высокой ноте: в самом конце последней передачи грянула легендарная песня: «Но от тайги до британских морей Красная Армия всех сильнее!».

Из замыслов, которые я не успел реализовать... – на миг задумался Сотников. – Обиднее всего, что не вышли в эфир две передачи, очень тесно между собой взаимосвязанные. Это по контрасту передача о героях войны, людях самоотверженных, необычайно ярких во всех отношениях, и о предателях, о которых в годы войны сказал Александр Довженко: «Это – минус-люди», причём преимущественно на материале не документальном, а художественном. Хотелось особенно подробно остановиться на образах предателей в произведениях Александра Довженко, Валентина Распутина, повестях Василя Быкова, в очерковых книгах Константина Симонова, Александра Кривицкого, Дмитрия Щеглова. Если же вспомнить произведения поэтические, то особенно глубоко и оригинально решили эту болезную тему Глеб Пагирев, Павел Булушев и Игорь Таяновский...

Николай Николаевич достал массивную папку из архивного пакета, начал перебирать пальцами сложенные листки плотной бумаги. И мне подумалось: а ведь это не только разновидность

творческой лаборатории, но и по-своему уникальный справочный материал, так как впервые в единое целое были сведены сотни совершенно различных источников, да к тому же – и разных лет. Совершенно естественно у меня возник вопрос: нельзя ли этот огромный информационно-публицистический массив, чрезвычайно интересный не только для исследователей соответствующих тем с различных гуманитарных кафедр вузов, но и для массового читателя, превратить в печатную продукцию?

Сотников продолжал:

– Итак, с 2004 года по февраль 2012 вышло 176 передач. Каждая по 40-45 минут. Значит, считаю по-старинке, где-то 22–23 страницы на машинке. Это много. Почти авторский лист. Возникает закономерный вопрос, полностью ли я его прописывал? Нет. Там, где требовались большие цитаты из собраний сочинений, сборников, однотомников, журнальных, реже газетных публикаций – я их не впечатывал, а просто делал закладки в книгах, которые приносил с собой в студию для устного цитирования.

Говорил-то я не все сорок минут. Отнимите какое-то число минут на песни. Как правило, их было три – значит, минут шесть-семь минут. И нужно ещё назвать имена композиторов, исполнителей, иногда название оркестров. Прибавьте ещё время и считайте, что 7-8 минут уходило «на музыку».

Как опытный книжный редактор Сотников прикинул: если всё, что он выпустил в эфир, суммировать и передать в издательство, то получится приблизительно средний по объёму десяти-томник формата традиционного для собраний сочинений (по семнадцать печатных листов каждый том)! Фактически, собрание сочинений!

– Возникает резонный вопрос: стал бы я заниматься подоб-

ными изысканиями, если бы не вёл цикл «Память сердца»? Нет, конечно. Я бы занялся более земными и конкретными делами. Но имелся и ещё один огромный плюс в плане самообразования. Поэтому расширение кругозора было громадное!

Завершая разговор, Николай Николаевич, привёл любопытный факт:

– Когда прошла юбилейная, сто пятидесятая передача, один слушатель позвонил в редакцию и задал вопрос: не стоит ли всё это выпустить в виде книг? Имелся в виду десяти томник. Сказал ему то же самое, что сейчас скажу вам. Полностью, думаю, нет. Но хорошо было бы сделать небольшой сборник типа дайджеста с таким примерно названием: «Избранные минуты из радиоцикла “Память сердца”». Но заказчика пока нет, а сам такую книгу финансировать пока я не могу.

Мы с вами подсчитывали страницы, минуты, а если подсчитать годы?.. Получается почти восемь лет жизни и работы, причём без отпусков. Большая глава жизни, без которой я уже просто не представляю свою биографию.

Оглядев на прощание огромный личный архив Сотникова, я подумал, что хозяин обязательно сохранит его до лучших дней. На ум пришли слова Корнея Чуковского: «Писатель в России должен жить долго, тогда до всего доживёт». И я надеюсь ещё получить от Николая Николаевича сборник о передаче с дарственной надписью.

Валентина Коростелёва

«ПОД ГОРЯЧИМ СВЕТИЛОМ ПОБЕДЫ...»

(Юрий Беличенко)

Я уже как-то упоминала о наличии на моём «Рабочем столе» небольшой папки со стихами, к которым надо вернуться, когда будет время. Так бывает: открываешь страницу газеты, журнала или подборку на сайте, глаза выхватывают ту или иную строфу или стихотворение, а весь цикл не спеша пройти некогда, тогда в два счёта копируешь – и вот оно, любимое или даже только что открытое для себя чудо поэзии, в той самой папке.

... Время предателей. Время пролаз и подлиз,
деготь вранья улащающих ложкою меда.
Время деревьев, повернутых кронами вниз.
Время кротов, научающих птицу полету.

Время убийц, ощущаемых каждой спиной.
Время, когда, опустевшие души калеча,
сленг иноземный сростается с феней блатной,
чтоб мародерствовать в русской болеющей речи...

И – всё, ты уже в плену у этих строк, у этого сердца, у того времени, которое ещё вовсе не прошло.

Юрий Беличенко. Фамилия была знакома, и только. И вдруг...
Кто такой? Откуда родом? Как выглядит? Что за судьба?..

Вылавливаю из «поиска» фото, и – боже ж ты мой! Хорошо знакомое лицо! Читаю биографию – да мы же в одно время заканчивали заочное Литинститута!.. Конечно, общения и не

могло быть: у меня – подруги, хоть и старше меня, а у него, тем более в друзьях, – уже известные поэты. И надо было пройти чуть не полвека, чтобы тропы наши встретились снова.

... Пустыми идут электрички,
верша свой назначенный круг.
И смотришь скорей по привычке
на все, что творится вокруг.

Как банки, артели, картели
сшибаются в смертном бою.
Ведут телесъемки в борделе.
Убийцы дают интервью.

Как стыннут на уличных водах
мазутная сажа и вонь
и днем в городских переходах
голодная плачет гармонь.

И кажется: это – разлука,
и время – совсем на краю.
Но чувствую женскую руку,
крестьящую спину мою.

Неприбыльно время земное,
и ноша моя нелегка,
но словно бы крылья за мною –
крестьящая эта рука...

Строки «пробирают» до самого нутра души и ума... По крайней мере, так случилось со мной.

Конечно же, стоит за ними уже весомая основа в смысле зрелости ума и сердца. Окончил два института (ещё Политехнический в Харькове, а позднее экстерном Донецкое высшее военно-политическое училище), служил в ракетных войсках,

с которыми связал не только свою жизнь, но и творчество в большой степени (чего стоит книга «Как первая любовь – ракетные войска»!)... Но смею утверждать, что в глубине души он был в первую очередь Поэтом, несмотря на профессионально насыщенную жизнь: и ракетчик, и после военкор, чья жизнь не раз и не два подвергалась опасности, ибо Беличенко рвался туда, где было рискованнее, но где ждали его истинные герои очерков – люди мужества и верности родине даже в самые сложные во всех смыслах годы...

... Вышли из войны, как из купели,
И, не доверяя тишине,
Перед жизнью словно оробели,
Словно бы остались на войне.

Их высокой чести и печали
Обучали пламя и свинец.
Школы до сердец не достучались –
Пули достучались до сердец.

Неудобны, словно марсиане,
Равные по песням и судьбе,
Формулы, известные заране,
Снова проверяют на себе.

Им сегодня тесно на Арбате,
Музыка для них не весела –
Где-то в Кандагаре иль Герате
Раненая молодость прошла.

Вот она, в составе отделения,
В голубых беретах, на броне,
Как одно прекрасное мгновенье,
Кнопками приколоты к стене.

А за кадром пули пролетали
И горела техника в пыли.
А отцы – боев не наблюдали,
И уже до пенсии дошли.

И Отчизна, что сказала: надо
Вам побыть в пороховом дыму,
На героев смотрит виновато,
И пока не знает, почему.

(Из Афганского блокнота)

Юрий Беличенко был одним из тех корреспондентов очень известной и любимой тысячами читателей «Красной звезды», что несли правду из самых горячих точек беспокойного мира. Иначе и быть не могло: сам Беличенко – поистине многогранная личность: журналист, поэт, публицист и к тому же смелый и красивый военной статью человек. И он же всячески поддерживал творческие поиски авторов, и не только молодых. Казалось, Юрий слился с этим изданием, и когда волею судьбы произошла ломка налаженного курса газеты, он уволился. Но всё-таки спустя какое-то время полковник Беличенко вернулся туда снова, уже на более приемлемых для плодотворной работы условиях. Хотя имя его уже становилось достаточно известным, выходили книги, удостаивались премий, то есть мог бы пойти и в более-менее свободное плаванье. Но, очевидно, верность газете, артиллерийской братии, друзьям-журналистам была стержнем его характера. И не отсюда ли такие его стихи:

... Судьбе и веку благодарный,
почти не явленный числом,
осколок рати легендарной,
зачем-то пущенной на слом,

я не ищу в себе героя. –
Я лучше печку растоплю,

Музыку нежную настрою
да бабу снежную слеплю.

Да на границе огорода
для снега выстрою заплот...
Когда в России нет народа –
то каждый сам себе народ.

А куст рябины, чуть оттаяв,
с ветвей отряхивает лёд...
Снигирь клюет – как Чаадаев
свое отечество клюет.

О, сколько их, таких свободных,
страну клюющих задарма,
отменно умных, благородных,
но все же сдвинутых с ума,

казнимых, каторжных, болящих
родило в замыслах благих
свободу блуда – для гулящих,
свободу слова – для глухих!

Почему ещё так моя душа отозвалась строкам Юрия Беличенко? Видимо, и потому, что без громких слов в нас свято вызрело в своё время чувство благодарности отцам, отстоявшим нашу жизнь, независимо от того, погибли они или вернулись домой. Зримо и реально это, конечно же, не могло не высветиться в Юрии, его характере, судьбе и, наконец, сначала военной службе, а потом и журналистской деятельности в «Красной звезде». Воин и Поэт не могли жить друг без друга.

В суете, суматохе и дыме,
За работой своей дотемна,

Мы б, наверное, стали другими,
Не вспаши наше детство война.

Откровенно признаемся в этом:
Наши судьбы в масштабах страны
Освещались естественным светом,
Отраженным от молний войны.

Ни вины, ни обиды здесь нету,
Ни к чему привставать на носки.
Под горячим светилом Победы
Наше поле давало ростки.

Мы спешили, спешили, спешили,
Но в душе понимали одно:
Совершить, что они совершили,
Нам, наверно, не будет дано.

Отрешимся от праведной блажи,
Воздавая почет старикам, -
Ведь История наши поклажи
Не фасует по равным тюкам.

Мы за спинами их постарели.
Но, наверное, логика есть,
Что о тех, кто в огне не горели,
Нам заботиться выпала честь.

В одной из своих книг Юрий размышляет:

«Нам-то в тайне казалось, будто успехам или неудачам своим мы сами себе причиной, сами на распутьях выбирая, куда повернуть и что потерять. Сейчас я понимаю: это не так. И возникшие на пути препоны, и наш выбор, и все, что следовало потом, было определено исторической жизнью России, увязывая нашу судьбу с её непредсказуемой судьбой. А её судьба, что ни

век – темна, и правит ею не партийный вождь и не православный царь, не здравый смысл и не твёрдый замысел, а всякий раз какая-то нелепица, порыв, случай, предвидеть и предотвратить который заранее невозможно.

Одна лишь надежда, что случай этот таит в себе Промысел Божий».

У меня нет сомнения, что именно этот самый Промысел и вёл Юрия по жизни. И соединил в нём мужество Воина и сердце Поэта. Вот почему так близок стал ему Лермонтов, и, несмотря на постоянные и дальние командировки, он пишет – не эссе, не очерк, а полноценную по содержанию и размышлениям книгу «Лета Лермонтова». Вот как вспоминал об этом Юрий Грибов, писатель, редактор, хорошо знавший Юрия:

«Лермонтова он беззаветно любил как великого поэта и храброго русского офицера. Кажется, он во многом ему подражал и, может, поэтому выделялся в коллективе благородством, умом и тактом, особым обаянием. Я его иногда в шутку спрашивал, не дворянского ли он рода, и Юрий Николаевич шуткой же отвечал:

– Владею имением на Тамани в шесть соток вместе с плетнем!

...«Лермонтова» он успел закончить. Мы с ним вместе поехали в Переделкино к Олегу Михайлову, сотруднику Института мировой литературы, одному из лучших критиков. Михайлов быстро прочитал рукопись, написал рецензию для издательства, потом позвонил:

– Завидую! Прекрасная книга! Я бы автору премию дал и кандидатскую степень!

Премией Юрий Николаевич был потом отмечен. И даже не одной».

Нет сомнения, что Михаил Юрьевич был всегда рядом с ним, иначе откуда такие строки, что бьют в самую суть, в самый нерв его стихов:

... Грехов и заблуждений не минуя,
я не грешил ни честью, ни строкой.
Я жить хотел в эпоху не большую,
но у России не было такой.
И ты, Архив, к великим не ревнуя,
прими меня под папку номерную
и с Лермонтовым вместе упокой!

А ведь написано это за 10 лет до смерти...

И даже вроде в совершенно лирических стихах звучит та самая музыка – и земного, и небесного, что переворачивает душу... Тот случай, когда «кончается искусство и дышат почва и судьба...» Мне кажется, что мы ещё не открыли – во всей глубине с мощной внутренней энергией его строк – большого поэта, в том числе и потому, что порой боимся со всей откровенностью и любовью признать «обыкновенное чудо». Обыкновенное – потому что вот, жил в одно время с нами, вкалывал как журналист, был настоящим офицером, писал вроде бы неплохие стихи, но чтобы – чудо...

... Выйдешь ночью – большая луна
за леса свои зарева прячет.
У вокзала гулянка хмельна
под советскую музыку плачет.

Задевая за кроны дерев,
ходят звезды по вечному кругу.
И какой-то неясный припев
добавляется каждому звуку.

И глядишь, как с осенних дубрав
прилетает листва золотая.
И стоишь, как последний дурак,
непонятные слезы глотаю...

А надо просто взять в руки тот или другой сборник, где Юрий Беличенко вырос и возмужал как поэт, и убедиться, что нам крепко повезло, мы жили рядом с ним, и сейчас он с нами – не в книжной обложке, а в душе. Ему ничего не стоило одним взмахом поэтического крыла оказаться в другом веке, к примеру, рядом с Пушкиным, и в то же время сказать о России своего времени так, как мало кому удавалось.

... Она – не Рим.
Она, скорее, Азия.
Она не позабудет сторяча,
как Годунов с тяжёлыми подглазьями
ей высватал Емельку Пугача.
Как, изменив свое предназначение
при виде иноземного врага,
в ней царь Кашей уходит в ополчение
и медсестрой становится Яга.
Россия дремлет.
Ей ещё отпущены
и молодость, и слава, и беда.
И пусть она уносит сани Пущина,
хоть он и сам не ведает, куда.
А впрочем, Пушкин, ни к чему пророчества!
Тебе ещё с бессонницы ворочаться
и, не проснувшись, требовать «Клико».
Любить. Шутить. Поеживаться молодо
от русского общественного холода,
где трудно жить,
но пишется легко.

(«Сани Пущина»)

«Где трудно жить...» В самом начале нового века заявила о себе и серьёзная болезнь Юрия, требовалась операция. С большим трудом друзья и сподвижники по работе собрали необходимую сумму. Всё прошло вроде хорошо, Юрий уже де-

лился новыми, в том числе творческими, планами. Но 8 декабря 2002 года он не дошёл до редакции «Красной звезды»: рванул предательский тромб и ударил прямо в сердце.

После его ухода стараниями жены, поэтессы Ольги Ермолаевой, Александра Долинина и других была издана небольшая книжка «Прощеное воскресенье», которая стоит дорогого, потому что там – лучшее из предыдущих сборников. У кого-то они наверняка есть: «Звенья», «Время ясеня», «Зов чести», «Арба», вышедшая уже незадолго до смерти, и другие. Позднее вышел сборник «Час исповедальный» – к чести издательства «Культура» и на радость читателям.

К шестидесяти годам, будучи ещё далеко не пожилым человеком (учитывая офицерский характер), он создаёт документальный роман-исповедь «Пишу, чтобы жить...». О большом труде, посвящённом Лермонтову, я уже упоминала. Учитывая его непрестанные командировки, удивляешься, сколько он успел сделать как автор, причём значительного и на высоком уровне. Потому и награды, коими был удостоин Юрий Беличенко, были по-писательски заслужены, без какой-либо оглядки на его служебные достижения, которые были не менее весомыми. Кавалер ордена «За службу Родине в Вооружённых Силах СССР» – это не только хорошо звучит, но и напоминает в том числе об огромной культурно-просветительской работе журналиста и поэта в той же «Красной звезде».

А мне не даёт покоя одна, возможно неожиданная, догадка. Во время болезни, оглядываясь на судьбу свою, вспоминая поэта и воина Лермонтова, о котором, кажется, Юрий никогда и не забывал, не обращался ли он к нему со знаменитыми строками из «Завещания» классика:

Наедине с тобою, брат,
Хотел бы я побыть:

На свете мало, говорят,
Мне остается жить!
<...>

А если спросит кто-нибудь...
Ну, кто бы ни спросил,
Скажи им, что навyleт в грудь
Я пулей ранен был;
Что умер честно за царя,
Что плохи наши лекаря
И что родному краю
Поклон я посылаю.

Разве это и не о нём, Юрии Николаевиче Беличенко? И о станции Крымской Краснодарского края, где провёл своё детство и полюбил навсегда ... это тоже о нём.

И что «плохи наши лекаря» (что не в телевизоре), и что ранен в грудь – о нём же ...

Переболеть, пережить такие годы, такой слом всего и вся!.. И выстоять!

Я не только надеюсь, но и уверена, что они встретятся там – Михаил Юрьевич и Юрий Николаевич. И будут болеть за нас оттуда ... И молиться за Россию.

И последнее. Предвидя своё уже недолгое пребывание на этой грешной земле, он как-то в разговоре с другом сказал, что его начнут читать лет этак через пятнадцать. Пока не до поэзии, он считал, выживать надо.

Вот и прошли эти пятнадцать. Вот и пора открыть большого поэта Юрия Беличенко, и не только для любителей поэзии, но и для России в целом. Он заслужил это право достойнейшей жизнью русского офицера и – яркого, глубокого, с горячим сердцем и неповторимым почерком – Поэта.

«Я ЗНАЮ О МНОГОМ. Я ПОМНЮ. Я СМЕЮ...» (К 110-летию со дня рождения Ольги Берггольц)

1

Об Ольге Берггольц надо писать роман, который, если автор справится, поднимет русскую женщину-поэта на такую высоту, что мир ахнет и поклонится ей в пояс.

Моя же, готовая к изданию, книга связана с темой Великой Отечественной войны, поэтому в центре будет именно этот период жизни и творчества героини; но и было бы легкомысленно «забыть» обо всём, что прошла Ольга Берггольц в предвоенные годы, а после войны и в мирное время, порой не менее драматичное, но и более чем успешное в творческом плане, – как правило, неотрывное от темы военных лет. Только так можно увидеть во весь рост эту уникальную личность, ставшую на долгие годы символом города-героя Ленинграда.

Уже в 15 лет она пишет стихотворение «Ленин», которое публикует газета, а затем в журнале «Красный галстук» печатается её рассказ «Заколдованная тропинка». Творчество, судя по всему, уже не отпускает её, и Ольга приходит в литературное объединение «Смена», где знакомится с поэтом Борисом Корниловым, будущим мужем. Через три года они поженились, у них родилась дочь Ирина. Но двум поэтам в одной «берлоге», как показывает жизнь, очень непросто, и после двух лет совместной жизни они разошлись. И всё же бывшие чувства ещё долго не оставляли сердце Ольги Берггольц, о чём с большой вероятностью говорят её стихи, написанные уже после гибели Бориса Корнилова в 1938 году (ввиду обвинения в заговоре против власти):

Это всё неправда. Ты любим.
Ты навек останешься моим.

Ничего тебе я не прошу.
Милых рук твоих не отпущу.
А тебе меня не оттолкнуть,
даже негодуя и скорбя.
Как я вижу твой тернистый путь,
скрытый, неизвестный для тебя.
Только мне под силу, чтоб идти –
мне – с тобой по твоему пути...
1940

С потерпевшей крах семейной жизни начались испытания, которых не пожелаешь никому. Дочка Ирина, плод любви супругов, умерла подростком по причине серьёзной болезни.

Второй муж, однокурсник по Ленинградскому университету, литературовед Николай Молчанов, умер в войну от голода и болезни после тяжёлых работ на строительстве укреплений на Лужском рубеже. Ольга Берггольц посвятила ему лучшую, по собственному мнению, поэтическую книгу «Узел» (1965 г.). Их дочка Майя тоже умерла, будучи очень слабой здоровьем.

В то же время довоенные годы были творческим взлётом Ольги Фёдоровны: она постигает журналистику, много ездит, издаёт первые книги уже для взрослого читателя (в начале пути она больше писала для детей). Из них основные – книга рассказов «Ночь в Новом мире» и сборник «Стихотворения».

Должно быть, молодости хватает,
Душа, наверно, еще легка –
Если внезапная наступает
На жажду похожая тоска,

Когда становится небо чище,
И тонкая зелень мерцает везде,
И ты пристанища не отыщешь
В любимом городе, полном людей, –

Тоска о любви, еще не бывшей,
О не свершенных еще делах,
О друзьях неизвестных, не приходивших,
Которых задумала и ждала...
(«Должно быть, молодости хватает», 1935)

А дальше – вновь вереница крутых испытаний. Едва прошло ощущение радости от признания её Союзом писателей СССР, как Ольгу Берггольц в известном «тридцать седьмом» то и дело вызывают на допросы в связи с очередным делом по поводу «врагов народа». После одного из допросов «с пристрастием», будучи беременной на позднем сроке, поэтесса попадает в больницу и теряет третьего (!) ребёнка.

После снятия обвинений её восстанавливают в Союзе писателей, но уже через полгода она снова оказывается в подвалах уже знакомых «бдительных» органов. На этот раз по делу «Литературной группы», оговорённая бывшими друзьями-писателями из вятского отделения Союза, причём первым это сделал, как показывают документы, его председатель Андрей Алдан-Семенов... А ещё двое, с кем Ольга Фёдоровна работала в Казахстане как журналист, под угрозами тоже присоединились...

Знаю, знаю – в доме каменном
Судят, рядят, говорят
О душе моей о пламенной,
Заточить ее хотят.
За страдание за правое,
За неписанных друзей
Мне окно присудят ржавое,
Часового у дверей...
(«Знаю, знаю – в доме каменном... », 1938)

Почти полгода продолжалась эта пытка. Освобождена и полностью реабилитирована Ольга Берггольц была летом

1939 года. Но настигает новая трагедия: после допросов и связанных с этим мук она родила прямо в тюрьме долгожданного ребёнка... уже мёртвого. Кому ещё выпало в ту, почти мирную, пору такое?! Неслучайно после освобождения она так сказала об этих «охранительных» структурах: «Вынули душу, копались в ней вонючими пальцами, плевали в неё... потом сунули обратно и говорят: живи!».

Но, «наученная» уже судьбой, Ольга Берггольц зимой 1940 года вступила в ВКП(б). А возможно, как и многие пострадавшие в те годы, считала, что это не государство виновато, а те самые... забиравшие людей по ночам и увозившие их из дому порой навсегда.

2

...Потом была Война...

И мы, как надо,
как Родина велела, шли в бои.
И с нами шли «Каховка» и «Гренада»,
прекрасные ровесники твои.
О, как вело,
как чисто пело Слово!
Твердили мы:
– Не сдай! Не уступи!
...Звени, военная свирель Светлова,
из голубой, из отческой степи...
(«Потом была Война»)

На этот раз проявила себя пословица «Нет худа без добра». Правда, худо это было одним из самых страшных в истории страны, а добро – это возрождение, как внутреннее, так и внешнее, общественное, писателя Ольги Берггольц. В годы тяжелейших испытаний она нашла силы не только выстоять самой, но и

подставить своё хрупкое плечо землякам-ленинградцам. В первые же дни войны она обращается к Родине:

Мы предчувствовали полыханье
этого трагического дня.
Он пришёл. Вот жизнь моя, дыханье.
Родина! Возьми их у меня!

Она жаждала конкретной, осязаемой для города работы и нашла её в литературно-драматической редакции ленинградского радио. Искренняя, максимально собранная, не обладавшая для военной поры громким, весомым голосом, опасно похудевшая в голодающем городе, она в короткое время пробилась к душам ленинградцев, стала для кого – дочерью, для кого – матерью, для кого – самым верным другом.

...Я говорю: нас, граждан Ленинграда,
не поколеблет грохот канонад,
и если завтра будут баррикады –
мы не покинем наших баррикад...
И женщины с бойцами встанут рядом,
и дети нам патроны поднесут,
и надо всеми нами зацветут
старинные знамена Петрограда.
(«Я говорю»)

Из автора лирических стихов и милых детских книжек она становилась и рупором, и символом великого русского города, проходя вместе с ним все тревоги, боли и надежды. После смерти Николая Молчанова в 1942 году Ольга Фёдоровна лишилась его заботы и моральной поддержки... Она могла уехать далеко в тыл страны, но осталась в Ленинграде, несмотря на ухудшающееся здоровье.

Наконец её отправили в Москву, чтобы она передохнула, за-

была хоть на время тяжёлые блокадные будни и окрепла физически. И была возможность хотя бы сколько-то пожить в столице, но Ольга Фёдоровна отказалась. И не хотела, чтобы её жалели: «Я не доставила москвичам удовольствия видеть, как я жадно ем... Я гордо, не торопясь, съела суп и кашу». И писала в Ленинград: «Тоскую отчаянно... Свет, тепло, ванна, харчи – всё это отлично, но как объяснить им, что это вовсе не жизнь, это сумма удобств. Существовать, конечно, можно, но жить – нельзя. Здесь только быт, бытие – там...». И «мадонна блокадного Ленинграда», как любя называли её многие, вернулась туда, где её ждали, а вернее – сроднились с ней. Именно эта жизнь и работа на пределе сил нашла отражение в двух за это время книгах: «Ленинградская тетрадь» (1942) и «Ленинград» (1944), в которых картины блокадного города соседствуют с раздумьями о героизме, верности и любви, побеждающими страдания и смерть.

Товарищ, нам горькие выпали дни,
Грозят небывалые беды,
Но мы не забыты с тобой, не одни, –
И это уже победа.

3

Как и Юрия Левитана, немцы строили планы ликвидировать Ольгу Берггольц, но не тут-то было. И в январе 1943-го многострадальный город услышал из уст любимой поэтессы долгожданное:

«Ленинградцы! Дорогие соратники, друзья! Блокада прорвана! Мы давно ждали этого дня, мы всегда верили, что он будет... Ленинград начал расплату за свои муки. Мы знаем – нам ещё многое надо пережить, много выдержать. Мы выдержим всё. Мы – ленинградцы».

И в высшей степени справедливым было награждение её уже летом того года медалью «За оборону Ленинграда».

Сразу после войны вышел сборник «Говорит Ленинград», вобравший в себя многие из радиосюжетов военного времени. Правда, после «высочайшей» критики журналов «Звезда» и «Ленинград» всё первое издание книги было изъято. «Бдительные» органы снова активизировались. Да и свои братья-писатели подчас нешуточно кусали. Вот что сказал о «блокадных» работах нашей героини известный поэт Александр Прокофьев: «Я хочу сказать, что Берггольц, как и некоторые другие поэты, заставила звучать в стихах исключительно тему страдания, связанную с бесчисленными бедствиями граждан осаждённого города». И вот ответ поэтессы:

...И даже тем, кто всё хотел бы сгладить
в зеркальной робкой памяти людей, –
не дам забыть, как падал ленинградец
на жёлтый снег пустынных площадей...

Я знаю, что Александра Прокофьева «чаша сия», а именно блокадная, миновала, так как он всю войну был корреспондентом воинских изданий и потому постоянно менял «дислокации», но знаю и то, что Берггольц не только прошла эту страшную во всех смыслах дорогу, но и была измождена на этом пути так, что в Москву её буквально вытолкнули, дабы жива осталась... Ну что тут скажешь! Одно дело – описывать рыцарские деяния, а другое – и в жизни хоть иногда проявлять их. А когда такие вердикты выносит аж главный по должности писатель большого Ленинграда, тут не отмахнёшься даже мысленно... Хотя и надежда на другую жизнь, дарящую хотя бы изредка радости, всё-таки не оставляла женское сердце.

Я все еще верю, что к жизни вернусь, –
Однажды на раннем рассвете проснусь.

На раннем, на легком, в прозрачной росе,
Где каплями ветки унижены все,
И в чаше росынки стоит озерко,
И в нем отражается бег облаков,
И я, наклоняясь лицом молодым,
Смотрю как на чудо на каплю воды,
И слезы восторга бегут, и легко,
И виден весь мир далеко-далеко...
Я всё ещё верю, что раннее утро,
Знобя и сверкая, вернется опять
Ко мне – обнищавшей,
Безрадостно-мудрой,
Не смеющей радоваться и рыдать...
(«Надежда», 1949)

И спасало, как всегда, творчество. В 1948 году в Москве публикуется «Избранное», в 1950-м в журнале «Знамя» печатается героико-романтическая поэма «Первороссийск» – о петроградских рабочих, строивших в 1918 на Алтае город-коммуна. Именно она была отмечена Сталинской премией. А в 1958 году вышло собрание сочинений в двух томах.

В эти годы Ольга Фёдоровна много ездит как журналист и писатель. Сталинград, Севастополь – вот новые адреса её командировок и, конечно же, новые произведения. И, наконец, – «Дневные звёзды», во многом итоговая книга, своего рода история её поколения, её любимого города и в целом страны за эти трудные во всех смыслах годы.

Внешне, казалось бы, более-менее налаженная жизнь не всегда сочеталась с душевным равновесием. К тому же брак с профессором-филологом Г. П. Макогоненко оказался менее устойчивым, чем хотелось бы, и эта женщина, выдержавшая не одну бурю, в какой-то момент не нашла сил для укрощения новых «сюрпризов», и сорвалась, и на какое-то время выпала из нормальной общественной и личной жизни...

Но собственный пример мужества и выдержки в тяжелейшие дни войны и во время безбожного давления власти не дали этой фантастически стойкой женщине поставить крест на своей жизни. И это стало её личной Победой. Не отсюда ли такие полные истинного трагизма и отчаянной правдивости, стихи:

... Я недругов смертью своей не утешу,
чтоб в лживых слезах захлебнуться могли.
Не вбит ещё крюк, на котором повешусь.
Не скован. Не вырыт рудой из земли.

Я встану над жизнью бездонной своею,
над страхом её, над железной тоскою...
Я знаю о многом. Я помню. Я смею.
Я тоже чего-нибудь страшного стою...

И «Дневные звёзды», получившие большой резонанс в обществе, – результат того самого возрождения... Это именно ей принадлежат уже всемирно известные строки, высеченные на граните Пискаревского мемориала: «Никто не забыт, и ничто не забыто».

История расставила все точки над *i*. Родной город Ленинград, выживший в блокаду не без её участия, а по сути гражданского подвига, увековечил свою «блокадную мадонну», хотя без «ложки дёгтя» и тут не обошлось. Не было исполнено последнее желание Ольги Берггольц – быть похороненной рядом с дорогими сердцу ленинградцами на Пискаревском кладбище; некролог был опубликован только в день её похорон на Волковом, так что сотни, если не тысячи людей не смогли вовремя сказать ей последнее «прости»; памятник на её могиле появился только через 30 лет... Хотя в официальных наградах, кажется, недостатка не было: два ордена, медали и даже Сталинская премия. И, естественно, названная в её честь улица в Ленинграде, мемориальные знаки на зданиях, связанных с жизнью и творче-

ством Берггольц, звание Почётного гражданина Санкт-Петербурга... Конечно же, без огромной благодарной памяти обычных жителей города, прошедших не менее драматический путь, чем Ольга Берггольц, – ничего бы этого не было.

И закончить очерк я хочу стихотворением Ольги Берггольц, выразившим самую суть этой удивительно цельной и мужественной женщины:

Я сердце свое никогда не щадила:
ни в песне, ни в дружбе,
ни в горе, ни в страсти...
Прости меня, милый. Что было, то было.
Мне горько.
И все-таки всё это – счастье...

«НЕТ, ЖИЗНЬ МЕНЯ НЕ ОБДЕЛИЛА...»

Об Александре Твардовском я услышал в детстве, при обстоятельствах, можно сказать, необычных. Придется начать издалека.

Мои родители выросли в многодетных семьях. У отца было двенадцать братьев и сестер, а у матери – восемь. К Отечественной войне сыновья и зятья моих бабушек оказались в расцвете сил и в первые же месяцы ушли на фронт. У одной бабушки там полегли два сына, зять и внук, а у другой – сын и зять. Но четверо моих дядей с той и другой стороны вернулись домой. Погибших я знаю только по фотографиям, а вернувшихся – какими они пришли с войны – помню цепкой и незамутненной детской памятью. Они очень отличались от деревенских парней и мужиков, которым не довелось воевать. Если я скажу, что они были бедовыми, то это будет правда, но не вся. Казалось, что они увидели вдали от дома такое, после чего не может быть страха. Ни перед чем и ни перед кем. Так мне запомнилось.

Один из фронтовиков, дядя Вася, бабушкин зять, был особым еще и по-своему. Он слыл первым в деревне плотником и столяром. В разные годы срубил два дома для себя и не меньше десятка – для родственников и односельчан. Всю мебель в своей избе после войны он смастерил сам: отличный плательный шкаф, который, потемнев от времени, стоит в доме тети до сих пор, комод, буфет, не говоря уже о столах, лавках и табуретках. Дядя Вася хорошо рисовал. Моя бабушка, его теща, пуще всех довоенных фотографий хранила большой портрет погибшего сына, почти мальчика, которого нарисовал дядя Вася. Этот портрет и сейчас цел.

Но самым козырным – для деревни – талантом бывшего пешотинца был сочинительский. Дядя смолоду писал стихи. Такому дару мои земляки удивлялись, им восхищались и, при случае, хвастились перед заезжими, как своим собственным. Стихи Василия Максимовича шли гвоздём программы в редких клубных концертах, им отводили видное место в колхозной стенгазете. Случалось, от них плакали: когда дядя «продёргивал» кого-нибудь в стихах, его едкие куплеты повторяли наизусть месяцами.

Как у многих сочинителей, у дяди Васи имелся и литературный кумир. Это был Твардовский. Не знаю, боготворил ли мой родственник Александра Трифоновича до войны, но после фронта он поминал автора «Василия Тёркина» чуть не каждый Божий день. Особенно часто, с радостным возбуждением, при выпивках. В близкой понимающей компании Василий Максимович то и дело пересыпал разговор строчками Твардовского. К концу застолья прославленные стихи шли всё гуще: память захмелевшего дяди не только не притуплялась, а словно бы прояснялась. Без запинки читал он большие куски из поэм, короткие и длинные стихотворения Твардовского. А ночью нередко происходило и вовсе удивительное. Спокойно уютившись в постели и провалившись в сон, мой фронтовик начинал произносить, строку за строкой, какую-нибудь главу «Василия Тёркина». Звучно, почти трезвым голосом, то весело частя, то отчетливо произнося каждое слово, он выговаривал:

Жить без пищи можно сутки,
Можно больше, но порой
На войне одной минутки
Не прожить без прибаутки,
Шутки самой немудрой.
Не прожить, как без махорки,
От бомбежки до другой
Без хорошей поговорки
Или присказки какой...

Вышло так, что в моей памяти строки Твардовского перемешались с разговорами самыми житейскими: о покосе в ближних березовых колках, об отведенной деляне, где можно рубить жерди для изгороди, о хлебах, которые смял ночной байкальский ветер. Строки дядиного поэта, особенно из «Страны Муравии» и «Василия Тёркина», были родственны мужицким толкам о самом насущном; у тех стихов и этих разговоров имелась одна основа, о которой я, конечно, не задумывался тогда.

Крестьянская работа открывалась нашему брату не из книг. Но когда ты знал, что, к примеру, поспевшая трава легче косится на утренней зорьке, при крупной росе, которая словно бы «смазывает» при косьбе литовку, а голос со стороны напоминал тебе о том же самом в певучих и емких стихах, эта подсказка запоминалась навек:

Коси, коса,
Пока роса,
Роса долой –
И мы домой.
Таков завет и звук таков,
И по косе вдоль жала,
Смывая мелочь лепестков,
Роса ручьем бежала.
Покос высокий, как постель,
Ложился, взбитый пышно,
И непросохший сонный шмель
В покосе пел чуть слышно.

В глухой и далекой от поэта стороне Твардовский западал в детскую душу потому, что он знал подноготную нашей нищей послевоенной жизни. Ну, скажите, в чьих еще стихах нашли бы вы картину, повсеместно наблюдаемую в крестьянских дворах после войны (пусть Твардовский написал это еще в тридцатых, для меня было важно, что он знал такую бездну нищеты):

А в избе, что сгнила у него без сеней, –
Только голые стены да куча детей.
А коровку – единственный хвост на дворе –
На холстах, на верёвках таскал в январе.
Двор стоял, точно шапка у пьяницы, криво,
Мыши с голоду дохли, попадая в сусек.
И скрипел журавель на колодце тоскливо,
Чтобы помнил о жизни своей человек.

«Имба сгнила без сеней», думал я, потому что до войны хо-
зяин так и не собрался или не нашел силенок пристроить сени,
а без него жена-солдатка пустила на дрова даже и ветхое крыль-
цо. «Коровку... на верёвках таскал в январе» – потому что от
бескормицы её уже не держали ноги, приходилось подсовывать
под живот верёвки или холстину и, как на помочах, подтягивать
к какой-нибудь дворовой перекладине. Не говорю уж о мышах,
которые с голоду дохли в бесхлебной избе. Тут каждый штрих
был верен, перенесён из глубины народной жизни, тут каждая
строка почиталась святой правдой. И как же было не запо-
нить такого поэта! Я видел двух своих дедов, когда мой знаток
Твардовского читал наизусть «Про Данилу» – про того старого
крестьянина, который имел привычку спозаранку обегать чуть
ли не все артельное хозяйство, примечая каждый изъян. Даже
председатель интересовался его высоким мнением:

– Как погода – постоит,
Данила Иваныч?
И, задумавшись слегка,
Молвит дед солидно:
– Постоять должна пока,
Постоит, как видно...

В таких стихотворных строчках не было ошеломляющих
поэтических образов. Какой-нибудь ценитель литературной

формы мог бы сказать, что нет новизны. Но новизна тут – это
очарование тона, подлинность даже самого малого бытово-
го штриха, непринужденность лирического рассказа. И еще в
стихах Твардовского была душевная, доверительная, родная по
духу и форме исповедь – о том, чем же дорога нам наша трудная,
не раз вслух клятая и втайне благословляемая судьба:

Нет, жизнь меня не обделила,
Добром своим не обошла.
Всего с лихвой дано мне было
В дорогу – света и тепла.
И сказок в трепетную память,
И песен матери родной,
И старых праздников с попами,
И новых с музыкой иной.
И в захолустье, потрясенном
Всемирным чудом наших дней, –
Старинных зим с певучим стоном
Далеких – за лесом – саней.
И весен в дружном развороте,
Морей и речек на дворе,
Икры лягушечьей в болоте,
Смоли у сосен на коре.
И летних гроз, грибов и ягод,
Росистых троп в траве глухой,
Пастушьих радостей и тягот,
И слез над книгой дорогой.
И ранней горечи и боли,
И детской мстительной мечты,
И дней, не высиженных в школе,
И босоты, и наготы.
Всего – и скудости унылой
В потемках отчего угла...
Нет, жизнь меня не обделила,
Добром своим не обошла...

Позже, на исходе отрочества, придя на филологический факультет университета, я увидел, что и для моих студенческих товарищей Твардовский среди всех современных поэтов стоит наособицу, в строгом классическом ряду. Это сейчас кое-кто пытается поддерживать миф о том, что в конце пятидесятых – начале шестидесятых годов пришли, мол, особые таланты, потрясатели литературных основ, и вывели новую поэзию в многолюдные аудитории. На самом деле знатокам и ценителям русской лирики эстрадные массовки настырных стихотворцев казались, говоря по-теперешнему, обыкновенными шоу, а истинная поэзия жила своей жизнью, зажигаясь не от вспышек идеологического психоза, а от потрясений народной судьбы. Непререкаемыми авторитетами оставались здравствовавшие тогда Александр Твардовский и Анна Ахматова.

А с эстрады неслось: «...мои уши кружились, как мельницы (?), По безбожной, бейсбольной, по бензоопасной Америке!» (Вознесенский).

Или так: «Границы мне мешают... Мне неловко не знать Буэнос-Айреса, Нью-Йорка. Хочу шататься, сколько надо, Лондон, со всеми говорить – пускай на ломаном» (Евтушенко).

Не принимая этого словоблудия, мы искали и находили живые строки подлинной поэзии, не назойливо оглушавшей, а строго звучащей в безмолвном зале библиотеки или в притихшей студенческой комнате. И как часто это был Твардовский!

Мне славы тлен – без интереса
И власти мелочная страсть.
Но мне от утреннего леса
Нужна моя на свете часть;
От уходящей в детство стежки
В бору пахучей конопли;
От той березовой сережки,
Что майский дождь прибьет в пыли;

От моря, моющего с пеной
Камень теплых берегов;
От песни той, что юность пела
В свой век – особый из веков;
И от беды и от победы –
Любой людской – нужна мне часть,
Чтоб видеть все и все изведать,
Всему не издали учась...

* * *

Чем же завоевал Александр Твардовский свою высокую поэтическую власть?

Как известно, Твардовский вошел в русскую литературу – или ворвался? – своей поэмой «Страна Муравия», написанной в возрасте двадцати четырех – двадцати шести лет. Позже он признавался: «Во всех тогдашних делах деревни я разбирался порядочно, – не только потому, что сам происходил из деревни, но особенно потому, что все происходившее там в годы “великого перелома” составляло для меня самый острый интерес и задачу жизни».

«...Составляло для меня самый острый интерес и задачу жизни» – это сказано в глубинном смысле слов. Жестокая ломка крестьянского уклада перевернула судьбу и семьи Твардовских, и самого поэта. Клочок земли, болотистой, заросшей кустами и деревцами, «скупой и недоброй», хуторской домишко и незавидное хозяйство при нем – всё, что отец Трифон Гордеевич, кузнец и пахарь, нажил тяжким и долгим трудом, было отобрано; его с женой и младшими детьми выслали как кулака на восток, в таёжные гиблые места. Александр Трифонович, живший тогда в Смоленске, избежал этой участи, но трагедия семьи до смерти оставалась незаживающей раной в его душе. Так что строки поэмы были оплачены Твардовским собственными стра-

даниями. В главах «Страны Муравии» то тут, то там прорываются приметы жестокого времени, и каждый раз отмечаешь для себя, что подлинный поэт никогда не лукавит ни перед собой, ни перед сильными мира сего. Вот Никита Моргунок попадает в крепком селе на странную гулянку:

– Что за помин?
– Помин общий.
– Кто гуляет?
– Кулаки!
Поминаем душ усопших,
Что пошли на Соловки.
– Их не били, не вязали,
Не пытали пытками,
Их везли, везли возами
С детьми и пожитками.
А кто сам не шел из хаты,
Кто кидался в обмороки, –
Милицейские ребята
Выводили под руки...

Видно ли за этими жёсткими и точными словами оправдание власти? Нет. А страничку, которую приведу сейчас, вообще можно назвать подстрекательской – и это написано в пору начавшихся после раскулачивания массовых репрессий уже по всей стране! Моргунок встречает знакомого «кулака», Бог весть как вырвавшегося с сыном-мальцом из отдаленных мест:

– Бреду оттуда..
– Что ж там? Как?
– Да так. Хороший край.
В лесу, в снегу, стоит барак,
Ложись и помирай.
– Так, так, Илья Кузьмич...
А все ж –
Тут злость своя нужна:

Что скажут – делай, – дескать, врешь,
Работа не страшна.
– Нет, брат, спасибо за совет.
Не страшен был бы труд,
Да смысла нет.
– А ты начни!
– Да мочи нет..
– А ты тяни!
– Да руки не берут.
Никита слушал и коня
Из вида не терял.
Мальчишка, млея у огня,
Тихонько засыпал.
Куда он, малец, гол и бос,
Шел по свету с отцом,
Суму на перевязи нес
С жестяным котелком?..
– А что, – пожал отец плечом, –
Не страшно до зимы.
Где так попросим, где споем, –
Петь научились мы.
– Эх, брат, – вздохнул, ложась, Бугров, –
В последний этот год
Еще б таких наделать дров, –
Земли переворот!..
На колокольни встать бы, брат,
И сверху б – в добрый час –
На всю Россию бить набат!
– Да не во что как раз...

И поэма «Страна Муравия», и стихи Твардовского тридцатых годов отмечены подробнейшим знанием крестьянской жизни, знанием родовым, добытым горбом. В поэме, например, оно не только в деталях, рассыпанных по ее страницам; оно пронизывает весь рассказ от первой до последней строки, о тревож-

ном и долгом пути героя в поисках заветной страны Муравии. Тут доподлинно узнаешь сокровенный смысл жизни крестьянина, его труда, быта, потаенных мечтаний. Можно ли было некрестьянскому сыну так написать о земле:

Земля!
От влаги снеговой
Она еще свежа.
Она бродит сама собой
И дышит, как дежа.
.....
Земля!
На запад, на восток,
На север и на юг...
Припал бы, обнял Моргунок,
Да не хватает рук...

А о коне:
То конь был – нет таких коней!
Не конь, а человек.
Бывало, свадьбу за пять дней
Почует, роет снег.
Земля, семья, изба и печь,
И каждый гвоздь в стене,
Портянки с ног, рубаха с плеч –
Держались на коне.
Как руку правую, коня,
Как глаз во лбу, берег
От вора, мора и огня
Никита Моргунок.

Тут особый взгляд, особая душа, особая речь – то, что сложилось веками. Вот смотрит крестьянин окрест ранней весной:

По склонам шубою взялись
Густые зелены,
И у березы полный лист
Раскрылся за два дня.
И розовой пеной сок
Течет со свежих пней.
Чем дальше едет Моргунок,
Тем поле зеленей.
И день по-летнему горяч,
Конь звякает уздой.
Вдали взлетает грузный грач
Над первой бороздой.
Пласты ложатся поперек
Затравеневших меж.
Земля крошится, как пирог,
Хоть подбирай и ешь.

Такая поэзия не сочиняется, она восходит из глубин народной жизни, и кажется, что она вечно была и вечно будет. После только что прочитанных строк станет понятней мечта Никиты Моргунка хозяйствовать на земле самостоятельно, без унижающего надсмотрщика и ненужных советов, без артельного безделья и пустого общака. То, что ввелось не только в привычку, но и в самую святую сущность крестьянского бытия – мой плуг, моя рига, моя хлебная полоса, мой хутор, – было и для поэта близко, дорого и, может быть, нерушимо. Иначе как бы сумел он выразить это чувство с такой подлинностью, с такой непреложной правотой и с таким твердым вызовом каждому, кто убеждает жить по-другому:

Ведет дорога длинная
Туда, где быть должна
Муравия, старинная
Муравская страна.

И в стороне далекой той –
Знал точно Моргунок –
Стоит на горочке крутой,
Как кустик, хуторок.
Земля в длину и в ширину –
Кругом своя,
Посеешь бубочку одну,
И та – твоя.
И никого не спрашивай,
Себя лишь уважай.
Косить пошел – покашивай,
Поехал – поезжай.
И все твое перед тобой,
Ходи себе, поплеывай,
Колодец твой, и ельник твой,
И шишки все еловые.
Весь год – и летом, и зимой,
Ныряют утки в озере.
И никакой, ни боже мой, –
Коммуни, колхозии!..

Но сказать о том, что в русскую лирику вошел еще один крестьянский поэт, пусть и яркий, было бы в этом случае нелепостью. Твардовский имел закваску не только крестьянскую; Бог дал ему редкую способность с юности понять русскую народную судьбину – то знание, которое позже станет и глубоким, и всеобъемлющим и поможет поэту показать русского человека в его подлинном виде и на полях величайшей войны, и на невиданных миром стройках, обновивших ледяную, глухоманную Сибирь.

Твардовский не искал укрытий от бурь своего времени. В 1939 году, призванный в армию, он участвовал в походе наших войск в Западную Белоруссию, а зимой следующего года попал на советско-финляндскую войну. Увиденная вблизи война,

пусть и не принесшая удачи Красной Армии, предопределила поворот поэта к другой теме, вроде бы не совпадающей с первой, крестьянской, – к теме задуманной им тогда и написанной позже «Книги про бойца». Но это на первый взгляд кажется, что у поэм «Страна Муравия» и «Василий Теркин» нет точек соприкосновения. На самом деле, и там и тут – лирико-эпическое повествование о народном «самостоянье» при судьбоносных испытаниях.

К теркинской эпопее Твардовский пришел подлинным мастером, способным нарисовать в большой поэме и тяготы великой войны, и полюбившийся миллионам читателей образ русского солдата. Откроем предвоенный цикл «В снегах Финляндии». Уже тут нажитое мастерство и новые ратные впечатления дали поэту возможность необычайно ярко передавать незабываемое:

И шепелявый визг металла
Повис над самой головой.
И лес оглох. И ясно стало,
Что – началось, что это – бой.
И небо всех и все пригнуло
К земле, как низкий потолок.
И в блиндажах со стен от гула
Потек песок...

И во фронтовой лирике первых, самых тяжелых лет Отечественной войны Твардовский – по неукоснительной подлинности быта, переживаний, самочувствия людей – стоит на высоте «Книги про бойца». В трагических повествованиях его (а стихи и здесь чаще всего напоминают развернутые или короткие баллады) не услышишь неверного звука, не найдешь чуждой детали, не наткнешься на расхожую сентенцию. Достаточно, к примеру, прочитать стихотворение 1943 года под названием

«Две строчки» и станет ясно, что автор уже складывавшейся тогда фронтовой поэмы принципиально отвергал лирические придыхания, пустозвонство, красивые словесные завитушки, а вел рассказ скупой, тяжело и точно, как человек с раненой и страдающей душой.

Две строчки

Из записной потертой книжки
Две строчки о бойце-парнишке,
Что был в сороковом году
Убит в Финляндии на льду.
Лежало как-то неумело
По-детски маленькое тело.
Шинель ко льду мороз прижал,
Далеко шапка отлетела.
Казалось, мальчик не лежал,
А все еще бегом бежал,
Да лед за полу придержал...
Среди большой войны жестокой,
С чего – ума не приложу,
Мне жалко той судьбы далекой,
Как будто мертвый, одинокий,
Как будто это я лежу,
Примерзший, маленький, убитый
На той войне незначимой,
Забитый, маленький, лежу.

Для того, кто читает стихи отстраненно, в этих строках нет зацепок; взгляд не натывается на украшения, слух не улавливает звона. А того, кто сопереживает автору, сразу остановят штрихи пронзительные, раз и навсегда запоминающиеся, болезненные, как укол. «По-детски маленькое тело» погибшего юного солдата «лежало как-то неумело»; он оставался на льду «при-

мерзший, маленький, убитый». Понимаешь, что правда войны, ее чудовищная жестокость и требовали простых слов, повторяющихся, как в тяжелом забытии, жалящих сердце, высекающих слезы. Все время кажется, что Твардовский открыл какой-то свой секрет в поэзии: стихотворение передает «оголенную» суть происшедшего, а впечатление такое, что оно полно художественно выверенных и незабываемых подробностей. Это был действительно секрет. Не каждому поэту удавалось вернуть поэтичность, художественную выразительность словам коренным, значительным по смыслу.

* * *

Когда-то Максимилиан Волошин, художник, поэт, литературный критик, в статье «Поэты русского склада» высказал одно интересное суждение. В обыденной речи интеллигентов, в том числе и поэтов, заметил он, много слов стертых, невыразительных, а также иностранных, не имеющих русской окраски. Из-за этого речь наша выглядит бесцветной. Нужно черпать в отечественных словарях и в живой народной речи понятия красочные, многозначные, меткие. Но не менее важно для поэта, продолжал Волошин, воссоздать тот синтаксис, тот склад и тот ритм, которые присущи русской речи, живой, напевной и выразительной. Для многих стихотворцев все это – за семью печатями.

Это глубокое замечание вспоминается, когда читаешь стихи и поэмы Александра Твардовского. Новизна его поэтического стиля, народность его поэтического языка не в том, что он использует фольклорную речевую стихию – пословицы, поговорки, присказки; как раз их-то в произведениях Твардовского немного. Новизна и народность его поэзии в том, что, во-первых, он воссоздал словесное богатство разговорной русской речи, в которой меткое слово, новая присказка и поговорка словно бы творятся на твоих глазах, рождаются по тем естественным за-

конам, по которым складывается живой разговор. Во-вторых, поэт воссоздал богатый, гибкий, естественный синтаксис народной речи. Тут надо было иметь и цепкую память, сохранившую строй такой речи, и интуитивную способность легко и непринужденно воспроизводить этот строй. В-третьих, поэмы и стихотворения Твардовского в удивительном многообразии передали ритм, «музыку» живого разговора, его интонационное и фонетическое богатство. Иными словами, здесь схвачены и мастерски переданы богатейшие возможности нашего родного языка, его выразительность, точность, художественная красота.

* * *

В поэме «Василий Теркин» эта особенность Твардовского проявилась во всей привлекательности и новизне.

«Книга про бойца» – уникальное произведение русской поэзии. Оно создавалось не так, как обычно пишутся сочинения. Здесь сама жизнь, в данном случае кровопролитная война, давала автору все новый и новый материал для повествования и осмысления; поэт шел за жизнью, не опережая ее и не отставая от нее. Но он не был бесстрастным летописцем, не был послушным копиистом ее зигзагов. Духовный и жизненный опыт поэта, его великая вера позволяли ему и отбирать самое характерное и значительное в событиях войны, и угадывать в этих событиях вещей смысл. Впрочем, под словом «события» тут разумеются вовсе не боевые операции, не сражения, а эпизоды и происшествия фронтового быта. Для поэта было важно показать русского человека в буднях кровавой войны, за ежедневной смертельной ратной работой. Здесь проявлял солдат свою подлинную суть: свою решительность и осторожность, находчивость и бесшабашность, тоску по дому и безунывность, способность ко всем ремеслам и невозможность проявить ее в мирном деле. Творческий подвиг Твардовского состоял в том, что он

открыл нам народный характер, так неповторимо и ярко проявивший себя на войне. В нем не было ничего плакатного или лубочного, расхожего или повторенного с других образцов, приблизительного или вовсе надуманного. Василию Теркину не чужд страх, он не стыдится собственных слез, у него может разыграть самолюбие. Но это именно тот богатырь-солдат, храбрый, великодушный, терпеливый, работающий, веселый, на которого надеялась родная мать-земля и который оправдал ее надежды:

Богатырь не тот, что в сказке –
Беззаботный великан,
А в походной запылке,
Человек простой закваски,
Что в бою не чужд опаски,
Коль не пьян. А он не пьян.
Но куда вздох в запасе,
Толку нет о смертном часе.
В муках тверд и в горе горд,
Теркин жив и весел, черт!
.....
То серьезный, то потешный,
Нипочем, что дождь, что снег, –
В бой, вперед, в огонь кромешный
Он идет, святой и грешный,
Русский чудо-человек.

Теперь, с высоты прожитых лет, я, давнишний слушатель своего дяди-фронтовика, могу сказать: да ведь те стихи были про самого Василия Максимовича. Там многое совпадало. Мой фронтовик в закипевшей солдатской работе тоже мог сколотить крепкий плот, соорудить блиндажик, а на привале – починить сапоги или рубаху. Он мог сыграть на гармошке, рассмешить однополчан, вытащить из-под огня волоком на шинельке ране-

ного товарища. Он, как и его литературный тезка, был ранен, особенно тяжело в марте сорок третьего года, может быть, на том же пятачке обугленной земли, что и Теркин. А пожалуй, самое главное, чем он был похож на Теркина, – это характер. Мой Василий шел строить избу или рыть колодец всегда бесплатно. Годами кормил нашу перекатную голь супчиком из дичи (был удачливым охотником). Привечал за праздничным столом чуть ли не первого встречного. Мирил враждующих, выступал везде и всюду признанным правдолюбом. Так что я прежде в жизни узнал, что Теркин – это герой самый достоверный, из народной гущи. И если признать утверждение автора, что

...парень в этом роде
В каждой роте есть всегда,
Да и в каждом взводе,

то после войны можно было сказать, что «парень в этом роде» найдется в каждом селе среди уцелевших фронтовиков. Их были тысячи, десятки и сотни тысяч на русской земле, но заслуга-то поэта не в том, что он удачно «списал» с натуры своего Теркина, а в том, что он художественно изобразил тип такого человека, русский национальный тип. Это была удача и счастье для Твардовского. «Книга про бойца, – писал он, – дала мне ощущение законности места художника в великой борьбе народа, ощущение очевидной полезности моего труда, чувство полной свободы обращения со стихом и словом в естественно сложившейся непринужденной форме изложения. “Теркин” был для меня во взаимоотношениях писателя со своим читателем моей лирикой, моей публицистикой, песней и поучением, анекдотом и присказкой, разговором по душам и репликой к случаю».

И я не удивляюсь, что этот Теркин запомнился и полюбился и мне, и дяде Васе, и нашим односельчанам.

* * *

Твардовский имел обостренное чувство долга перед читателем, перед современником. О чем писать и как писать, перед кем держать ответ за слово – это всегда волновало художников, но в пору постоянного идеологического надзора (как и теперь, во времена постоянной лжи, фарисейства власти) – особенно. Ответ Твардовского таков:

Кому другому, но поэту
Молчать потомки не дадут.
Его к суровому ответу
Особый вытребует суд.
Я не страшусь суда такого
И, может, жду его давно,
Пускай не мне еще то слово,
Что емче всех, сказать дано.
Мое – от сердца – не на ветер,
Оно в готовности любой:
Я жил, я был – за все на свете
Я отвечаю головой...

Отвечать за все на свете головой поэт может лишь как частица народа. А вот за что он отвечает самолично, во всей полноте и строгости иска, – так это за правду каждой строки. Такого суда поэт мог не бояться. По страницам поэм и стихов Александра Твардовского рассыпаны горькие слова правды. Уже спустя годы после войны, когда народ вроде бы зажил, одет, обут и накормлен, когда он расправил плечи для большой обновляющей работы, Твардовский не боялся напомнить власти о непроходящих бедах русской деревни:

И я за дальней звонкой далью,
Наедине с самим собой,
Я всюду видел тетку Дарью

На нашей родине с тобой;
С ее терпеньем безнадежным,
С ее избыю без сеней,
И трудодем пустопорожним,
И трудоночью – не полней;
С ее дурным озимым клином
На этих сотках под окном;
И на печи ее овином,
И среди избы гумном;
И ступой – мельницей домашней –
Никак, из древности седой;
Со всей бедой –
Войной вчерашней
И тяжелой нынешней бедой...

А в поэме «Теркин на том свете» за четверть века до иудиных делишек горбачевых и ельциных он точно угадал, как они заменят прежнюю Систему своей, пригодной для личных выгод их шайки:

Кадры наши, не забудь,
Хоть они лишь тени,
Кадры заняты отнюдь
Не в одной Системе. <...>
Да по всяческим Столам
Список бесконечный,
В Комитете по делам
Перестройки Вечной...

Эту поэму идеологические надсмотрщики встретили зубным скрежетом. Именно потому, что в ней было много правды. В том числе и о них:

Отвернувшись от болвана
С гордой истовостью лиц,

Обсудить проект романа
Члены некие сошлись.
Этим членам все известно,
Что в романе быть должно
И чему какое место
Наперед отведено.

Приведенные строки еще раз показывают, что творчество крупного поэта основано на правде всеохватной, всеобъемлющей; он честен и точен в каждой мелочи жизни, над ним не властны ни кнут, ни пряник. Твардовский – один из тех редких поэтов советского времени (а по масштабу таланта, может быть, и единственный), кто, говоря о жизни страны, о тяготах своего времени, не издал ни одного неверного звука, не погрешил против совести. И свою правоту, свою «тайную свободу», о которой говорил Пушкин, Твардовский отстаивал без боязни:

Я сам дознаюсь, доищусь
До всех моих просчетов.
Я их припомню наизусть, –
Не по готовым нотам.
Мне проку нет, – я сам большой, –
В смешной самозащите.
Не стойте только над душой,
Над ухом не дышите.

Ему и в самом деле не надо было защищаться; в его стихах и биография, и чувства, и тревоги, и поражения – все было подлинно. Это отличало поэта от многих стихотворцев, особенно следующих за ним поколений. У тех бывали и выдуманные биографии, и фальшивые чувства, и лукавые намерения: как бы предстать «покрасивше», поблагодарней в поступках (конечно, в глазах читателей, а больше – в глазах властей), как бы погромче сказать о своей верности идеям. У Твардовского была

негромкая строка, но для подлинных ценителей лирики строка, близкая сердцу, звучащая мудрей и поэтичней, чем те, что оглушали эстраду. Ей, этой строке, была чужда заданность, продувная «смелость», расчет на успех:

Прочь этот прах, расчет порочный,
Не надо платы никакой –
Ни той, посмертной, ни построчной, –
А только б сладить со строкой.
А только б некий луч словесный
Узреть, не зримый никому,
Извлечь его из тьмы безвестной
И удивиться самому.
И вздрогнуть, веря и не веря
Внезапной радости своей,
Боясь находки, как потери,
Что с каждым разом все больней.

Твардовский верил в Россию, в ее великий путь. Эта неистребимая вера прошла испытание двумя войнами, «босотой и наготой» тридцатых и сороковых годов, невиданным всплеском народной энергии в последующие десятилетия. Видя все это не со стороны, а из самой гущи погибающей и возрождающейся жизни, поэт говорил о своей вере, что называется, в полный голос, без тени сомнения:

За годом – год, за вехой – веха.
За полосой – полоса.
Нелегко путь.
Но ветер века –
Он в наши дует паруса.

Враги России говорят: не оправдалось. Мы говорим: не топнитесь. Рано вы торжествуете. Слово такого поэта всегда оказывается вещим.

«ОЗАРЕНЬЕ. СМИРЕНЬЕ. ПРОЩЕНЬЕ»

Кто скажет теперь, сколько возвращалось их по осенней степи, березовым колкам, перелескам уцелевших ратников войска князя Дмитрия Ивановича, оставшегося на века в народной памяти Донским. От берегов Дона и Непрядвы тянулись телеги, возки, кибитки, нагруженные не добром-златом побежденных, как велось у других народов, – везли иссеченных, израненных защитников Русской земли. (По свидетельству летописей, самого князя Дмитрия, вступившего в сечу в первом ряду, нашли после битвы в беспмятстве под срубленной березой.) Везли победители богатство иное – дар веры в будущую мирную жизнь отечества, устроенную на заветах добра, любви, справедливости.

Спустя столетия с этим бесценным даром, алмазом русской души, после невиданной по жестокости и жертвам войны, названной Великой Отечественной, возвращались в мирную жизнь потомки куликовских ратников – отцы семейств, молодые бойцы, возмужавшие на фронте, и совсем юные, последнего военного призыва. Были среди них те, чей поэтический голос уже знали в «стане русских воинов», и те, кому еще только предстояло вписать свои строки в летопись великой брани.

Русскому поэту Игорю Григорьеву из поры мальчишеской, школьной юности привелось шагнуть сразу в мир, отрицавший устои недавней жизни, ступить туда, где кровь, огонь, смерть...

Он промахнулся дважды.
В пяти шагах. В меня.

Я не горел от жажды
Убить. Но дал огня.

Был ли иной выбор у полков на ковыльном Куликовом поле, как стать живой стеной на пути туменов истребителей, орды хищников? Такой же удел выпал потомкам куликовских воинов – двадцатилетним парнишкам, с первых дней нашествия превративших Псковскую землю в партизанский край.

И нету выбора. Нету.
И не можешь – иди.
Судил Бог болотину эту –
Пять верст в киселе до груди.

Глумится ноябрьская стужа,
А избы, как май, далеки.
– Подсумки притягивай туже:
Патроны мочить не моги!

Только завет предков верить в торжество добра и любви
помог им не сломиться, не охладеть, не пасть духом, вернуться в
мирную жизнь с живой душой.

Ни обиды на сердце, ни боли,
Тихий свет – от земли до небес...
Как давно мы не виделись, Поле,
Не аукались, Песенник-Лес!..

Нас еще позабудут, забросят,
Опалят беспощадным огнем
И железной секирою скосят...
Только мы все равно не умрем.

Предчувствие не обмануло поэта – обряженные в одежды лжи,
в «демократические» времена появились «воспоминатели»,
выдающие себя за фронтовиков: старшины медсанбатов,

артиллеристы без пушек-«звуковики», политруки ремонтных батальонов, которые стали объяснять молодому поколению, «как было на самом деле». (На выборах президента Белоруссии в 2020 году «оппозиционеры» в своих программах обещали закрыть музеи Великой Отечественной войны – в угоду друзьям-европейцам, чьи предки не единожды с огнем и мечом проходили по минским, оршанским, витебским землям. Судьба поэта Григорьева была неразрывно связана с Белоруссией, где он жил, творил и, как свои псковские, любил эти дали, «дорогие лесные пустыни».)

Исторические свидетельства рисуют внешнюю оболочку, начало и завершение события, но только «Боян вещей» в полной мере раскрывает то, что мы зовем душой народа, показывает истоки силы, которая направила дружины князя Дмитрия к берегам Непрядвы и Дона, выстроила танковые полки на Прохоровском поле, повела партизанский отряд в ноябрьскую стужу через непроходимую топь псковских болот. Для иноземцев русская душа всегда была загадкой, тем более ныне, когда Запад окончательно вычеркнул понятия морали, совести, бескорытия.

Разлука-даль стихи слагает:
Уйди в зарю из шалаша!
И в том пути изнемогает
Моя бездомная душа...

Она, как небеса, нетленна,
Ее, как совесть, не унять.
Твердят: «Душа у тела пленна».
Кто у кого в плену, как знать?

Поэты вопрошали во все времена: как выстоять на поле брани, и каждый находил свой ответ. Нашел ответ и Игорь Григорьев: «Озаренье, Смиренье, Прощенье».

Наталья Советная

«В ЖИТЕЙСКОМ МОРЕ КО ХРИСТУ ПРИБИТЬСЯ...»

(О книге избранных стихов Геннадия Иванова «Надо жить»)

А вот честное, равнодушное отношение к своему времени, к своим современникам, к своему народу – таково главное условие подлинной поэтической работы.

С. Я. Маршак

Решающим в писательской работе является... не материал, не техника, а культура собственной личности писателя.

А. С. Макаренко

В поэтическом океане столько капелек-слов, что творчество каждого поэта представляется уникальной, неповторимой, удивительной россыпью брызг, переливающихся, сверкающих на солнце небесно-радужными красками. Но есть ещё волны. Мощные, насыщенные цветом, завораживающие силой и красотой. Новая книга избранных стихотворений Геннадия Викторовича Иванова «Надо жить» (М., 2020) представляется именно такой волной, смывающей наносную грязь, пошлость, маски, открывающей величие и божественность жизни, человека, России.

Тематика поэтических произведений книги широка и многообразна неслучайно, ведь событийно богаты и окружающая жизнь, и личный мир автора, знающего вкус времени советского: «Я краешек видел того, что угасло. В деревне сбивали чудесное масло. И лошади были, и были коровы, И все земляки были живы-здоровы...» («Котлеты на стол подавали тазами...»), обжёгшегося временами перестроечными: «Была большая перестрой-

ка И переломка и пере – Переворот и перемойка, Перелопатка, перекройка, И переполка, перегнойка, Перепопойка, передойка... И всё пере-, пере-, пере-. Куда “пере” – никто не ведал» («Этапы большого пути»); вкусившего века двадцать первого:

...Россия, снова на тебя клеветают.
В борьбе всемирной ты им в горле кость.
Они в душе перед тобой трепещут,
И потому – такая злость.
(«О, если бы один, а то большая свора...»)

С мудростью бывалого человека, не растерявшего способность улыбаться и радоваться каждому дню, Геннадий Иванов от стиха к стиху ведёт доверительную беседу с читателем о многоликости нашей жизни, не поучая, не обвиняя, не уличая, а сопереживая, горя, сорадуясь, надеясь, любя, веря. Его литературное кредо, как мне представляется, точно выражено в стихотворении «И не надо никакой награды...»:

И не надо никакой награды
В деле непростом –
Говорить кому-то только правду
О себе самом.
Да о жизни – как бы ни давалась –
Говорить светло
Что пройдут страдания и усталость,
И отступит зло.

Талант писателя обнаруживается и в умении писать просто о сложном и важном. Читая Геннадия Иванова, вдруг начинаешь понимать аксиомно: жить без Родины человеку невозможно! Невозможно быть счастливым без Родины! «Радость – родина, радость – свет! Радость – ближних родные лица!» («Лес без ветра шумит к дождю...»).

Родина... Свет за окошком.
Родина... Вьюга впотьмах.
И на болоте морошка,
И на просторе – размах.
Родина... Лист придорожный.
Родина... В беге времён.
Родина... Замысел Божий,
Что ото всех утаён.
(«Родина... Свет за окошком...»)

И как не восхищаться, не блаженствовать вслед за Геннадием
Ивановым:

Какая мягкая трава
На родине моей.
Какие жаркие дрова
На родине моей.
Какие древние холмы
На родине моей.
Какие светлые умы
На родине моей.
Талантов столько, как цветов,
На родине моей...
Всегда, всегда мне будет кров
На родине моей.
(«Какая мягкая трава...»)

Но чуткое сердце поэта ощущает тревожный накал мирового пространства. Оно вздрагивает от зловещего рыка войны, раздающегося то из Чечни, то из Югославии, то из Сирии, то с Украины, от далёких взрывов и от близких предчувствий:

... Но враг если родину нашу захватит,
Тогда и восходы, тогда и закаты
Не будут красивы, не будут крылаты...

Чтоб нашему счастью опять воплотиться –
За это придётся и гибнуть, и биться.
(«Восходы! Закаты! Восходы! Закаты!...»)

И потому молит поэт Бога о спасении и защите России, повторяя и повторяя: «Но только б не через войну... Но только б не через войну...» («Какой-то вьюн, гигантский вьюн...»).

Сказано, что «Не хлебом единым...». Геннадий Иванов всем творчеством своим вопиёт: человеку нет света и счастья без Родины! Но каждому ли человеку? Русскому – точно! И хоть болит душа у поэта за личное спасение: «Что покаяться надо, исправиться, Что путей обходных не дано... Что греховное не забывается – Тянет камнем ужасным на дно» («Так живёшь да живёшь, ходишь по полю...»), – ещё больше он печётся о Родине, её настоящем и будущем, отдавая должное особой миссии России:

... Всё дело в жертвенности. На Руси у нас
Всего превыше жертва за святое.
Борис и Глеб – начало всех начал.
Сама Россия – жертва за святое.
(«В Иркутске»)

А Родина для поэта Геннадия Иванова – это не только родовые места с отеческими могилами, но Беслан и Донбасс, Арктика и Сибирь, Кавказ и Урал, Прибалтика и Дагестан, Украина и Заполярье... Мысли поэта озарены мечтой об единении и любви народов, которых люди его поколения привыкли называть братскими.

Родина Г. Иванова – это реки и моря, поля и леса, горы и города... Это писатели, о которых он пишет с независтливым восторгом и любовью: Николай Колычев, Ольга Фокина, Николай

Рубцов, Василий Белов, Валентин Распутин, Васин-Макаров,
Николай Тряпкин, Николай Дмитриев и...

Я видел поэтическое дерево –
Я видел Соколова, Передреева,
И Кузнецова, Тряпкина, и Сухова...
Я видел их, и слышал, и любил.
Казанцева, Жигулина, Горбовского,
И Решетова, но безрезниковского...
Рубцова я не видел, но поистине
Он рядом, ближе многих ближних был...
(«Я видел поэтическое дерево»)

Родина для Геннадия Иванова – и «человек исхудавший, Разбитый параличом, – В борении с Бахусом павший, Прибитый его кирпичом» («Лежит человек исхудавший...»). Потому что болит душа у поэта за каждую русскую душу. А тема наболевшая. Он посвящает ей несколько стихов, среди которых замечательные: «Отчим», «Здесь», «Уберите!», свидетельствующие не только о личной, но и о гражданской позиции Геннадия Викторовича.

Какая же Россия без наших горемык-старушек, добрых мамушек-нянюшек, вдовушек, тружениц, не на них ли ещё деревня держится?

Милые родные старушечки
При своей покорной амуниции...
Сколько вы работали, работали?
Это вы страну когда-то подняли
Жертвами своими и заботами...
(«Милые родные старушечки...»)

А ещё Родина-Россия для Геннадия Иванова – это светлая память о тех, кто сражался за неё, живота не щадя:

И всё же за нас умирали
В Отечественную войну.
За нас в самолётах сгорали,
За нас пропадали в плену.
Вставал из цепи кто-то первым
И падал –
Совсем не за тем,
Чтоб мы на великие жертвы
Ответствовали: «А зачем?»
(«И всё же за нас умирали...»)

Трогательны, искренни стихи поэта о сокровенном – о семье, о любимой женщине. И ведь это тоже Родина, за которую умирали! Способность поэта вовлечь читателя в эмоциональное состояние любви, восхищения, покоя, радости, блаженства от счастья семейного – высочайший талант! А как важны, как актуальны такие стихи в наш разнузданный, циничный век, когда пошлость и мерзость подняли головы.

... Мир огромен, конечно, соблазны кругом,
Но теплей всего мира семейный твой дом.
Где жена твоя, дочка – и, крепко любя,
Где в четыре руки обнимают тебя!
(«Мир огромен, конечно, в нём много всего»)

У Геннадия Иванова есть следующее определение России: «Россия – это не страна, Не государство, не колония, А диво дивное она, Она картина и симфония... («Россия – это не страна»), ещё он сравнивает её с неопалимой купиной в одноимённом стихотворении. Так может только Поэт, которому строчки диктуются Небом, словно их кто-то дарует! О, сколько прекрасных строк в книге «Надо жить» посвящено слову, стихам, поэзии! Потому что это тоже – Родина!

Поэзия принадлежит земле –
Полям и рощам, ветру и прибою,
Глазам девичьим, женской доброте,
Первопроходцам, мудрецам, влюблённым ...
Поэзия принадлежит земле.
(«Поэзия принадлежит земле»)

Путь России – быть в мире удерживающей – Божий путь, путь жертвенности, значит, страданий. Пройти через все испытания без Бога ни народу, ни человеку невозможно, а с Ним можно всё. Потому тропки поэта Геннадия Иванова сливаются с тропинками, дорожками бесчисленных русских Иванов и Ивановичей в одну длинную, тернистую, каменистую, но единственно спасающую дорогу – к Храму:

... За обновление русского народа.
Пусть наносное сгинет, отпадёт,
Пусть сохранится в Боге наш народ,
Лукавого пускай не ищет брода ...
Да сохранится в Боге наш народ.
(«Ни тропаря, ни кондака не зная... »)

К Небесам поэт обращает свой взор постоянно, словно произносит нескончаемую Иисусову молитву: «Господи, помилуй!». Само небо он сравнивает с иконой («Икона неба не всегда лучиста»). И ежечасно просит не только о личном счастье, но о возрождении, спасении русского народа и России, об уничтожении зла, их распинающего. Ему, твёрдо верящему и признающему лишь истинные ценности: «А Истинные Ценности надёжны, – Что девы судьбы Без малейшего затруднения Ткут из этого клубка Каждому соответствующий холст И шьют каждому Соответствующую рубашку» («Истинные ценности»), – не принять ни сатанинских нравственно-физических извращений, идущих с Запада, ни словесного мата, который,

словно ядовитый куколь, отравляющий хлебные зёрна, засоряет прекрасный материнско-русский язык.

... Как нам понять все извращения,
Понять всю мировую ложь,
Детей – и слёзы и мучения?..
Господь, приди!
И уничтожь!
(«Над миром свист летит разбойничий»)

Вложив в уста митрополита Александро-Невской лавры ответ на мучающие всякого равнодушного к судьбе страны человека, Геннадий Иванов провозгласил единственно правильный выход:

... Душа сегодня мечется, болит:
Что делать среди мерзости и срама?
«Быть русским! – говорит митрополит. –
Не отступать от веры и от храма».
(«В Александро-Невской лавре»)

Но русский человек давно определил свою позицию в жизни, выразив её народной мудростью-поговоркой: «На Бога надейся, да сам не плошай!». Потому и поэт убеждён, что, кроме молитвы и упования на Господа, ещё необходимо и служение.

Ты говоришь о вечном и простом:
Спасти Россию можно лишь терпением –
Ты говоришь: молитвой и постом!
Но я добавлю: волей и служением!

Не просто жить – как по теченью плыть.
Не просто жить – как лебеда и тополь ...

Служить России, «рваться ей служить»,
Как в «Выбранных местах ...» заметил Гоголь.
(«Ты говоришь о вечном и простом»)

То, о чём говорит с читателем Геннадий Иванов своими произведениями, не является чем-то невероятно новым – на эти темы рассуждают-пишут многие писатели. Парадоксально другое: каждый автор из океана слов находит лишь те, которые начинают сверкать, рождаясь именно из-под его пера! Чудо творческих самоцветов никогда и никем, вероятно, так и не будет разгадано, ведь повторить созданный поэтом его «каменный цветок» не способен ни один мастер. Всякий раз это будет иной цветок. И станет ли он бесценным произведением искусства, зависит от виртуозности мастера, имеющего Божий дар. Без одухотворённости не бывает творчества. Геннадий Викторович Иванов несомненно Поэт от Бога! Его слова проникают в душу и освещают её светом любви и сострадания. Неслучайно по его поэзии создан уже третий словарь эпитетов известным лексикографом Анатолием Павловичем Бесперстых.

Около 1300 эпитетов, украшающих поэтическую речь в книге «Надо жить», выделены составителем из множества прилагательных, причастий, словосочетаний, существительных (приложений), качественных наречий и иллюстрированы цитатами. Среди них встречаются и редкие, индивидуально-авторские: понятно-ясно; отческие кровли; нервная мгла; океанское место; погибельно-липкий; большие реки; снег лунный; белые сроки и другие. Деятнадцать таких особенных, эксклюзивных эпитетов!

Более двухсот эпитетов, использованных Г. Ивановым, имеют корень «род». Не перечисляя всё, нетрудно догадаться, как часто встречаются в стихах поэта «родовые» эпитеты: родимый, родной, народный, родственник... Если же исследовать состав всех слов сборника, то с таким корнем их окажется около трёхсот.

Корень «рус» встречается более ста раз, а эпитет «русский» (–ая, –ое) – 75 раз. Более ста раз автор повторяет слово «Россия» и производные от него. Предложения с именем Божиим или соответствующими эпитетами используются около двухсот раз. Корень «свет» – более ста. «Душа», «радость» и производные от них – около ста. «Надежда», «любовь» – по двадцать раз.

Поговори со мной, и я скажу, кто ты!

Геннадий Викторович Иванов, в жизни скромный, спокойный, внимательный, наблюдательный, обладающий тонким юмором, острым умом, добрейший, сострадательный человек, остаётся таким и на страницах своих книг, где лирика и гражданственность, изящность и простота, афористичность и эмоциональность, словно морские волны, изумляют своей мощью и красотой.

«ГЛУБОКОЕ ПРЕДВОСХИЩЕНИЕ ЧУДА...»

(О книге Алексея Гушана «Вкруг солнца»)

Строки из стихотворения «Летит ко мне поморский голубок», вынесенные в заглавие, точно выражают суть поэзии Алексея Гушана, представленной им в книге «Вкруг солнца» (М., 2019). Она наполнена чувством ожидания!

Сначала автор, а вместе с ним и читатель спокойно, умудрённо ждут зиму: «... Морозы, как известно, впереди» («Первозимье»); «Поживём, поглядим, помолчим» («В декабре»).

С наступлением сурового «глухозимья» начинает волноваться душа предчувствием весны, замечая даже не признаки её, всего лишь намёки: «Пробивается просинь. Лампады в Раю зажигают, Потому-то на сторону света пошёл перевес. Перевес на весну!» («Глухозимье»).

А встретив её, и в быстротечности времени (потому что

«Весна, как птаха, выпорхнет из рук...» – «*На вознесенье Господне*») с сожалением теряя весенние дары, словно отцветающую сирень («*На Духов день*»), поэт уже нетерпеливо зовёт запозднившееся лето: «Ты приходи к нам, летнее тепло!» («*Коротко о погоде*»). И подсказывает, напоминает: «Согрейте сердце ближнего и солнышко отыщется» («*В поисках солнца*»).

Крутится-вертится веретено жизни, мелькают дни за днями, вспыхивает золотыми бусинками в зелёной листве тревожное ожидание осени: медовый дурман Приюстья

мне нашептал, что на том берегу
За угором аukaет осень...
Но под летнее пение сосен
Я поверить ему не могу.

Вот и свершился вечный круг – всего один оборот Земли вокруг Солнца. И снова предошущение близкой, но ещё только угадываемой зимы, её дыхания:

... По земле туман рассветный стелется,
Дым печной струится в небеса...
(«*По земле туман рассветный стелется...*»)

Однако сам поэт предупреждает во вступительной статье: «... книга “Вкруг солнца” – это моя попытка вступить за то, о чём болит душа и о чём она поёт, за то, что жизненно важно для меня!». Он просит, обращаясь к читателю, «немного потрудиться и открыть новые, потаённые смыслы».

В стихах Алексея Гушана такие смыслы есть! Они гораздо значительнее простой смены времён года. Не зря поэт восклицает: «Как прекрасно и удивительно насыщено бытие! И хочется познать все тайны, все глубины его. Хочется почувствовать себя

частичкой этих тайн, этой глубины, создавая неповторимый kaleidoscope жизни, наполняя смыслом каждое её мгновение».

Неслучайно Алексей Гушан стал победителем международного конкурса лирико-патриотической поэзии имени поэта и воина Игоря Григорьева (1923–1996) «Ничего душе не надо, кроме родины и неба» (2015). Ведь он ожидает даже естественных природных чудес, как влюблённый ждёт чуда встречи с любимой, потому что душа его полнится любовью к родной русской земле, её «незлобливому» люду». Щемяще-трогательно, глубоко-восторженно, тревожно-слёзно и радостно звучит стихотворение «Русский путь». Поэт сумел обозначить этот великий путь – наполнить Царствие Божье, Царствие Небесное святым народом – такими простыми и точными словами, что невольно диву даёшься.

Не из варяг да в греки, не путём
Шелковым, не другой какой дорогой
Бредёт Россия вместе с дурачьем –
Сама убога и они убоги.
Кто их осудит, кто и осмеёт,
Кто у виска значительно покрутит,
А кто-то от своей душевной мути
В закуте тёмном в голос заревёт.
Ревя, ревя, незлобный мой народ.
За то с тебя никто не спросит строго.
Россия дурачье своё ведёт
До Бога...

Звучит в творчестве Алексея Гушана прощальной мелодией и тема русской деревни. Поэт не понаслышке, а по собственным, юношеским и нынешним, впечатлениям пишет о крестьянах и сельской жизни на «северах», где она труднее, суровее, а оттого ещё роднее. «Душа моя – бескрайний русский север!», – признаётся он.

... Да, в этом я... И в этом: у болот,
Меж сосен звонких, валунов замшелых
Поэзия лежит морошкой спелой,
Лежит себе и ничего не ждёт...
(«Орешник, персик, чёрный виноград...»)

Лежит и «доходяга-деревня», которая тоже ничего не ждёт, смирившись с плачевной судьбой: «Ни о чём не мечтает, о помощи больше не просит. < ... > А на небе черно. А на небе бесчинствуют тучи. И не вспомнить уже, что в грозу на Руси не поют». Эти завершающие стихотворение строчки заставляют всколыхнуться душу, взволноваться, задуматься об историческом беспамятстве нашем и ужаснуться:

... А впереди известная пора,
Но так её ещё не проходили –
Последнюю старуху проводили,
Последнюю избу заколотили
Вчера...
(«Поминальное»)

Ритм стиха, звукопись его, словно стук молотка о крышку гроба не умирающей, а уже исчезнувшей деревни. Но поэт завершает тему не этим печально-похоронным стихом, а молитвенной, слёзной надеждой:

... Неужели, Всевидящий Спас,
Их часы сочтены?!
Если осень в России сейчас,
Поддержи до весны!
(«Кусты деревень»)

И молитва эта не только о деревне, она о всей матушке-Руси, чтобы всякий, живущий на русской земле, «нашёл неглухое В этом мире до боли глухом!» («Ежевика»).

Обращение к Небу, к Богу естественно для лирического ге-

роя Алексея Гушана. Тема православной духовности стежок за стежком принизывает всю книгу «Вкруг солнца»: «Любуясь жизнью, как новорождённый, Я образ Божий в каждом узнаю («На Прощёное воскресенье»)). Вместе с природным обновлением земли проходит автор и по церковному годовому кругу: «На Сретенье Господне», «На Вербное воскресенье», «На Благовещенье», «Пасха ранняя», «На Духов день», «На Вознесение Господне», «В день Параскевы Пятницы».

Златая нить духовности расцветивает страницы, наверное, поэтому ощущение света, прикоснувшегося к душе, не оставляет читателя, познакомившегося с творчеством Алексея Гушана. Вслед за автором хочется воскликнуть: «Боже мой, мне с лихвой этой радости хватит!» («В декабре»).

Следует отметить и особенности поэтического языка автора. Нельзя не согласиться с мнением литературного критика Валерии Исмиевой, что «жанр задушевной и доверительной беседы с читателем определяет и лексику: порой она почти разговорная, присыпанная словечками из обыденной жизни, из детства» («Блаженство бережного света»). Вслед за поэтом Игорем Григорьевым, мастерски владеющим богатством русского языка, Алексей Гушан смело использует слова, запавшие в память из речи северных крестьян: бухтены, немога, шаборшатся, отселе, далече, друже, угор, верасень, блукать... И надо признать, что они придают тексту особый колорит: «Тепереча растеплилось. И мы вкушаем дни, как нежную малину...» («Оттепель»).

Автору книги «Вкруг солнца» тридцать пять лет. Он зрелый, серьёзный, мужественный человек, но при этом ещё так молод, что его «весенней наивности всплески Чаруют своей синевою» («Поздней весне»). Он живёт ожиданием чуда! И оно не заставит себя ждать, являясь в мир новыми стихами поэта, очарованного словом, жизнью, природой, временем и великой Россией.

ТВОРЧЕСТВО КАК ДУХОВНЫЙ КАМЕРТОН

(О книге Натальи Советной «Угадывай любящим сердцем»)

С Натальей Советной я познакомилась в октябре 2019 года в Пятигорске, на Международном литературном фестивале «Золотой Витязь», куда мы обе (в числе прочих) были приглашены в качестве его участников. Плотный график мероприятий, рассчитанных на пять дней, не позволил нам сойтись поближе. Однако и от коротких разговоров в душе осталось ощущение давнишнего знакомства, родственности взглядов и близости творческих принципов. Наташа относится к тем людям, которые с первых минут берут в плен своей искренностью и открытостью. Статная яркая блондинка с волнистыми волосами, с тёплой улыбкой и внимательным взглядом, одетая в шикарное вечернее платье с белой меховой накидкой – Натали покорила многих... Позже я прочитала сборник «Угадывай любящим сердцем» (СПб., 2019), за который Наталья получила «Серебряного Витязя» в номинации «Журналистика», и словно вновь повстречалась с ней, и узнала её – на этот раз поближе.

Предваряя свои впечатления о прочитанном, не могу не заметить, что современная журналистика не блещет качественными материалами. Достаточно заглянуть в любую газету, посмотреть ТВ-передачу, чтобы понять, как мало мы имеем грамотных, интересных, характерных текстов на актуальные темы. Да и откуда им быть, если изменилось само понятие «актуальность»? Теперь «актуальное» может включать в себя информацию, коей место в разделе «происшествия» или «светская хроника», но

никак не на первой полосе. Редкий журнал может похвастать разнообразием публицистических жанров! Темы сводятся не к выявлению проблем социального масштаба и способам их решения, не к обнаружению вектора общественного мнения, а к частным эмоциям, отражающим нервозность отдельных личностей. Понятие «на злобу дня» подменяется понятием «на потребу публике», что в обязательном порядке влечёт за собой обмельчание сюжетов и тем, а кроме того, ведёт к разжиганию низменных страстей. О нравственном, духовном пишут и говорят мало, неумело и несмело по той причине, что рассуждать об этом, не имея твёрдых позиций в отношении «что такое хорошо и что такое плохо», невозможно.

В свете перечисленного книга публицистики Натальи Советной «Угадывай любящим сердцем» воспринимается мною именно как актуальное, важное, значимое для многих. Вроде мгновенного удачного снимка, который притягивает взгляд присутствием в нём отличительных примет времени. Для меня эта книга – отражение высоконравственных принципов автора, в которых я ничуть не сомневаюсь, потому что в каждом слове чувствую убеждённость, смелость, искренность. Ведь нас, читателей, не обманешь, мы сразу споткнёмся о фальшь и вряд ли продолжим чтение, если заметим, что автор хочет казаться не тем, кем является на самом деле. Давно известно: в публицистике портрет автора виден буквально с первых же строк. С первых минут становится понятно, кто он и что он. Наталья Советная не заигрывает с читателем, а пишет по совести, без лукавства. Я доверчиво пошла вслед за ней по страницам её труда, ощущая, что не получу комка грязи в свою душу, а напротив, порадуюсь чистоте духовного света, идущего от книги. Данный сборник – это счастливая находка среди вороха публицистической макулатуры, которую приходится иногда просматривать в поисках литературных и иных обзоров...

Книга «Угадывай любящим сердцем» объёмная, включает пять разделов, составленных, в свою очередь, из небольших глав. «Тайна русского царя», «Жил-был поэт», «... Вот диво! Что за край прекрасный!», «Угадывай любящим сердцем» и «Сокровище» – пять частей, казалось бы, далёких друг от друга не только по сюжету, но и по степени вовлеченности автора в повествование. Но это на первый взгляд. На самом деле все пять частей книги подчинены единому замыслу. Общая идея чётко прослеживается благодаря неусыпному вниманию автора к вопросам нравственного порядка и тому, что в своих рассуждениях Наталья Советная постоянно сверяется с нравственными ценностями православия. Ориентация на духовные законы не выглядит случайной и, тем более, демонстративной. Этот момент в творчестве Натальи Советной ощущается как следствие её характера и внутренней потребности всегда быть в зоне нравственной гармонии, которая для Натальи неотделима от христианских заповедей. Глубина художественного замысла для писательницы в том, чтобы показать: любые сферы деятельности человека мертвы, если они не одухотворены Божественным присутствием.

Относительно же вовлеченности автора в повествование можно сказать, что иногда автор открыто выступает вперёд и говорит (горячо и искренне!) с точки зрения обычного человека, находящегося под впечатлением от того или иного события (глава «Давай зажжём иерусалимскую свечу!»); или уступает место своим героям, поручая донести до читателя главную мысль текста, тем самым добиваясь объективности в изложении фактов (глава «Тайна русского царя»); или же встаёт на позиции публициста и даёт профессиональную оценку событиям («Жил-был поэт»); а то вдруг превращается в пейзажиста и растворяется в чудесных картинах природы, (часть третья «... Вот диво! Что за край прекрасный!...»), или смешивается с городской публикой, чтобы ощутить общее настроение и, чутко

уловив его, рассказать о нём на страницах книги. Во всех случаях присутствие автора не отвлекает, а добавляет колорита в повествование – душевно-эмоционального и художественного.

Первый раздел книги посвящён вопросам духовности, веры, и всё это – через призму проблемы, давно и многосторонне обсуждаемой в обществе: наше отношение к последнему русскому царю, к его ужасной кончине. Необходимость народного покаяния за убийство, совершённое в подвале Ипатьевского дома в Екатеринбурге, – вот о чём размышляет автор, призывая и читателей задуматься и честно признаться, прежде всего самому себе, готов ли каждый из нас сбросить с души этот камень, который на даёт нам вздохнуть полной грудью. Иной скептик может огрызнуться, мол, меня это не касается. Касается, ещё как касается, ибо все мы одной веры, ментальности, что означает единый код памяти. А память – это ведь серьёзная штука, может так пригвоздить, что и с места не сдвинешься...

К раскрытию темы Наталья Советная подходит комплексно и виртуозно: как прелюдия звучит первая глава первой части «Давай зажжём иерусалимскую свечу!», где автор вспоминает своё паломничество в Иерусалим, в храм Рождества Христа. Гроб Господень – вот где берут начало размышления Натальи о необходимости всеобщего покаяния. Это неслучайно: осмыслить роль Николая II в истории нельзя без понимания того, что он являлся помазанником Божьим. Вот словно камертон для всего последующего повествования: «Храм замер. Потушены лампы. Скучный свет льётся из-под высокого купола. Тесно прижатые друг к другу паломники тянут вверх руки с пучками свечей. Сейчас! В любую минуту могут где-то вспыхнуть тоненькие фитильки. Дыхание участилось, сердце гулко бьётся, я – в растерянности: а если не увижу? ... Ещё вспышка! И боль. Резкая боль в глазах! Зажмурилась. Подумалось: “Ослепла... Но этого не может быть у Гроба Господня. Открой глаза!”. От-

крываю. Весь храм полыхает Огнём! Горят свечи и лампы. Текут счастливые слёзы. Звучат молитвы и церковное пение. Всеобщее ликование. Свершилось!»

После прелюдии – основная часть, где тему всеобщего покаяния поддерживают исторические факты, призванные углубить ощущение трагизма в судьбе отечества. В этой связи упомянуты мистические моменты, когда царю была предсказана его будущность. Наталья Советная обращается к примерам из прошлого, чтобы показать предначертанность судьбы последнего русского царя, и тем самым толкает нас к мысли о жертвенном агнце...

В окончании основной части – фрагмент под названием «Покаянный молебен», который подчёркивает кольцевую композицию первого раздела книги, начатого и законченного церковными службами: первая из них состоялась в храме Рождества в Иерусалиме, вторая – в селе Тайнинском (под Москвой), на воздухе, в 1996 году, при открытии памятника императору Николаю II. Круговая замкнутость темы покаяния весьма красноречива – такая композиция невольно отсылает читателя к пониманию символики круга, который есть божественное начало. Наталья Советная весьма тонко уловила этот момент и в высшей степени художественно представила его перед нами: показала путь, пройденный царём от помазания на царство через ипатьевский подвал к открытию памятника в селе Тайнинском – на фоне слов покаянного молебна...

Удивляет, как обширен портрет императора – государственного деятеля, мужа, отца – составленный писательницей. Бросается в глаза масштабность произведения: автор проработал огромный исторический материал, который не просто изучен и воспринят как информация, а прочувствован, услышан, увиден, то есть... оживлён. Наталья Советная прослеживает причинно-следственные связи, анализирует и приходит к убеждению, что нет ничего случайного в истории, что нарушение нравственных законов ввергает жизнь отдельных людей и отдельных го-

сударств в хаос. Подводит нас к мысли о том, что теперешний кризис и всеобщая разруха, переживаемые бывшими социалистическими республиками, это следствие грехов общества. Следствие грехов людей, совершивших преступление, и грехов людей, согласившихся с этим. На мой взгляд, первая часть книги – самая эмоциональная, такая, в которой каждое слово – вздох души.

Вторая часть книги – «Жил-был поэт» – представляет собой публицистику, близкую к литературоведению. Перед нами глубокое исследование творчества русского поэта Игоря Николаевича Григорьева, которое начинается строками: «Жил-был Поэт. Серьёзный, настоящий, русский. И в поле, и в лесу он как рыба в воде. Да и рыбку всякую знал, изловить умел. Язык птичий, звериный понимал и людскими владел: родным, русским, и вражьем – немецким. Вражьем, потому что в 1941 году гитлеровцы на его отчую Псковскую землю пришли, и он, восемнадцатилетний (только-только исполнилось), против них с оружием встал, друзей за собой повёл». В стихах И. Н. Григорьева Наталья Советная нашла и полюбила ту атмосферу нравственной гармонии, о которой я писала выше. Созвучность в понимании духовных ценностей побудила Наталью заняться изучением творческого наследия поэта, прошедшего войну, бесконечно любившего родную природу. Писательница имела счастливую возможность поработать с рукописью И. Н. Григорьева «Дерзость», куда поэт включил неопубликованные ранее стихи и даже заведомо несовершенные варианты уже изданных стихов. Можно только догадываться, с каким трепетом Наталья Советная листала рукопись, замечая, как менялось настроение поэта: до войны, во время войны и по возвращении домой. Живые строчки! Здесь о поэте узнаёшь не только по содержанию стихов, но и по манере писать, по почерку, ремаркам, исправлениям. Бесценный опыт для поэта, писателя, публициста. Подер-

жать рукопись любимого поэта, изучить её – это ли не счастье! Наталья Советная щедро делится своим приобретением: общается к своей увлечённости творчеством поэта и людей, впервые узнавших о И. Н. Григорьеве из её книги. К таким людям отношусь и я. Вернее, относилась. Теперь я читаю стихи И. Н. Григорьева, посылая мысленно слова благодарности Наталье – за столь прекрасное знакомство.

Примечательно, что рассказ о творчестве поэта И. Н. Григорьева построен таким образом, что перед нами проходят картины Второй мировой войны, картины сожжённых немцами белорусских деревень. Меня восхитила способность Натальи Советной в одном абзаце соединить прошлое и настоящее, а к запаху луговых трав добавить горечь былых пожарищ... Путешествие в деревушку (на самом деле от неё остались лишь развалившиеся фундаменты домов), где родился И. Н. Григорьев, оказалось путешествием в прошлое, туда, где была война. Наталья затрагивает тему, накал актуальности которой не ослабевает, а даже усиливается из-за участвовавших заокеанских заявлений, имеющих целью принизить роль СССР во Второй мировой войне

Третий раздел сборника – «... Вот диво!» – отчасти продолжение предыдущего раздела: очерк о старинном белорусском городе под названием Городок. Очерк изобилует историческими фактами и, в особенности, рассказами о замечательных людях, живших и живущих в Городке. Подробно, с чувством уважения и теплоты пишет Наталья Советная об участниках поэтического праздника, посвящённого 175-летию со дня рождения Константина Вереницина, поэта из Городка. Праздник расцвечен присутствием на нём работников культуры и тех, кто пришёл приобщиться к прекрасному. Я ощущаю чувство гордости писательницы, когда она рассказывает о библиотеках, о том, что, против надуманного общего мнения, чтение остаёт-

ся одним из любимых занятий людей всех возрастов. Описание видов народного промысла – фейерверк красок, который добавляет оптимизма в настроение. Автор перечисляет имена народных умельцев, работающих в разных жанрах, я вижу, насколько мастерски Наталья Советная владеет публицистическим материалом. Её характеристики далеки от поверхностности, напротив, привлекают изученностью темы: «Уникальные пояса ткала Нина Михайловна Королько и передала своё искусство Наталье Анатольевне Юшковой, которая до этого занималась ткачеством гобеленов, а теперь по музейным образцам сумела восстановить фрагменты различных узоров двух-трёхметровых поясов. Довела своё владение техникой “на ниту” до полного совершенства, вызывающее восхищение талантом мастерицы как у земляков, так и у иностранных ценителей народного творчества». В этой части книги дана удивительная, оригинальная история Городка – в лицах.

Название четвёртой части сборника «Угадывай любящим сердцем» – это и название всего сборника. На мой взгляд, таким образом Наталья Советная подчёркивает актуальность поднимаемых тем: семья, отношения между мужем и женой, супружеская верность, воспитание детей, разногласия (согласие) между представителями разных поколений – обо всём этом автор говорит не в менторском тоне, но в тоне дружеского собеседника. Открывается раздел главой «В предчувствии непостижимой тайны», имеющей подзаголовок «Записки на пелёнках». Очень говорящие заглавие и подзаголовок. Публицистика здесь приобретает оттенки тонкого, трепетного лиризма, впускающего нас, читателей, в самое сокровенное – мир будущей матери. В ответ возникает чувство благодарности за столь откровенное описание материнских чувств. Рассуждая о верности, о красоте супружеских отношений, Наталья предлагает: «Прислушайтесь к слову “верность”, и вы услышите в нем слово “вера”. Ве-

рующей человек стремится к высшим степеням верности: Богу, Родине, Семье. Без этих трех составляющих исчезает личность, человек становится приматом». Трудно не согласиться.

Очерк о слове, о силе слова «Держи язык за зубами» – это призыв осознать, ЧТО и КОГДА мы говорим, призыв к пониманию сути слова, которое может исцелить и погубить. Призыв быть осторожным в употреблении брани, призыв к тому, о чём «прекрасно знали наши предки и помнили апостольские слова: “Ибо кто любит жизнь и хочет видеть хорошие дни, тот удержи язык свой от зла и уста свои от лукавых речей” (1 Пет 3:10)». Наталья Советная выступает убеждённым гуманистом, когда говорит о важности воспитания словом, как одном из сильнейших средств воздействия на человека.

Пятый раздел – «Сокровище» – это колоссальный труд на тему алкоголизма, который автор рассматривает как тяжелейшую болезнь нашего времени. С проблемой Наталья Советная знакома не понаслышке, знает о ней из практики, когда долгие годы занималась пациентами, работая психологом в клинике. Перед её глазами прошли тысячи и тысячи исковерканных пьянкой людских судеб! Исковерканных и загубленных жизнью, дающихся человеку всего один раз... В этом разделе объединились опыт психолога и опыт публициста, чтобы с сокрушительной правдивостью, мощно и резко сказать о проблеме, которая сокращает наше население и, по большому счёту, решение которой пущено на самотёк. И это страшно, ибо, по глубокому убеждению автора, так можно и без войны народ известить... Неравнодушие Натальи Советной по отношению к погибающим людям потрясает до глубины души. Чтобы доказать, что пьянство на Руси никогда не было «русской традицией», Наталья предпринимает огромные усилия для проработки вопроса с исторической точки зрения. Приводится статистика, описываются традиции, говорящие о том, что пьянство – это дело хоть

и наживное, но поправимое, если за него взяться с молитвой. Стяжание Духа Святого как духовного сокровища – вот в чём Наталья видит решение проблемы. Пятая часть книги отличается столь же глубоким эмоциональным накалом, что и первая, «Тайна русского царя». Может быть, потому что эти две темы как-то да связаны на духовном уровне? И поэтому переживаются автором особенно остро? Если подумать... сопоставить... то можно предположить, что возникший массовый алкоголизм вполне может быть реакцией на содеянное (расстрел без суда и следствия царской семьи), ибо желание забыться в пьяном угаре – это ли не реакция на преступление? Наталья Советная всем ходом своих размышлений направляет нас в русло ответа на вопрос, а нужно ли нам покаяние?

Тонкое чувство родного языка даёт писателю-публицисту Наталье Советной возможность в полной мере использовать его стилистические, фразеологические, лексические богатства, чем Наталья успешно и пользуется, когда пишет свои книги. Сам процесс чтения книги – как путешествие в лодке по реке, когда путешествие затягивает, а плеск волн и речной воздух освежают мысли и чувства.

12–13 июня 2020, Ессентуки

«МЫ ГРЕЗИЛИ МИРНЫМ ДНЁМ...»

Народная память по-прежнему наполнена Великой Отечественной войной, для неё война остаётся центральным событием. Что же – ничего более значимого не произошло? Поднятая целина, стройки, прокладка дорог и ЛЭП, первый полёт в космос – всё это отступило куда-то, не принеся народу счастья. Что за истекшее тридцатилетие не было демонтировано, то служит большей частью иностранному капиталу. У нас в Сибири это именно так.

И потом, в послевоенном грубом размахе железобетонных работ и химизации вряд ли было что-то человеческое.

На войне народ ощутил себя единым целым. Он был востребован весь, без остатка, равно и силы его, физические и душевные, черпались всякий раз до дна. День Победы объединяет людей и сейчас. Мне доводилось и доводится бывать на празднованиях его в нищих сибирских посёлках нынешних дней. В прошлом году 9 Мая я встретила в Бурятии, в посёлке Каменск, под ветром, снегом и дождём. Колонны взрослых и детей прошли по площади, ступая плохонькой обувью в образующиеся ледяные лужи. Микрофон сообщал, кто идёт мимо подиума с ковром, на котором должны были сидеть на стульях ветераны – их осталось в живых трое участников разгрома милитаристской Японии, и они смотрели на шествие из машины, укрывшей их от непогоды. По площади прошли с воздушными шариками и портретами своих родных-ветеранов крошечные коллективы когда-то крупных заводов ЖБИ, АЦИ и шиферного, прошли остатки медиков из больницы, преобразованной в сангородок,

прошли дети-спортсмены на допотопных подобиях роликов, учащиеся и учителя двух съёжившихся школ, прошли воспитатели детского сада и детдома, прошли все коллективы, что были в посёлке. Картина напоминала военную. Сопротивляясь непогоде, мужественное шествие с праздничными улыбками, казалось, уходило в какой-то новый бой...

Александр Твардовский в стихотворении «Я убит подо Ржевом», стихотворении, не вдруг оказавшимся заглавным в поэзии о войне, написал от имени павшего бойца:

Я вам жизнь завещаю, –
Что я больше могу?

И, действительно, у бойца, у миллионов воинов ничего не было за душой, кроме самой жизни. Ещё и в этом смысле большинство нынешних жителей России есть наследники Победы: у них есть им завещанная жизнь, и они почти на краю – на несколько сантиметров дальше от края, чем войска, ковавшие Победу.

Оратай – это пахарь, а рать – это войско. Ещё «оратай» близко по звучанию «орадуй», а «рать» – радению, усердию. Радость – в действии, в бездействии – покой.

Война – это труд и засев пашен бомбами и осколками бомб, минами, шрапнелями, пылью руин, костями людей и животных, орденами, медалями, пуговицами, лычками и погонами. Всего не перечислить.

Человек на войне находится в пограничном состоянии психики, хотя умеет скрыть это, затаиться. Когда он идёт в бой, этого скрывать не надо, наступает разрядка.

Родители говорят ребёнку: этого нельзя, не делай этого; по-малкивай; родина – это святое. В школе он выучивает: «Молчи, скрывайся и тай И мысли и мечты свои». Разве это стих-е учат в

школе? Вот он, произносятся те слова и не произносятся эти, причащаются к порядку сентенций и через них к образу мыслей.

Но вот начинается война, и всякий её избранник быстро осознаёт, что ему, скорее всего, предстоит погибнуть. Силы его восстают против этого, даже если он прежде особо не ощущал их. Он наблюдает массовую гибель и ждёт свой черёд.

Здесь я приведу военную историю своего деда Павла Секерина, самого младшего, девятнадцатого у родителей ребёнка. Он прибыл сражаться под Москвой из Сибири. Ему было тридцать лет, он успел отслужить срочную стрелком лёгкого танка пять лет. После этого окончил курсы бригадиров в Улан-Удэ, а в детстве – церковно-приходскую школу в своём приписанном к Троицкому монастырю селе. И вот его последний бой. Волоколамская высотка. Он лежит за своим пулемётом и прикрывает своих. А они только успевают перезарядить винтовки. Бойцов накрывает снаряд. Кто остался в живых, им думать некогда. Они перебинтовывают своего тяжело раненого пулемётчика и убегают в атаку, из которой не возвращаются. Три холодных октябрьских дня и три ночи пролежал боец в воронке от взрыва. Очевидно, мучительное его состояние было и спасителем, не давая окоченеть. Наконец его обнаружили старики из похоронной команды и унесли к дороге.

Вот показалась рота, ведомая двадцатилетним лейтенантом. Рота остановилась, и командир опросил лежащего в кровавых повязках бойца. Вот показался автомобиль, в нём ехал полковник. При помощи нагана лейтенант остановил машину и приказал положить бойца на сиденье. Полковник не проронил ни слова, он ехал оттуда, где предстояло пасть лейтенанту и его роте.

В мирное время не может быть ни первого, ни второго, ни третьего. На войне все на пределе. Люди проживают отпущенное им время по полной, искренне и горячо. Осенью под Москвой сибиряки не кричали: «За Родину, за Сталина!». Когда пулемёт смолк, командир закричал: «Отомстим за Пашу!».

Сплочённость, товарищество – вот что было главным на той войне. Это отодвигало гибель – каждый продолжался в другом, в оставленных дома.

Пограничное состояние психики, по мнению специалистов, часто является следствием потери идентичности. В нашем случае этой потери не было. Мало того, те, кто не вполне ощущали свою причастность к происходившему в стране, становились с ним единым целым. Известным примером здесь является творчество Анны Ахматовой, изменившее свою тональность во время Великой Отечественной войны.

Сзади Нарвские были ворота,
Впереди была только смерть ...
Так советская шла пехота
Прямо в желтые жерла «Берт».
Вот о вас и напишут книжки:
«Жизнь свою за други своя»,
Незатейливые парнишки –
Ваньки, Васьки, Алешки, Гришки, –
Внуки, братики, сыновья!
(«Победителям», 1944)

Это касается миллионов советских людей, кровно связанных с дореволюционной действительностью: далеко не все из них были «бедняками» получившими от революции «всё». Жертвы были несопоставимы с полученным «благом».

Пропадать зазряшно
Нам не привыкать ...
Умереть не страшно –
Страшно умирать.

Это фронтовые строки псковского поэта Игоря Григорьева. «Пропасть зазряшно» пришлось многим и на Гражданской

войне, и в годы репрессий, уничтожавших массы без особого разбора.

Теперь накал ненависти к врагу объединял всех, пролитая кровь звала к отмщению. Именно в горниле войны родилась единая общность – народ Советского Союза.

Враг, напав на СССР, совершил преступление; именно в изменённом состоянии психики совершаются преступления массовые, имеющие характер эпидемии¹. Совершённое преступление влекло гитлеровцев дальше – к зверствам, озверению. Вступив на нашу землю, они сами вряд ли предполагали, кем станут, двигаясь по ней дальше и дальше, к Москве и Сталинграду.

Жертвами врага стали жители оккупированных территорий. Чем успешнее становился отпор ему в боях, тем больше он свирепствовал в захваченных местностях. Уходили в партизаны, помогали партизанам большинство людей. Война, начавшаяся в результате игры политических сил, финансируемых военно-промышленными комплексами Германии и США, приобрела народный характер. По-настоящему народ располагал одним мужественным ресурсом – отдать свою жизнь, погибнуть в бою. И он пошёл на это. Поэт-партизан Игорь Григорьев писал в ноябре 1943 года, уже имея итоги боевого пути:

Пойми, Земля: людскому званию
Совсем не все верны.
Твои верховные созданыя
Не все тебе сыны.

Гляди, какие громометы
Сожгли твой чистый снег!

¹ Специалисты из Чикаго проанализировали статистику тяжких преступлений за последние 25 лет и пришли к довольно интересному заключению, что убийства и эпидемия происходят по одним и тем же законам. То есть тяжкое преступление против жизни является таким же заразным заболеванием, как простуда или грипп. См: https://www.factruz.ru/brain_human/murder-epidemic.htm.

Вот эти с черепами роты –
Они не Человек.

Они тебя секли и грызли,
Идти в полон веля.
Но всё: мы вырвали их жизни.
Вздохни о нас, Земля!
(«Разговор с Землёй»,
21.11.1943, Псковщина)

Поднять народ на подвиг, облагородить кровавую бойню, выразить народные чаяния и горечь утрат с самого начала войны стремилась русская поэзия. Перед глазами поэтов предстали неслыханная трагедия и кровь. Никогда ещё смерть не являлась в таком фатальном облике. Вспомним историю написания стихотворения «Я убит подо Ржевом»: Александр Твардовский, вернувшись с поля Ржевско-Вяземской операции, не смог написать о ней ни слова, настолько кроваво-трагическая картина открылась перед ним. И только в 1946 году, когда события отдалились, они смогли отлиться в слова.

Поэзия в годы Великой Отечественной войны значила много больше, чем на предыдущих войнах. Народ под гребёнкой репрессий сделался молчалив. Он ждал слов, которые мог бы произносить. Я помню, что молчаливость была главной чертой моего сражавшегося под Москвой деда. Пролечившись год в госпитале Тюмени, он вернулся домой к жене и двум маленьким сыновьям, младший родился в декабре 1941 года. Он боялся ночи и в темноту выходил, позвав с собой четырёхлетнего старшего. Жена долго водила мужа по знахаркам, они лечили его старинным способом – отливали страх на воске и давали пить святую воду с нашёптанной над ней молитвой. Дед мой только раз или два рассказал родне о сражениях, орден Славы нашёл его в 1985 году; он никогда не надевал его и другие награды, в числе которых была медаль «За оборону Москвы». В 1985 году была признана его инвалидность по ранению.

Я помню по своему детству: взрослые в сибирской деревне всегда говорили полушёпотом и шёпотом, это была уже сложившаяся привычка. Помню, как в ожиданиях поездов в станционной избе сидели мужики в тудупах и о чём-то говорили тихо-тихо; если кто-то разговаривал, к ним было не принято приближаться. Можно было попить ледяной воды из бака с кранчиком и общей кружки.

В этих условиях народного безмолвия переписывались и заучивались военные стихи и песни, их источником были газеты, книги и радио. Немец не ступал по Сибири, война была работой, на которую отправили. Дед мой не единожды вспоминал с чувством определённой вины расстрел взятого в плен немца. Бой закончился, а немец продолжал безумно бежать вперёд с расстрелянным боезапасом. Дед мой подставил ему подножку, немец запнулся и упал, его связали. В штабном блиндаже он был допрошен, выведен в поле и расстрелян – рыжий мужик с закатанными рукавами мундира.

Интересно стихотворение поэта-сибиряка Василия Фёдорова. Родом из кемеровской деревни, он до войны поработал на Иркутском авиазаводе, а во время войны направлен был на авиационный завод в Новосибирск. Он, видимо, не раз наблюдал, как в одну печь в переплавку идёт наша и немецкая боевая искалеченная сталь. В 1951 году выходит его стихотворение «Две стали», подытожившее его наблюдения. Василий Фёдоров был не просто из тех, кто грезил мирным днём: он был философом из народа, очевидно, осознавал ненависть и злобу как тяжёлое бремя, нужное для минуты отмщения, но не по жизни.

Их взяли,
Тронутыми гарью,
На поле, выжженном дотла:
Одна была немецкой сталью,
Другая русскою была.

Но сталевары
С равной честью,
Свою лишь взглядом отличив,
Две стали положили вместе
В огонь мартеновской печи.

Война!
Она и сталь калечит.
Мартен как госпиталь, и в нём
Её, изломанную, лечат,
Ей возвращают жизнь огнём.

Чужая сталь –
С её виною,
С позорной метою креста, –
Омытая целебным зноем,
Как наша,
Стала вдруг чиста.

Чиста,
Как в первое плавление,
Когда она перед войной
Ещё ждала предназначенья
Стать трактором и бороной.

И потому
Не странно даже,
Что, становясь всё горячей,
Она, чужая, вместе с нашей
Сливается
В один ручей.

Игорь Григорьев в 1950 году писал уже строки мирной жизни:

И светит тень, и теневет свет,
И дышит день, большущий-пребольшущий,

Распахнутый, смеющийся, зовущий,
И солнцу ни конца, ни края нет!
(«Реквием», 1950, Плюсса)

К середине 1950-х становились взрослыми дети войны. Они и сегодня пишут стихи и воспоминания о военном детстве. Этот пласт стал не меньшим, чем военная, фронтовая проза и поэзия. В стихотворении Андрея Румянцева «Свет детства» речь идёт о детстве в годы войны, сибирский поэт так объясняет невозможность не писать о нём:

Мне говорил один поэт,
Добра по-дружески желая:
– Знай, память – комната жилая,
Но в ней горит вчерашний свет.

Мы все обкрадены войной,
И счёт ей предъявляем все мы,
Но, кроме детства, разве темы
Достойной нету ни одной?

– Есть, отвечаю, – как не быть?
Жизнь обновляет чувства наши,
Но не могу забыть о павших,
День, трудно прожитый, забыть...

Перед ним, как перед каждым сибиряком, встаёт память о том, что сибирские полки сыграли решающую роль в разгроме гитлеровских войск под Москвой:

От этих мёрзлых стен полночных
К Москве, к Москве,
Под вой пурги,
В суровых эшелонах срочных
Везли сибирские полки.

И эта станция прощанья
Для наших близких
Той зимой
Сама казалась обещаньем
Беды и гибели самой.
(«Станция прощания»)

Поколение детей войны подняло на своих плечах новый мирный день; пережитое, увиденное закалило их и дало силы необычные. Где их источник? Андрей Румянцев пишет так:

Мне только лишь пять или шесть,
И сон в закутке моём сладок.
Но в нежной крови моей есть
Железных сражений осадок!

... В моих руках сборник «Русь не забудет годы огневые» с подзаголовком «Поэты Приангарья – Великой Победе». Издан он в наши дни, в нём ы тринадцать авторов – как участников, так и детей войны. Вновь и вновь звучат в книге строки скорби, отмищения, победы – спустя десятилетия всё те же краски и слова, потому что память Великой Отечественной войны изжить невозможно. Элегическое стихотворение «В ночь на девятое мая» написал служивший в органах госбезопасности Анатолий Аистов, ребёнком переживший оккупацию в Белоруссии:

Времени много уже,
Дом поутих, засыпая.
И, лишь не гаснет, мигая,
Свет на шестом этаже
В ночь на девятое мая...

В 2020 году, когда ветеранов войны осталось совсем немного и не везде, власти решили наградить их деньгами. А как же было,

когда ветеранов было много? В 2005 году известный иркутский художник Владимир Лапин написал большое полотно, посвященное Курской дуге, «Прохоровское поле». Пригласил к себе в мастерскую ветеранов, напоил их чаем, показал картину. А они в ответ пригласили его на своё чествование 9 Мая, организованное городской администрацией Иркутска. Он вернулся, поражённый нищетой стола, жалкими крохами пищи на нём и стограммовыми «стопариками» ...

А как же закончились дни ветерана войны Павла Секерина, моего деда? Был 1991 год, ему шёл восьмидесятый. Началась приватизация всего и вся народного хозяйства. И он задумал у директора совхоза «Байкальский», в котором по-прежнему трудился, выпросить своего рабочего конька. Ходил-то он после боевого ранения с трудом, верховая езда всегда выручала его, коневода. Директор коня ему не дал. Ему – не только ветерану, но и сыну из зажиточной крестьянской семьи мельника, всё нажитое, в том числе табун, когда-то отдавшей в колхоз. Расстроился ветеран, объехал Девятого мая верхом на коне родное село, заболел и умер. Он очень любил родные поля и природу, они отвечали его молчанию – молчанием. Добавить к этому можно лишь то, что по осени, после уборки хлеба и соломы, бесчисленный совхозный табун пасся за огородами села, и уже почти тридцать лет там не увидишь и одного коня.

Многотерпелив русский народ, и мирный день – это его грёза. И мы не знаем вполне: а мир ли сейчас, когда так пустеет земля и простых людей всё меньше, и всё больше – непростых. Хотя, впрочем, надо, как и прежде следовать завещанию убитого подо Ржевом:

Завещаю в той жизни
Вам счастливыми быть
И родимой отчизне
С честью дальше служить.

Анатолий Бесперстых

РОДИНА В РУССКИХ ЭПИТЕТАХ

(Фрагменты словаря)

Любовь любимой догорит дотла,
И друг предаст, который был – до гроба,
Останется лишь Родина.

Иван Щёлоков

Светлой памяти замечательного русского поэта и самоотверженного защитника земли Русской Игоря Николаевича Григорьева посвящаю.

А. Бесперстых

Словарь «Родина в русских эпитетах» – не просто справочное издание, но книга для чтения и размышления о самом главном в жизни человека – его родине. Цитаты взяты из произведений писателей самых разных взглядов, течений и направлений, нередко даже взаимоисключающих. Довожу до сведения моих читателей, что я разделяю далеко не все мнения, суждения, высказывания авторов о моей Родине – России. При составлении словаря я руководствовался крылатой мыслью, приписываемой Вольтеру: «Я могу быть не согласен ни с одним словом, которое вы говорите, но готов умереть за ваше право это говорить».

Условные обозначения

- – краткая форма
- Δ – полная форма прилагательного в предикативной функции
- – обособленная полная форма прилагательного
- – прилагательное в сравнительной степени
- ▣ – эпитет-приложение, билексемы
- @ – интернет-источник

АВТОРИТЕТНАЯ

По-моему, преступно тратить государственные деньги на совершенно никчёмные цели: ну, например, на визит Великого Мунди-Бунди, который, мол, поднимет престиж нашей и без того авторитетной родины-матери (@).

АНГЕЛЬСКАЯ

Бог по силе налагает крест – Это о душе, а не о теле, Благостью проверит, кто ты есть, Хоть прошёл кровавые купели. Усмирять гордыню дай обет, Твой клобук – епископская митра! Отрекись от прелестей сует И страстей привременного мира. Ангельская родина в раю, Нам своё скупое светит солнце. Загрустила душенька в краю Белоглазой чуди и тевтонца (Валентин Голубев, Памятка / Батюшке Николаю Гурьянову).

БЕДНАЯ

Прибитая к земле слезами Рекрутских жён и матерей, Пыль не стоит уже столбами Над бедной родиной моей. Опять ты сердцу посылаешь Успокоительные сны, И вряд ли сам припоминаешь, Каков ты был во дни войны, – Когда над Русью безмятежной Восстал немолчный скрип тележный, Печальный, как народный стон! (Н. А. Некрасов, Тишина).

БЕЗБРЕЖНАЯ

У меня – британский паспорт, моя малая родина – Черновцы, моя большая родина – Киев, моя безбрежная родина – литература», – говорит журналист в одном из интервью и признается, что эта литература – русская. И русский язык для Померанцева – родной. Украинский ему удалось покорить позже – любовью. Украинскому языку Игорь в прямом, грамматическом смысле благодарен «за чувство корней» (@).

БЕЗВЕСТНАЯ

Δ Была безвестной. Елисей изредка останавливался на месте и оглядывал пространство сонными, опустевшими глазами, будто вспоминая забытое или ища укромной доли для угрюмого покоя. Но родина ему была безвестной, и он опускал вниз затихшие глаза (А. П. Платонов, Котлован).

БЕЗГРАНИЧНАЯ

«То было раннею весной», то было в «утро» народных надежд, не омраченных горечью сомнений и неудач, не отравленных мстительными посягательствами; то было на залитых солнцем, ликующих улицах хмурой столицы, переполненных необъятной, живой и возбужденной народной волной, когда среди приветственных кликов и восторженного гула несметной толпы шли в старый Потемкинский дом будущие страстотерпцы и герои небывалого в истории судебного процесса наших дней, тогдашние лучшие люди», соль русской земли, посланные народом на тяжкое дело переустройства и обновления

обветшалого строя безграничной родины... (А. И. Шингарёв, Новая Дума и старые думы).

БЕЗЖАЛОСТНАЯ К СЕБЕ

Ночью Сербинов лежал в тишине прохладного гостиничного номера и молча следил за действием своего ума. Сербинов удивлялся, что ум при своём разложении выделяет истину, – и Сербинов не беспокоил его тоской памяти о встреченной женщине. Пред ним сплошным потоком путешествия проходила Советская Россия – его неимущая, безжалостная к себе родина, слегка похожая на сегодняшнюю женщину-аристократку (А. П. Платонов, Чевенгур).

БЕЗЗАЩИТНАЯ

Русь моя, земля Русская, родина беззащитная, обеспокоенная кровью братских полей, подожжена, горишь! (А. М. Ремизов, Взвихренная Русь).

БЕЗМЕРНО ПОРУГАННАЯ

Только жертва, чистая и святая, восстановит честь опозоренной и безмерно поруганной Родины (В. А. Ларионов, Боевая вылазка в СССР, 1927).

БЕЗМОЛВНАЯ. См. просторная родина.

БЕРЕГОВАЯ

Кирей прошёл дорогу от Владивостока до Петрограда пешком, очищая землю для Советской власти и её идеи, и теперь дошёл до Чевенгура и спал, пока не отдохнул и не заскучал. Ночами Кирей смотрел на небо и думал о нём как о Тихом океане, а о звёздах – как об огнях пароходов, плывущих на дальний запад, мимо его береговой родины (А. П. Платонов, Чевенгур).

БЕСКОНЕЧНО ЛЮБИМАЯ

Франция готовится с блеском праздновать столетие со дня рождения Гюго... Мы же, русские, – что будем переживать в эти дни? С 26-го начнутся торжества – в Пантеоне, потом в Сорбонне, потом ещё

целый ряд празднеств. А Россия, Россия! О, моя милая, далёкая, бесконечно любимая родина! Какое несчастье для неё, для нас, её детей! (Е. А. Дьяконова, Дневник русской женщины).

БЕССМЕРТНАЯ, –а

○ Бессмертна. –Ты смотришь на предмет, приблизив его к самым глазам, и видишь одни лишь мелкие его подробности, но отойди от него дальше, и он представится тебе в своём настоящем виде. Неужели ты думаешь, что твоя великая родина бессмертна? Но разве не то же самое говорили и думали когда-то персы, и македоняне, и гордый Рим, охвативший весь мир своими железными когтями, и дикие полчища гуннов, нахлынувших на Европу, и могущественная Испания, владевшая тремя частями света? Спроси у истории, куда девалась их необъятная власть? (А. И. Куприн, Бред).

БЕССЧАСТНАЯ

О, моя родина несчастная, твоя беда, твоё разорение, твоя гибель – Божье посещение. Смирись до последнего конца, прими беду свою – не беду, милость Божию, и страсти очистят тебя, обелят душу твою (А. М. Ремизов, Взвихренная Русь).

БЕШЕНАЯ

Мысли разнообразные и беспорядочные, в разные цвета окрашенные. От иных плохо спится, от иных гордостью зажигаются глаза и радостно бьется сердце. А есть и такие, от которых хочется петь и плакать в одно и то же время. Бешеная, несуразная, но чудная родина моя! Я в разрыве с нею, я оставил её для чужих краев (Ф. И. Шаляпин, Маска и душа).

БЛАГАЯ

Провинциальность благородна. Благая родина во мне / от недостатков не свободна – / я вырос в малой стороне. Там деревенское прервалось, / столичное не привилось, / там с опозданием сбывалось, / что в центре сорок раз сбылось (Виктор Верстаков, «Провинциальность благородна ... »).

БЛАГОДАРНАЯ

Наконец, благодарная родина Труп мой холодный забила бы в гроб,
В пышный гроб цвета красной смородины. Всё достигнуто. Конечно,
стоп! И внимала бы публика видная Очень скорбным надгробным
словам (Наконец-то подохла, ехидная, И дорогу очистила нам!)
(А. А. Баркова, «Если б жизнь повернуть на обратное...»).

БЛАГОСЛОВЕННАЯ

Путь Гайвазовского и Штернберга лежал через Берлин, Дрезден,
Вену, Триест. Но так велико было нетерпение молодых художников
скорее увидеть прославленную поэтами, художниками и музыкантами
благословенную родину искусств Италию, что в пути они не задерживались
и только мельком видели европейские города (Л. А. Вагнер и Н. С. Григорович,
Повесть о художнике Айвазовском).

БЛАГОУХАННАЯ

– Какие новости из моей благоуханной родины, Индии? (Анна Ясова,
Познакомь меня с Кентавром).

БЛАЖЕННАЯ

Я был прекрасен и крылат В богоотеческом жилище, И райских
кринов аромат Мне был усладою и пищей. Блаженной родины лишён
И человеком ставший ныне, Люблю я сосен перезвон Молитвословящий
пустыне (Н. А. Клюев, «Я был прекрасен и крылат...»).

БЛЕДНАЯ

Где-то тонко выла собака. Тревожно задрёмывало село. Склянки
дребезжали в аптеке, и глухо взлетали снизу заклинания хозяина. Лампа
таяла, как кусок коровьего масла, облепленная тяжёлым вечером, обло-
женная густой темнотой навеса, под которым застыл воздух. Пан по-
чувствовал, что скуку этого вечера не проломить никакими изречениями
бледной его родины, и сдался молчанию (С. Ф. Буданцев, Саранча).

БЛИЗКАЯ, –а

○ Близка. Он в полночь выехал. Как родина близка, Как долго па-
роход идёт в тумане... (К. М. Симонов, Изгнанник).

БОГАТАЯ

Зимой завораживает северное сияние. Глаз не оторвать от сказоч-
ного зрелища разноцветных, переливающихся, бегущих по небу спо-
лохов... И это тоже моя Родина. Богатая, красивая и такая разнообраз-
ная (А. А. Костылёва, Каждый край по-своему хорош).

БОГАТАЯ СЫНАМИ

□ Из тяжких недр земли насильственно изъяты, Над вечно бур-
ною холодною волной, Мурмана дальнего гранитные палаты Тысяче-
верстной воздвиглись стеной, И пробуравлены ледяными ветрами,
И вглубь расщеплены безмолвной жизнью льдов, Они ютят в себе
скромнейших из сынов Твоих, о родина, богатая сынами (К. К. Слу-
чевский, Мурманские отголоски).

БОГАТЫРСКАЯ

Дикий камень гранит, / что на зорях звенит. Пни, болота, мхи, /
рыжих туч верхи. Жизнь с тобою, / Север, / не пройдена – Богатыр-
ская / моя родина (В. А. Луговской, Кондо-озеро).

БОГОДАННАЯ

Островерхая Гора, поднебесная, Девья, Духова ль пустынька чу-
десная, Богоданная родина, безвестная! Тебе я, млад царевич, обру-
чился; Тебя ради от мира отлучился (В. И. Иванов, Виноградарь).

БОГОЛЮБИВАЯ

Имя России, нашей прекрасной, богатой, щедрой, боголюбивой
родины, снова воссияет (И. А. Бабкин, Ангелы Господни).

БОГОЗДАННАЯ

– Я принимаю ваше приглашение, скифские мужи, – ответила
она, – верьте, Царица Небесная и ныне и во все времена будет ми-
лостивой заступницей вашей страны и вашего народа. Но мне неу-
местно обитать в храме, заложенном с мыслью о другой. Нет, друзья:
мне вы выстроите новый храм на вашей городской площади, против
здания вашего совета: это будет тогда, когда аргонавты вернутся и
привезут вам обратно ваших княжичей. А этот предоставим его пер-

воначальному назначению: пусть в нем обитает покровительница богозданной родины вашей царицы и вашей княгини, Дева-Паллада (Ф. Ф. Зелинский, Царица вьюг).

БОГОМ ПОСЕЩЁННАЯ

□ О, родина моя обречённая, Богом покаранная, Богом посещённая! Сотрут имя твоё, сгинешь, и стояла ты или не было, кто вспомнит? (А. М. Ремизов, Взвихренная Русь).

БОГОМ ХРАНИМАЯ

□ О моя родина, Богом хранимая! Сколько простору в тебе необъятного! Сколько таится в тебе, о родимая, Неизъяснимого и непонятного!.. (Н. А. Добролюбов, Родина великая).

БОЕВАЯ. См. волевая Родина.

БОЖЕСТВЕННАЯ. См. крылатая родина.

БОЛЕЮЩАЯ

Николай Некрасов, [по словам Ю. И. Айхенвальда], «поэт болеющей Родины, поэт рыдающей России» (Юрий Безелянский, В садах любви).

БОЛОТНАЯ

– Даже вы сами, – продолжала она [княгиня], – вы – скиталец с ранних лет по далёким морям – признайтесь: надышавшись воздухом ароматных лесов Бразилии; набродившись по чудным коралловым островам Тихого океана или по исполинским джунглям Австралии; налюбовавшись плавучими ледяными горами Южного полюса, или вулканами, раскаляющими небо своим дыханием, скажите, какая показалась вам после того болотная, плоская, туманная родина? (А. А. Бестужев-Марлинский, Фрегат «Надежда»).

БОЛЬНАЯ, –а

Мне не надо, братцы, ордена, Мне слава не нужна, А нужна, больна мне родина, Родная сторона! (А. Т. Твардовский, Василий Теркин).

БОЛЬШАЯ

Близившийся день загонял беглецов до ночи в густые кусты. Надо было не только экономить силы, но усиленно растить их. Где-то за сотни вёрст, отгороженная кручами сосен и широкими топями непроходимых прибалтийских болот, раскинулась их большая Родина... (Константин Воробьёв, Это мы, Господи!).

БОЛЮЧАЯ. См. слёзная родина.

БРОШЕННАЯ

Я лежал на циновке, не дотрагиваясь до предлагаемых соблазнов и почти не слушая его. Моим мыслям представлялась брошенная родина. Я перебирал в уме друзей, близких, улетевшее счастье. Сердце разрывалось, душа изнывала от неизвестности и тоски по родине (Г. П. Данилевский, Княжна Тараканова).

БУДУЩАЯ, –ие

Прилуков внезапно обернулся и, нагнувшись, скользнул без шума за якорную лебёдку. К Семёну Ивановичу подходила Дэво, теософка, кутаясь в одеяло. – Ещё один брат по духу не спит, – заговорила она сонным голосом, – я вас почувствовала издали... Нельзя без волнения созерцать звёздное небо. Ведь это наши будущие родины (А. Н. Толстой, Похождения Невзорова, или Ибикус).

БУРНАЯ

Китай за чайником мурлычет, Чикаго смотрит чугуном... Не Ярославна рано кычет На забороле городском, – То богоносный дух поэта Над бурной родиной парит; Она в громовый плащ одета, Перековав луну на щит (Н. А. Клюев, «Я – посвящённый от народа...»).

БЫВШАЯ

«Я прошу довести до русского императора Николая, что в мир, который вы изволили заключить с нами в Туркменчае, вставлена статья, чтобы возвратить всех русских из Персии. Слов нет, что русских пленных имеее право, но только не персиян, исламского закону, хоть и бывшей родины России (Ю. Н. Тынянов, Смерть Вазир-Мухтара).

В

В МИНОРЕ

О рыба розовая, лом-налим / осенний!.. Рокот, мол, ночное море...
Уж месяц-мироносец мне не мил! Не люблю небо родины в миноре!
(В. А. Соснора, Возвращение к морю).

ВЕЛИКАЯ

И мы забыли навсегда, Заключены в столице дикой, Озёра, степи,
города И зори родины великой. В кругу кровавом день и ночь Долит
жестокая истома... (А. А. Ахматова, Петроград, 1919).

ВЕЛИЧАВАЯ

○ Величава. Да будет во веки веков покойна и величава Родина
моя, да не нарушится более её сон и покой громами войн, не
вспыхнет небо над нею, не застонет земля, не заголосят в безу-
тешном плаче тихие и добрые её селения, не захлестнет её пу-
ти-дороги потоками горьких солёных слёз... (В. П. Астафьев, До-
рога домой).

ВЕКОВЕЧНАЯ

– Для вас – это пустынная земля! – неожиданно резко крикнул
мальчик. – А для нас – это наша вековая родина! Для вас – это го-
лая степь, а для нас – родные кочевья, где тысячи лет жили наши пред-
ки! Где каждый камень – живой! Где нам покровительствуют наши
боги, скифские боги! (Сергей Крупняков, Крылья Киприды).

ВЕСЕННЯЯ

Руки пахнут так вкусно смородиной, Естественном всем тот запах
ловлю, О, земля, о, весенняя Родина, Я тебя каждой клеткой люблю
(Елена Коробова, Весенняя Родина).

ВЕЧНАЯ

Президент Путин напомнил, что Россия – наша вечная Родина
(Алексей Журавлёв, @).

ВЕЧНО ЖЕНСТВЕННАЯ

Словно над глубями зеркала Ты из гранита возник, В зыби стре-
мительной Мэлара Своей разбивая двойник, Сын вечно женственной
родины, Весь ты в любимую мать (В. Я. Брюсов, Стокгольм).

ВЕЧНО ЖИВАЯ. См. чуждая жизни.

ВЕЩАЯ

Ты спросить меня мог бы и резче... Но иду я от родины вещей:
От «крылатого рода могучих, Созидающих души и вещи»! И привет
оскорблённому роду – От готовящих солнце к восходу, От великого
рода свободных, Созидающих землю и воду! От «строителей звезд и
жемчужин», С кем покой закоснелый недружен.. (А. Е. Адалис, «Ты
спросить меня мог бы и резче...»).

ВЗРОСЛАЯ

Другую ленту такого, экспериментально-метафизического, рода
Тарковский хотел посвятить своему деревенскому дому в Рязан-
ской области, который он самоощущал как свою взрослую родину
(Н. Ф. Болдырев, Три этюда о Тарковском).

ВИНОВАТАЯ, –а

○ Виновата. – Не родина виновата – я сам вина всех бед своих
(Н. Н. Алексеев, Заморский выходец).

ВЛАДЫЧНАЯ

Есть люди-звери – от крота до льва – Жильцы земли, воители зем-
ного: От слепоты до солнечного зова В них родина владычная жива
(Ю. Н. Верховский, «Есть люди-звери – от крота до льва...»).

ВНЕШНЯЯ

Все оставили нас. Даже сами себя оставили, / мы лишаемся ро-
дины внешней. В доме умалишенных / больная говорит: я здорова,
я здесь по ошибке, / но слова, эти зерна от почвы кромешной, / непо-
слушны, негибки, / а разумный язык не дарован (В. Б. Кривулин, «Все
оставили нас. Даже сами себя оставляя...»).

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ

Мы молим Бога о счастье нашей возлюбленной родины и да сохраним её надолго от испытаний. Молим, да сохранит ей еще на долгие годы нашего обожаемого государя-освободителя (А. Г. Достоевская, Воспоминания).

ВОЛЕВАЯ

Нет на свете края, Как страна родная, Всех сильней мы любим в мире отчие края. Ты стоишь высоко, Ты видна далёко, Волевая, Боевая Родина моя! (А. А. Прокофьев, «Нет на свете края...»).

ВОЛЬНАЯ

Нет луга, нет леса, нет речки, нет неба – О, вольная Родина-мать! Нет чёрного – самого сладкого – хлеба. (Как смели мы чуда не знать!) (Игорь Григорьев, Стезя).

ВРАЖДЕБНАЯ

Ты помнишь край! Из родины враждебной С тобой вдвоем вступили мы В дремучий лес, сиявший и волшебный, Где звали призраки из жуткой полутьмы (С. М. Соловьёв, «Ты помнишь край! Из родины враждебной...» / Октябрь).

ВРАЧУЮЩАЯ

Наконец-то твой блудный сын вернулся домой, и тоску-хандру как рукой сняла врачующая родина моя (А. Б.).

ВРЕМЕННАЯ

Есть временная родина – земная, а есть Отечество – оно на небесах (А. Б.).

ВСЕЛЕНСКАЯ

Знакомые секунды ожидания – и вот, оторвавшись от земли, аппарат стал набирать высоту. Пьер Шаргон долго, со смутным чувством смотрел на уплывавшую степь. Словно часть вселенской родины, которую ощутил он в это утро, стоя на кургане и следя за полётом степного орла, оставлял навсегда он теперь. И работа мотора, карта и

стрелки приборов привычно сменили в нем это чувство (В. Г. Лидин, Волхвы).

ВСЕМИРНАЯ

С насмешкой шаловливою она меня спросила: «Ты страстно любишь родину, но в ней какая сила? Зачем ты в «Пошехонии» замкнулся, как улитка? Ищи «всемирной родины», как я, космополитка (Л. Н. Трефолов, Космополитка).

ВСЕСИЛЬНАЯ

Правый берег – маньчжурский. Хотя победителями всегда были маньчжуры и всегда китайцев били, но китайцы шли и шли, и теперь культуру маньчжур бесповоротно сменила китайская стойкая, всё выносящая культура. Последние вольности маньчжуров отбираются одна за другой, и некогда всеильная родина последней династии, теперь она только ничтожная провинция в сравнении с остальным громадным Китаем (Н. Г. Гарин-Михайловский, По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову).

ВТОРАЯ

Коктебель для всех, кто в нём жил, – вторая родина, для многих – место рождения духа (М. И. Цветаева, История одного посвящения).

Г

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ

Вспомним, как английские пуритане, покинув родину, сумели при-
вить свой пуританизм новой родине – Америке. Вспомним, наконец,
целый народ-эмигрант, народ еврейский, народ, который лишился
своей почвы, своей географической родины, но не оскудел духовно.
И этот народ, во время молитвы, буквально «стоял лицом» к Иеруса-
лиму («Новый корабль», № 4, 1928).

ГЕРОИЧЕСКАЯ

– Капитан Танасио Петрович, – отчеканивая каждое слово,
произнёс веско и значительно молодой офицер: – я в неоплатном
долгу перед родиной и моим королём... И если мне суждено по-
гибнуть – я сделаю это, славя мою героическую маленькую роди-
ну со счастливой улыбкой на устах! (Л. А. Чарская, Игорь и Ми-
лица / Соколята).

ГИБНУЩАЯ

Как Ваш Командующий и как один из сынов несчастной, истерзан-
ной и опозоренной России, земно кланяюсь Вам, герои Кавказской
Добровольческой армии, – и твёрдо верю, что доблестью Вашей гиб-
нущая Родина будет спасена (П. Н. Врангель, Записки).

ГЛУБОКАЯ

Вспоминанья разберу: / когда-то жили мы в бору / не то дождём,
не то смолой, / брусничным запахом, золой... И потому мне ближе
слов / язык ветвей, язык стволов, / да из земли, где корни их, / глибо-
кой родины язык (О. А. Седакова, «Опять под листьями лесов...»).

ГЛУПАЯ, –а

○ Глупа. Пусть Родина глупа, порочна и слаба, Пусть вороны клю-
ют её большую печень... И пусть моя любовь наивна и слепа – Я вижу,
как внутри несчастной плачут свечи!.. (Андрей Скоринкин, «Пусть
Родина глупа, порочна и слаба...»).

ГОЛОДНАЯ

В России любили и любят обездоленных, сырых, арестантиков,
пленных, бродяжих людей, не даёт голодная, измученная родина моя
пропасть и военнопленным, последний кусок им отдаст. Вот ещё бы
научиться ей, Родине-то моей, и народу, её населяющему, себя жалеть
и любить (Виктор Астафьев, Весёлый солдат).

ГОЛУБАЯ

Голубая родина Фирдуси, Ты не можешь, памятью простыв, Поза-
быть о ласковом уресе И глазах, задумчиво простых, Голубая родина
Фирдуси (С. А. Есенин, «Голубая родина Фирдуси...» / Персидские
мотивы).

ГОЛУБУШКА-РОДИНА

■ Настойчиво встает перед глазами страшная картина: моя отчая
белорусская земля, голубушка-родина, вновь под сапогами врага, под
чёрными гусеницами танков, – кошмарный сон накануне президент-
ских выборов, назначенных на 9 августа 2020 года (Наталья Совет-
ная, Из дневника).

ГОНИМАЯ

Теперь, когда поругано имя Государево, когда наглые, жадные,
грязные святотатственные руки роются в дневниках Государя, чита-
ют про Его интимные, семейные переживания, и наглый хам покрови-
тельственно похлопывает Его по плечу и аттестует как пустого моло-
дого человека, влюблённого в свою невесту, как хорошего семьянина,
но не государственного деятеля, быть может, будет уместно и своев-
ременно сказать, чем Он был для тех, кто умирал за Него. Для тех мил-
лионов «неизвестных солдат», что погибали в боях, для тех простых
русских, что и по сей час живут в гонимой, истерзанной Родине нашей
(П. Н. Краснов, Тихие подвижники).

ГОРЕМАЯТНАЯ

Горемаятная родина, Горемаятные мы: На пустых холмах – боло-
тина, На болотине – холмы (Игорь Григорьев, «Горемаятная роди-
на...»).

ГОРЕМЫЧНАЯ

О, моя родина горемычная, мать моя униженная! Припадаю к ранам твоим, к горящему лбу, к запекшимся устам, к сердцу, надрывающемуся от обиды и горечи, к глазам твоим иссечённым (А. М. Ремизов, Взвихренная Русь).

ГОРЕСТНАЯ

Я живу больно, грустно и горестно: мучаюсь бедами нашей горестной родины – России... (Игорь Григорьев, Из писем).

ГОРДАЯ

Я долги тебе, гордая Родина, выплатил полностью. Кто был прав, кто неправ – этот спор пусть рассудят века (Наталья Ломаченкова, Переиграть время).

ГОРНАЯ

– Брандой, одумайся, мы когда-то были друзьями!.. / Однако алтаец не слушал. Он уже вызывал своего горного бога, слегка притопывал, приплясывал, нащупывая сокровенные ритмы Евразии, в центре которой находилась его мистическая горная Родина (Александр Проханов, Последний солдат империи).

ГОРНЯЯ

Не опасаясь ни лишений, Ни утомленья, ни тоски, Они дорогой приключений Идут, в лохмотьях, но дерзки. <... > Гнутят! Над резкою гитарой Блуждает вольная рука. В их странных песнях ропот ярый, По горней родине тоска; В глазах то плачет, то смеется Любовь, наскучившая нам, К тому, что вечно остается, К давно почившим и к богам (Ф. К. Сологуб, Гротески).

ГОРОДСКАЯ

Наша малая городская родина – улицы, переулки, скверы, старые ленинградские дома с их проходными дворами, набережные и Заячий остров Петропавловской крепости. Небогато! (Николай Сотников, Деревенская тема в творчестве молодых ленинградских поэтов / Молодой Ленинград-76).

ГОРЬКАЯ

– Что ж ты молчишь из года в год? Сказать, как видно, нечего? – О нет, меня тоска гнетёт От горя человеческого. Во мне живого места нет, И все дороги пройдены, И я молчу десятки лет Молчаньем горькой родины (М. С. Петровых, «Что ж ты молчишь из года в год?...»).

Весь ласковый мир до зари от заката Поёт, не давая заснуть. И родина, Если б не вдовая хата, Была бы не горькой. Ничуть (Игорь Григорьев, Июнь).

ГОРЬКОПОЛЫННАЯ. См. светлоосенняя родина.

ГОРЮЧАЯ. См. слёзная родина.

ГОРЯЧО ЛЮБИМАЯ

Я поздравил храбрых сотрудников наших с праздником Рождества Христова и наступающим новым годом и сказал, что вся петроградская адвокатская громада, как один человек, горячо благодарит их за верную усердную службу. Я счастлив, что мне выпала честь пожелать им лично и сил и здоровья для беззаветной их службы на кровавом поле брани, где решается судьба нашей общей, горячо любимой родины (Н. П. Карабчевский, Что глаза мои видели / Революция и Россия).

ГОСТЕПРИИМНАЯ

Гостеприимная родина встретила Пятраса стендом «Их разыскивает милиция» с чуть поблекшей на солнце его фотографией (Сергей Радченко, Глазами волка).

ГРОЗНАЯ

Наверняка столь изощрённый садизм является ответной реакцией головного мозга на постоянное нахождение в экстремальной ситуации, когда любой неверный шаг чреват разоблачением и последующим принудительным возвращением на далёкую грозную родину, которая, как известно, не склонна гладить по головке своих проштрафившихся сыновей (Владимир Тучков, Русская книга военных).

ГРОЗНО-ДЕРЖАВНАЯ

О моя родина грозно-державная, Сердцу святая отчизна любимая!
Наше отечество, Русь православная, Наша страна дорогая, родимая!
Как широко ты, родная, раскинулась. Как хороша твоя даль непро-
глядная! Грозно во все концы мира раздвинулась Мощь твоя, русско-
му сердцу отрадная! (Н. А. Добролюбов, Родина великая).

ГРУБАЯ

Ни великая культура древнего Рима и его провинций с великолеп-
ными виллами, ни весёлая жизнь южноязычников – ничто не может
заменить ему бедных широких степей и тёплых изб грубой родины...
(И. Е. Репин, Далёкое близкое).

ГРУСТНАЯ

А он блистал, как сын природы, Играя взглядом и умом, Блистал,
как летом блещут воды, Как месяц блещет над холмом! И сны Венеции
прекрасной, И грустной родины привет Всё отражалось в слове яс-
ном И поражало высший свет (Н. М. Рубцов, Приезд Тютчева).

ГРЯДУЩАЯ

...Это смешно, это невероятно, но вот из этих швейцаров, пекарей,
продавцов газет, из всех этих сумевших кусаться, царапаться, но не
сдаваться, вырастает грядущая родина (С. Ю Рыбас, Генерал Куте-
пов).

ДАЛЁКАЯ

Случается, в стране чужой Среди людей сидишь, как свой, Не важ-
но – ты или другой, Сидишь до слёз им дорогой За то, что ты – не
просто ты, – Есть люди лучше и умней, – За то, что есть в тебе черты
Далёкой родины твоей! (К. М. Симонов, Любовь).

ДАЛЬНЯЯ

Небо глядит величаво, бесстрастно, Дикой сияет земля красотой...
Прелести нет в ней знакомой, родной, – Смотришь, дивишься – а
сердце безгласно! Тихо, так тихо, что робость берет: С родины даль-
ней ни вздоха, ни звука... (П. Ф. Якубович, «Здесь наконец ты, род-
ная, – со мной!..»).

ДЕРЕВЕНСКАЯ

Моя деревенская родина находится в двадцати верстах от район-
ного центра Серебряные Пруды на самом юге Московской области
(Андрей Рубанов, Йод).

ДЕРЕВНЯ-РОДИНА

С каждой новой свадьбой, на которой невеста или жених были высва-
таны в чужом, Мошенском, районе, в деревенский топонимический
словарь начинало вживаться незнакомое, странное и тёмное, слово: то
Овинец, то Полобжа, то ещё какое-нибудь, – название деревни-родины
нового нашего жителя (Алексей Иванов, За рекой, за речкой).

ДЕРЕВЯННАЯ

К середине жизни остался Алёша совсем без ничего. Где-то есть
деревянная родина с заброшенными могилами бабушки с дедушкой и
отца, которым уже ни от кого не услышать наследный шепоток – все
разъехались (Валентин Распутин, Новая профессия).

ДЕТСКАЯ

Но вот недавно в одном доме дали мне понюхать чабер, которого
нет в северных лесах, и вдруг с необычайной силой и с болью встала

передо мной моя настоящая детская родина, и тут я понял, <...> что радость моя в лесах происходит от боли расставания с первоначальными степями, что в лесах тайно для себя я жил чувством своей первой родины, оставался верным ей, неизменным всю жизнь и что самое главное понял я, что родина моя хороша! (М. М. Пришвин, Дневники)

ДИВНАЯ

Обычай родины дивной, Как холод ваш прям и суров! Как давит и пахнет чужбиной / и гонит родительский кров! (О. А. Седакова, «Обычай родины дивной...»).

ДИКАЯ

Без киргиза эти солончаковатые, никуда не годные степи пропали бы для человечества, тогда как киргиз разводит там миллионы скота и не только всю жизнь свою там проводит, но и любит всей душой свою дикую голодную родину (Н. Г. Гарин-Михайловский, По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову).

ДОБЛЕСТНАЯ

Уже давно замечала наша доблестная, святая родина недостойные по отношению к ней поступки её ближайших соседей – немцев (Л. А. Чарская, Игорь и Милица / Соколята).

ДОБРАЯ

Моя родина добрая, Свет вечерний погас. Плачет речка унылая В этот сумрачный час. Огоньки запоздалые К сердцу тихому льнут. Детки малые [...] Всё никак не уснут (Н. М. Рубцов, «Моя родина милая...» / вариант).

ДОИСТОРИЧЕСКАЯ

Рай – это доисторическая родина человека, ад – историческая (Б. Ю. Крутиер, Как прекрасен этот миф!).

ДОРОГАЯ, –а

Мне жаль Италии, меня страшит наша милая и дорогая родина, где

все теперь так грустно, где так тяжело и жутко жить в наше ужасное время (П. И. Чайковский, Письма Н. Ф. фон Мекк).

ДРАГАЯ. О, сколь он для тебя, кагульской брег, поносен! И славен родине драгой! (А. С. Пушкин, Воспоминания в Царском Селе).

ДРЕВНЯЯ

С лёгким вздохом тихим шагом Через сумрак смутных дней По равнинам и оврагам Древней родины моей, По её цветным лесам, По неспаханым полям, По шуршащим очеретам, По ручьям и болотам, Каждый вечер ходит кто-то Утомлённый и больной, В голубых глазах дремота Греет вещей теплотой (Н. Д. Бурлюк, «С лёгким вздохом...»).

ДРЕМУЧАЯ

Я люблю направлять наши мысленные Лебединые вольные взлёты В неисхоженные, неисчисленные Чернолесья, урманы, болота: Тишь ли это, веками намоленная, Дух костров ли, и чистый, и едкий – Только видятся срубы просмоленные, Где спасались великие предки; Где, скитаясь дремучею родиною, По сузemiщам крепь засеяв, Снеговая, босая, юродивая, Тихо строилась Русь лесовая (Д. Л. Андреев, «Я люблю направлять наши мысленные...»).

ДРУЖНАЯ См. трудолюбивая родина.

ДУХОВНАЯ

Нева исчезла и заря потухла, перевел я этот сон на явь: да так оно и есть, пусть дома, памятники и деревья стоят на своих местах, – ты ли это, Петроград, моя духовная родина, эта ли Россия, по которой каждую весну уходил я странствовать, создавая себе миры в беспредельном пространстве севера и юга: поедешь на север до льдов – не добьёшься конца, на юг, на восток – где тут измерить-исходить правильно всё по аршину (М. М. Пришвин, Дневники, 1918).

ДУХОВНО БОЛЬНАЯ, –а

○ Духовно больна. Отчего это так случилось, что наша интеллигенция усвоила себе с такою лёгкостью именно догматы просветитель-

ства? Для этого может быть указано много исторических причин, но в известной степени отбор этот был и свободным делом самой интеллигенции, за которое она постольку и ответственна перед родиной и историей. Во всяком случае, благодаря этому разрывается связь времён в русском просвещении, и этим разрывом духовно больна наша родина (С. Н. Булгаков, Героизм и подвижничество).

ДУШЕВНАЯ

У Марии там были девичьи воспоминания, одинокие годы, милые дни прозревающей души, впервые боровшиеся за идею своей жизни. В оправе скудных волошинских полей лежала душевная родина Марии Кирпичниковой (А. П. Платонов, Эфирный тракт).

ЕДИНАЯ

Вот то место, / где стоял когда-то Сумрачный / и тягостный гранит, вот то место. / Огненная дата памяти / о нём не сохранит. И лишь ты, / моя Электриада, родина единая моя, словно / брызг ледяного водопада сохранишь / горящие края (Н. Н. Асеев, Электриада).

ЕДИНСТВЕННАЯ

Там в водополье веет влажный ветер, Болота превращаются в моря... Вот там и есть – милей всего на свете – Единственная родина моя! (Михаил Дудин, Мать).

ЕСЕНИНСКАЯ

Есенинская родина, родимые места, Щекочут нежностью любимые уста, Я неустанно радуюсь тогда, Как только попадаю вновь сюда (Алексей Ермишкин, «Есенинская родина, родимые места...»).

ЕСТЕСТВЕННАЯ

Зал и бал – естественная родина Гончаровой. Гончарова только в эти часы была. Гончарова не кокетничать хотела, а быть (М. И. Цветаева, Наталья Гончарова).

Ж

ЖЕЛАННАЯ

Зеленел Байкал сердитый, Клокотал гремучий вал; По бокам висели грозно Цепи гор и кручи скал. Утопая в вихрях снежных, Тройка мчала день и ночь... Вдаль от Родины желанной И от счастья с милой прочь! (П. Ф. Якубович, Кругом Байкала).

ЖЕЛЕЗНАЯ

И мне казалось: вновь вернулась Пора петровской старины, Стихия грозная проснулась Самозащиты и войны. Да, снова потом, снова кровью Должны служить до смерти ей Все обрученные любовью Железной Родине моей! (Г. В. Иванов, Павшим гвардейцам).

ЖЕЛТОБОРОДАЯ

Эта русская старина, Вся замшѐнная, как стена, Где водою сморена смородина, Где реке незабвенность дана, – Там корежит медведя она, Желтобородая родина, Там медведя корежит медведь (Б. П. Корнилов, На Керженце).

ЖЕНСТВЕННАЯ

Когда я смотрю на снежные шапки Крымских гор, то мне показывается вся наша обетованная женственная Родина, дороже и родней коей для нас нет ничего на свете (@).

ЖЕСТОКАЯ

Глаза, глаза, – я знаю вас. Ты, племя родины жестокой, – Пускай устало ты до срока, – Но этот взгляд родимых глаз. Смотрю, смотрю, – и нету дна. Что, – заглянула в преисподню? Иль в высь бездонную Господню Дорога стал мне видна? (Е. Ю. Кузьмина-Караваева, «Глаза, глаза, – я знаю вас...»).

ЖИВАЯ, –а

○ Жива. Разве знала я, что это будет, / что простую песенку мою / запоют измученные люди, / с горестной отрадой запоют...

Только что же? Если эти стены / заучили милые слова, / значит, нет ни горя, / ни измены, / значит, / наша Родина / жива! (О. Ф. Берггольц, О песне).

ЖИВОПИСНАЯ

Родной, незабываемый край! Моя тихая, живописная родина! Здесь я сделал свои первые шаги – в жизнь, в литературу, к людям (Михась Поздняков, Родной деревне поклонюсь).

ЖУРАВЛИНАЯ

Вот надо решить: печатать рассказы по мере их написания, или выждать, когда напишется книга «Журавлиная родина»? (М. М. Пришвин, Дневники, 1928).

З

ЗАБОТЛИВАЯ

Не солдату говорить про негу, / он привыкнет ко всему: к огню, / на дожде, на холоде ночлегу / и к неприхотливому меню. Щи пустые, / ячневая каша, / это тоже надо понимать – родина заботливая наша, / почему ты мачеха, / не мать? (Б. П. Корнилов, Самсон).

ЗАБЫТАЯ

Мы заезжаем в сборную, которая опять оказывается в избе всё того же старосты, отсутствующего по независящим обстоятельствам. Курная изба, ещё хуже дубровских и малиновских, хотя и здесь видна робкая попытка – вымазать стены глиной... Старая привычка забытой родины! Бабы руки старательно мажут и чистят, а дым чернит и покрывает потолок и верхушки стен налётом сажи, которая висит, точно чёрный иней... (В. Г. Короленко, В голодный год).

ЗАГАДОЧНАЯ

□ Я хочу себе представить, как осенью 1868 г. из окон своей виллы в Баден-Бадене сквозь частую сетку дождя, в ещё не разошедшемся утреннем тумане, Тургенев увидел два пятна случайных пешеходов и как, увидев их, он почувствовал смутную тревогу, – а следом, сами собой и уже не из тумана, а из забытья выплыли к нему два таких же только давних пятна на размытом черноземе, – выплыли милые, зовущие, упрекающие, такие же фантастически-притягательные, как и вся его, отсюда еще более близкая и еще более загадочная, родина (И. Ф. Анненский, Вторая книга отражений).

ЗАКОННАЯ

Беззащитность – значит, ничтожность. Это дарует сознанием своего дарового преимущества. Любой подонок, любая мразь, ни в чем не преуспевшая, любой обсерватор жизни рядом с евреем чувствует себя гордо. Он король, орёл, умница и красавец. Он исходит соком превосходства. Последний из последних среди своих, и вдруг без всякого старания, на которое он и не способен, некая подъемная сила возносит его ввысь. Эта подъемная сила идет от беззащитно-

сти евреев, пасынков его законной родины (Юрий Нагибин, Тьма в конце туннеля).

ЗАМАНЧИВАЯ

Мама моя помнила дореволюционную и даже революционную Россию – она родилась в семье офицера русской армии и вспоминала своё раннее детство как далёкий детский розовый сон-мираж. Её воспоминания о «русском детстве» тоже были овеяны романтикой. Из этих её рассказов, а также из книг, учебников и советских кинофильмов мы, дети, и построили для себя образ неизвестной и заманчивой родины – СССР (Екатерина Кузнецова, Как я открывала Советский Союз).

ЗАПРЕТНАЯ

Вскоре хутор на Геранее принял Кекропа с Метионой: началась для них живая, трудовая жизнь. Но ещё некто поселился с ними. И когда они, после дневного труда, отдыхали под тенью тополя в своём нагорном саду и их взоры гуляли по холмам дорогой, запретной родины – в листве тополя раздавалась неумолчная, то жалобная, то радостная песня соловья. И задумчивое лицо Кекропа становилось ещё задумчивее (Ф. Ф. Зелинский, Иресиона).

ЗЕЛЁНАЯ

Это он О родине зелёной Находил любовные слова, – Как начало пламенного льва. Злом сопровождаемый И сплетней – И дела и думы велики, – Неустанный, Двадцатидвухлетний, Пьёт вино И любит балыки. Пасынок романовской России (Б. П. Корнилов, Пушкин в Кишинёве).

ЗЕМНАЯ

О родина моя земная, Русь буреприимная! Ты прими поклон мой вечный, родимая, Свечу мою, бисер слов любви неподкупной, Как гора, необхватной, Свежительной и мягкой, Как хвойные омуты кедрового моря!.. (Н. А. Клюев, Поддонный псалом).

ЗЛАЯ

Безысходные возгласы слышишь И рыданий, и жалоб, и слёз. Те же

возгласы ветер доносит; Те же стаи несытых смертей Над откосами косами косят, Над откосами косят людей. Роковая страна, ледяная, Проклятая железной судьбой – Мать Россия, о родина злая, Кто же так подшутил над тобой? (Андрей Белый, Родина).

ЗЛОСЧАСТНАЯ

Русь любимая... Родина... злосчастливая!.. Прощай!.. Не судил Бог!.. (Ф. Е. Зарин-Несвицкий, Скопин-Шуйский).

ЗНАКОМАЯ

○ Не знакома. – Что ты? С кем ты, служивый?.. Что, аль родина не знакома?.. (Игорь Григорьев, Моё почтение).

ЗНОЙНАЯ

Из десятка порезов струйками вытекала кровь американца, обогреть одеяло его койки, образуя на полу каюты тёмную лужу. Негр принялся вполголоса напевать монотонную песню своей знойной родины, и время от времени снова наклонялся над Костером, чтобы нанести ему удар бритвой. Лицо Костера мало-помалу принимало цвет пепла (М. К. Первухин, Вторая жизнь Наполеона).

ЗОЛОТАЯ

«Золотое озеро» на Алтае, Горы гордо высятся над тайгой – Это родина моя золотая, Это моё самое дорогое! (Марианна Колосова, Дар Ульгеню).

ЗЯБКАЯ

Ты не будешь любовью пройдена, Как не будешь пройдена вширь, – Моя снежная, зябкая родина, Старушонка седая – Сибирь! Хоть совсем ты теперь не такая, Времена – что по ветру дым: Говорят, даже раньше тают И твои голубые льды (И. П. Уткин, Родина).

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ

Теперь я понимаю, почему Монти, сталкиваясь со мной на улице, хватается за пуговицу, так сказать, и начинает рассуждать о России. Может быть, Джон был не только атеистом, но еще и коммунистом, и посмертно стремился на свою идеологическую родину? (Зиновий Зиник, На безрыбье, или Принцип неопределенности).

ИЗВЕЧНАЯ

Извечная родина, ласковая колыбель лелеет усталого от пути Юрала; тихая мать нежит ноги его: мать земля зелёная. И к восходу или к закату, в страну ночи или в страну солнца поведёт его дорога – везде он желанный сын мудрой земли, везде он любимый брат зверям и лакам земным (Е. Ю. Кузьмина-Караваева, Юрала).

ИЗМУЧЕННАЯ

В отзывах английской прессы я часто слышу упрек в «жестоком» показе действительности. Некоторые критики говорили и вообще о «жестокости русских нравов». <...> А жестокость русских нравов едва ли превосходит жестокость нравов любой другой нации... И не более ли жестоки и бесчеловечны были те культурные нации, которые в 1918–1920 годах посылали свои войска на мою измученную родину и пытались вооружённой рукой навязать свою волю русскому народу?» (Михаил Шолохов, Английским читателям / Предисловие к англ. изданию «Тихого Дона»).

ИЗНАЧАЛЬНАЯ

Блок утверждал, что душой поэта правят Судьба, Воля и Единая Звезда – некая точка притяжения всех пробудившихся душевных сил, некая вечная, неизменная сущность, влекущая к себе, как земля обетованная: в конце пути, исполненного падений, противоречий, горестных восторгов и ненужной тоски, расстилается одна вечная и бескрайняя равнина – изначальная родина, может быть, сама Россия (@).

ИЗУРОДОВАННАЯ

Не за харчи, не от обид, В общаге старой – не в обители, Я стала Родину любить, Когда вокруг возненавидели. До преисподней всей земли Расколота перебранками, Она лежит – и ковыли Тускнеют над её останками. Дрожа предчувствием осин, Чернея ягодой-смородиной, Мне до кончины голосить Над изуродованной Родиной. То причитая, то без слов По-бабьи отпевать запретную Мою горячую любовь – И позднюю, и безответную... (Татьяна Шорохова, Христианка).

ИСКОННАЯ

И как бы далека ни была эта наша исконная родина, этот исконный метафизический приют нашей личности от чуждого нам предметного мира внешней реальности, оба они, в качестве бытия вообще, очевидно имеют некий общий корень, некое скрытое от нас первоединство (С. Л. Франк, Непостижимое).

ИСКОНИ ПРАВОСЛАВНАЯ

□ – Стой! – раздаётся окрик отца! – Стой! Когда ты, нег-годяй, будешь есть собственный кусок хлеба, быть может, заработанный предательством несчастной твоей православной родины, – несчастной, но православной, – искони православной... Ну, тогда ты можешь жрать, как тебе будет угодно! А покуда ты жрешь не тобою заработанный кусок хлеба, – ты должен помнить, что твой отец не христородавец и не проклятый социалист, а искренно верующий и чтущий отеческие предания человек... (М. К. Первухин, Костоедовщина).

ИСТЕРЗАННАЯ

Револьвер и бомба могут уже быть оставлены там, за порогом этой новой жизни, как мрачное наследие мрачного бесправия, как мрачное орудие защиты от дикого произвола и насилия властных и сильных над бесправными и слабыми? Кончилось всё это? Истерзанная родина не требует уже больше жертв? Кроткие и любящие не вынуждены уже будут брать в руки кровавый меч?.. (Г. А. Гершуни, Из недавнего прошлого).

ИСТИННАЯ

Не пора ли всем нам понять, что нет единства нации, что каждая

деревня дышит своим воздухом и что истинная родина человека есть человечество! (А. К. Виноградов, Повесть о братьях Тургеневых).

ИСТОРИЧЕСКАЯ

Из-за соседнего столика, услышав нашу русскую речь, с нами заговорил греческий рабочий. Это был грек из России, вернувшийся на свою историческую родину. Нельзя было сказать, что историческая родина сделала его счастливым. Одет он был бедно, выглядел печально (Фазиль Искандер, Курортная идиллия).

ИССТРАДАВШАЯ

Я всхожу на эту эстраду с недоверием к себе, но я должен принять ваш приговор, ибо я вошёл сюда, на эту эстраду, с другой верой, верой в светлую будущность великой и нераздельной России. С непоколебимой верой в её Думу, с верой в вас, господа. Я верю, нет, я знаю наверно, вы все пришли сюда, чтобы исповедать ваш долг пред государством. Вы пришли сюда, чтобы, умиротворив Россию, покончить вражду и злобу партийную. Вы пришли сюда, чтобы уврачевать язвы исстрадавшей Родины, осуществляя на деле державную волю царя, зовущего к себе избранных от народа людей, чтобы осуществить тяжёлую и ответственную государственную работу на почве законодательного государственного строительства (В. Ф. Джунковский, Воспоминания).

К

КОРМИЛИЦА-РОДИНА

■ Кормилица-Родина наша, Источник целебной воды, Надеждой наполнила чашу.

– Я верю, не будет беды (Алла Колтакова, Кормилица-Родина наша ... »).

КРАСИВАЯ

● Краше нет. Везде, куда отважные Заходят моряки, Им снятся наши гавани, Родные маяки. Путями океанскими Прошли мы целый свет, Но краше нашей Родины Нигде на свете нет (А. А. Жаров, Ходили мы походами).

КРАСНОРЯБИНОВАЯ. См. светлоосенняя родина.

КРЕЩЁНАЯ

Забудем наши муки, Уныния улов, – Опять Благие Руки Простерли Свой Покров. Над Родиной крещённой, Над холодом и тьмой, Ты вольный, ты прощенный Владычицей самой (Г. В. Иванов, Покров).

КРОВЬЮ ОБЛИТАЯ

□ Где вы, невинные, чистые, Смелые духом борцы, Родины звёзды лучистые, Доли народной певцы? Родина, кровью облитая, Ждёт вас, как светлого дня, Тьмою кромешной покрытая, Ждёт – не дожждётся огня (Н. А. Клюев, «Где вы, порывы кипучие...»).

КРОТКАЯ

Ой ты, Русь, моя родина кроткая, Лишь к тебе я любовь берегу. Весела твоя радость короткая С громкой песней весной на луку (С. А. Есенин, Русь).

КРЫЛАТАЯ

И глядя на друзей, взволнованных и влажных, Я вспомнил девушек в домах многоэтажных И женщин с этою озёрностью в глазах,

Всех женщин, взрощенных и вскормленных в лесах Отчизны, взвившейся на мир змеей стожалой, Крылатой родины, божественной, но шалой... (Игорь Северянин, Соблазны влаги).

КУДРЯВАЯ

У тебя есть хата на кудрявой родине, И в глазах лукавых у тебя смородина. Спелая смородина, чёрная, хмельная. Уходи с гулянки, голова шальная! (Я. З. Шведов, Чёрная смородина).

Л

ЛАСКОВАЯ

На заре рассветные озёра Голубого неба голубей. И летят в извечные просторы Голубые стаи голубей. Ласковая родина, Россия! Сердце беспокойно навек Голубые ливни оросили, Спеленали ленты синих рек (Владимир Фирсов, «На заре рассветные озёра...»).

ЛЕДЯНАЯ. См. несуразная Родина.

ЛЕРМОНТОВСКАЯ

Особенно близка Блоку лермонтовская Родина с её отрицанием официального патриотизма и провозглашением любви к скромной и бедной крестьянской России (@).

ЛЕСНАЯ

Пашни буры, межи зелены, Спит за елями закат, Камней мшистые расщелины Влагу вешнюю таят. Хороша лесная родина: Глушь да поймища кругом!.. Прослезилася смородина, Травный слушаю псалом (Н. А. Клюев, «Пашни буры, межи зелены...»).

ЛУННАЯ

Вспыхнут ли звёзды – я вспомню, что прежде блистали Эти же звёзды. А выйду случайно к парому, –Прежде – подумаю – эти же вёсла плескали... Будто о жизни и думать нельзя по-другому! Ты говоришь, говоришь, как на родине лунной Снег освещенный летел вороному под ноги, Как без оглядки, взволнованный, сильный и юный, В поле открытое мчался ты вниз по дороге! (Н. М. Рубцов, «Скачет ли свадьба...»).

ЛУЧШАЯ

Так, если душа революции – порыв к инобытию, демон Скрябина был, конечно, одним из тех огнеликих духов, чей астральный вихрь мимолетом рушит вековые устои, – и не даром знаменовался мятежным знаменем древнего Огненосца. Прибавим ещё показательную

черту: не одних скитальцев, взыскующих лучшей родины, бездомников своеначального почина, отщепенцев от старого духовного уклада, «отшельников и горных путников духа» звал за собою этот демон, но подымал своими заклинаниями всю громаду человечества, как возмущает ангел великого восстания народное море, взрывая вверх всё, что улеглось и отстоялось на дне, и в мрачную муть дикого волнения обращая спокойную прозрачность глубин (В. И. Иванов, Скрябин и дух революции).

ЛЮБИМАЯ

По ночам, прижавшись к изголовью, Вижу я, как сильного врага, Как чужая юность брызжет новью На мои поляны и луга. Но и всё же, новью той теснимый, Я могу прочувственно пропеть: Дайте мне на родине любимой, Всё любя, спокойно умереть! (С. А. Есенин, «Спит ковыль. Равнина дорогая...»).

М

МАЛАЯ

Не зря дореволюционный уезд считался самым дворянским – просвещённые люди притягивались в эти места благодатью Божьей. Григорьев же любил малую родину до самозабвения (Наталья Советная, «Домой вернуться никогда не поздно, всегда не рано»).

МАЛЕНЬКАЯ

Прихлопывали взрослые в ладони, В окне сияла кроткая весна, А в детском креслице сидел в углу малыш, Трёхлетний зритель, тихий и степенный, Пушились светлым пухом волоски... Шумят, поют – и столько новых дядей... Расплакаться иль звонко рассмеяться? Картинки детские пестрели на стене, Мы, взрослые, сидели на скамейке, И мысль одна в глазах перебегала: Здесь, за оградой, русский островок, Здесь маленькая родина живая... (Саша Чёрный, Дом в Монморанси).

МАТЕРЬ-РОДИНА

■ Но считал я также, что за геройское самоотвержение войск и мне подчинённых начальствующих лиц они должны получать должное воздаяние, дабы наша мать-родина знала, что её сыны сделали на пользу, славу и честь России (А. А. Брусилов, Воспоминания).

МАТУШКА РОДИНА

■ Собравшись здесь, мы после молитвы должны склониться над ранами нашей матушки родины (Священный Собор Православной Российской Церкви / 18 августа 1917 года).

МАТЬ РОДИНА

■ Весь изрубцован, всем народом чтим, / весь в надписях, навеки неизменных... Вот возглас гвардии, вот вздох её нетленный: «Мать Родина! Мы насмерть здесь стоим...» (О. Ф. Берггольц, В доме Павлова).

МЕСТНАЯ

Для России, быть может, будет нужно 30–40 букварей и 10–15 читальников, которые бы, начиная разное учить дитя читать, наблюдать

окружающее и знать далёкое, кончали бы одним и тем же, т. е. делали подрастающего сознательным гражданином России, знающим её и владеющим её литературным языком, органом общественной и нравственной её жизни, и в то же время давали ему возможность сознательно владеть всем материальным и нравственным богатством местной родины (П. Б. Струве, Общерусская культура и украинский партикуляризм).

МЁРТВАЯ

Не будь тебя, прочли бы внуки В истории: когда зажгёт Над Русью бунт костры из муки, Народ, как раб, на плаху лёг. И только ты, бездомный воин, Причастник русского стыда, Был мёртвой родины достоин В те недостойные года (И. И. Савин, «Не будь тебя, прочли бы внуки...»).

МИЛАЯ

Расплетались вы стружкой каждую, Оставляя в дугах разводины, И раскинулись тонкой пряжей На груди моей милой Родины (Вс. А. Рождественский, Реки русские).

МИЛАЯ-МИЛАЯ

Маленькую ласточку из жести / я носила на груди сама. Это было знаком доброй вести, / это означало: «Жду письма». Этот знак придумала блокада. Знали мы, что только самолёт, / только птица к нам, до Ленинграда, / с милой-милой родины дойдёт (О. Ф. Берггольц, Блокадная ласточка).

МИНУТНАЯ

В разноцветящем полумраке, В венке из чёрных лебедей Он всё равно б развеял знаки Минутной родины своей. И говорил: «Усыновлён я, Всё время ощущаю связь С звездой сияющей высоко И может быть, в последний раз (К. К. Вагинов, Ленинградская ночь).

МИСТИЧЕСКАЯ. См. горная Родина.

МНОГОНАЦИОНАЛЬНАЯ. См. трудолюбивая родина.

МНОГОСТАДАЛЬНАЯ

В заключение воззвание призывало «встать в ряды Российской рати... всех, кому дорога многострадальная Родина, чья душа истомилась к ней сыновней болью (А. И. Деникин, Очерки русской смуты).

МОГУЧАЯ

Уже славные, старинные, русские города Львов и Галич, исконные владения древнерусской Галицкой земли, томившиеся шестьсот лет под иноземным владычеством, были взяты нами, отняты у австрийцев и присоединены к Российской монархии. А за ними еще много других галицийских городов, селений и местечек отошли к нашей могучей родине (Л. А. Чарская, Игорь и Милица / Соколята).

МОРАЛЬНАЯ

Но если Кропоткин как будто достигает цели, то это только потому, что космос, этизирован, что мир уже как будто бы – космическая, анархофедералистическая республика. Каждый факт натурального порядка есть одновременно – глубоко секретно! – гимн взаимопомощи. Вот почему кропоткинизмом как будто бы чисто научно указывается происхождение, а на деле устанавливается моральная родина каждого простого биокосмического факта (И. С. Гроссман-Рошин, К критике основ учения П. А. Кропоткина).

МОРОЗНАЯ

Над нами, фрачными, корсетными, крахмальными, / ты запел песню родины. Ты из нас, фрачных, корсетных, / выманил воздух морозной родины (Е. Г. Гуро, Финская мелодия).

МОЩНАЯ

Мы живем, под собою не чуя страны... – эта мандельштамовская строка написана семьдесят восемь лет назад. Мы всё еще ищем национальную идею... мысль о том, что ею могла бы стать общая гордость за мощную родину, никогда не позволяющую себе делать различие между собственными гражданами, почему-то кажется нам слишком примитивной (Александр Анненский, «Под собою не чуя страны...»).

МУЖЕСТВЕННАЯ. См. сильная родина.

НАСТОЯЩАЯ

Я вспомнил тысячи безыменных людей, «плавающих и путешествующих», когорты авантюристов, проникающих в неисследованные места, безумцев, возлюбивших пустыню, детей труда, кладущих основание городам в чаще лесов. Их кости рассеяны за полярным кругом, и в знойных песках чёрного материка, и в дикой глубине океана. Вторая, настоящая родина торжественной силой любви влечёт одинаково искателя приключений и начальника экспедиции, командующего целым отрядом; ничто не останавливает их, только смерть. Своей смертью они умножают везде жизнь и трепет борьбы (А. С. Грин, Далёкий путь).

НАТУРАЛЬНАЯ

1 Июня 1926. Есть ли на свете другой народ, кроме нас русских, кто так удивляется, радуется и просто любит, да и любит! жизнь другого, чужого ему народа и при этом совершенно молчит о своём, или даже бранит. Я теперь только вполне понимаю, отчего это так: русский, восхищаясь другой страной, так выражает смертельную любовь к своей родине. Он восхищается устройством другой страны, представляя себе возможность безграничную для культуры своей натуральной родины. А то почему же, если приходится ему от первых восторгов чужим перейти к жизни и задержаться на чужбине, он изнывает в одиночестве, не имея ни вещей, ни слов, чтобы иностранцу выразить неопределенную любовь к своей родине: он с внешней стороны делается иностранцем, а внутри сгорает, тоскуя по родине (М. М. Пришвин, Дневники).

НЕБЕСНАЯ

Разве не пора каждому из нас каяться, каждому из нас понять, что он осиротелый, обездоленный в этом мире, если нет у него отчего дома, если Бог ему не Отец, если Церковь ему не мать, если нет у него родины небесной? (митрополит Антоний (Блум), В неделю о блудном сыне).

НЕБРИТАЯ. См. нехожена Родина.

НЕГОСТЕПРИИМНАЯ. См. чуждая родина.

НЕЖНО ЛЮБИМАЯ

В чужбину мне пишут друзья: «Не мечтай, Что родина нежно любимая – рай, Что в нашей лазури не бродит туман, Что сердце у нас не изныло от ран! ..» Так дружба мою утешает печаль. Но сердце всё рвется в заветную даль, Всё верит – там воздух струится иной, Там люди добрее и лучше душой... (П. Ф. Якубович, «В чужбину мне пишут друзья: “Не мечтай...”»).

НЕЗАБЫВАЕМАЯ

Незабываемая родина, спасибо, Что подарила неожиданно тебя! (Вероника Хомякова, Незабываемая встреча).

НЕЗДЕШНЯЯ

Слабость сильных – это откровенье О нездешней родине лучей Тихо сходят приглушая пенье Дети океанских трубачей Превращаясь в лёд Из года в год Каменное сердце Каменные звуки Стук молитв Скрежет словесных битв И всё хохочет И всё грохочет И всё погибнуть, погибнуть хочет (Б. Ю. Поплавский, «Слабость сильных – это откровенье...»).

НЕИЗВЕСТНАЯ

По понятиям тёмного массового русского крестьянина интеллигент – это всякий человек, пришедший, во-первых, со стороны (неизвестной родины), во-вторых, он не пашет (не занимается физическим трудом) – не сеет, ни веет, а живёт лучше (М. М. Пришвин, Дневники, 1918).

НЕИЗМЕННАЯ. См. одна-единственная родина.

НЕКАЗЁННАЯ

Дивный Дворец пионеров с его игротеками, кружками, хорами, киностудиями, зимним садом и стеклянным куполом над ним показался ему [Колюне] чудовищным призрачным местом, где детей ненавязчиво отучали от настоящей и неказённой родины, подзуживая её ненавидеть и презирать (Алексей Варламов, Купавна).

НЕКОЛЕБИМАЯ. См. просторная родина.

НЕКРАСОВСКАЯ

Николай Некрасов – с точки зрения связей с другими поэтами, с точки зрения происхождения некоторых мотивов его поэзии – абсолютный клад. Это поняли уже давно, и хотелось бы, чтобы вы, нынешние школьники, вышли из класса с пониманием некоторых некрасовских источников: откуда он их брал, почему он стал именно таким поэтом, а не другим. Вот про что я и буду говорить. И про важность его литературной родины, которой был, как ни странно, романтизм – несмотря на то, что он всю жизнь с ним боролся. Так что определить, где находится на литературной карте некрасовская родина, и попытаться показать и доказать всё с помощью текстов, к которым мы обратимся, это и есть моя сегодняшняя задача (Майя Кучерская, Готика Некрасова).

НЕЛАСКОВАЯ

Испанию на гражданскую войну и, наконец, отправившийся из неё в ни разу не выданный им, но заранее обожаемый Эс-эс-эс-эр доброволец Двенадцатой интернациональной бригады и личный адъютант генерала Лукача отсидел по приезду на неласковую историческую Родину пятнадцатилетний срок, пригласившие в расчёт не приняли (Алексей Варламов, Купавна).

НЕЛОВКАЯ. См. несуразная Родина.

НЕМАЯ

У него иной талант: Музыку он любит И, как скверный музыкант, Уши режет–губит. Поневоле загрустишь, Музыке внимая, Что ты плачешь и грустишь, Родина немая? (Л. Н. Трефолов, Музыкант).

НЕНАГЛЯДНАЯ

Родина ненаглядная, Злому врагу непонятная, К Богу в святые места Вовеки и навсегда Лети, Сбросив туфлю хрустальную... (Андрей Скоринкин, «Отечество! Святоруссия...»).

НЕОБЪЯТНАЯ

Пишу с дороги, поэтому ещё конца нет. Едем мы хо-рошо, но я по ошибке схватил купейный билет, но зато едем без горюшка. Едем по просторам нашей необъятной родины, смотрим в окно (Василий Шукшин, Печки-лавочки).

НЕОГЛЯДНАЯ

И чуть позже, в уже смятенную, растревоженную душу войдёт: да ведь там, внизу-то, не просто земля, а Россия, моя Россия! Да-да, та самая необъятная, неоглядная Родина моя, и впрямь единственная, и впрямь до боли, до стона близкая, что мать родная, устало спящая среди полей, лесов и гор, раскинувшая усталые, натруженные руки на травянистые холмы, положившая под щеку мягкую поросль леса (В. П. Астафьев, Дорога домой).

НЕПОВТОРИМАЯ

Для многих жителей Сибирского 4 ноября стал не просто выходным днем. Праздник, призванный объединять, принёс немало приятных впечатлений и позволил ещё раз почувствовать – у всех нас одна большая, неповторимая Родина, которая зовётся Россией. Это страна, которой мы можем и по праву должны гордиться! (Она такая одна, наша Родина! (@)).

НЕПОКОРНАЯ

Сколько верных сынов не вернулось, сколько вдов на земле и не счесть. И героев сердца встрепенулись, защищая Родины честь. Ведь аршином её не измерить, и Россию умом не понять, И тебя не дадим мы в обиду, Россия, Непокорная Родина-мать! (Юлия Лебедева, Моя Россия).

НЕПОНЯТНАЯ

Мы идём. И рука в руке, И шумит молодая смородина. Мы на Керженце, на реке, Где моя непонятная родина, Где растут вековые леса, Где гуляют и лось и лиса И на каждой лесной версте, У любого кержачьего скита Русь, распятая на кресте, На старинном, На медном прибита (Б. П. Корнилов, На Керженце).

НЕПРИСТУПНАЯ

Неприступная, гордая Родина – Продавай за здорово живёшь! Налетайте на цапки заморские, Бездарь в очередь за стервецом! Вот и носятся страшным «Оскарком», Извиняюсь, как кура с яйцом (Александр Хрящевский, Иду на Вы).

НЕРАЗДЕЛЬНАЯ

И не повесит головы в унынии русский богатырь, какие бы испытания ни пришлось ему переживать. Всё вынесут его могучие плечи, отразив врага, вновь засияет миром, счастьем и довольством единая, нераздельная родина во всем блеске своего несокрушимого величия (М. В. Родзянко, Из речи в Государственной думе, 1914 г.).

НЕРЕЧИСТАЯ

Ни злом, ни добром не обойдена, Привыкшая смирно стоять, Моя неречистая родина, Неровная гладь-неоглядь (Игорь Григорьев, Тихая родина).

НЕСКАЗАННАЯ. См. родина-девушка.

НЕСОКРУШИМАЯ

Наша могучая, несокрушимая родина превратит в тлей и прах каждого, кто посягнёт на её целостность и независимость («Правда», 31 января 1937 г.).

НЕСУРАЗНАЯ

Каждый год тридцать первого декабря меня тянет назад, в Совдепию. К её душещипательным гармошкам и влажным клубничным грядкам. К соевым конфетам, вареным картофелинам, плавленным сыркам, к свежевыглаженным пионерским галстукам, к сливочным пломбирам, к хрустящим лентам катушечных магнитофонов, к портретам улыбающихся ясноглазых космонавтов, к чёрно-белым телесериалам про бесстрашных разведчиков, к песенкам про Байкало-Амурскую магистраль. К промасленным шоферским телогреечкам, к крепленому винишку, к зачитанным до дыр журналам из колхозной библиотеки. К сырым солдатским портянкам, потертым прикладам

караульных карабинов и дембельским альбомам. К ощущению гордости за свою огромную, несуразную, ледяную, неловкую, перекошенную, хмельную, страшную и великую Родину (Андрей Рубанов, Сажайте, и вырастет).

НЕСЧАСТЛИВАЯ

«О, моя несчастливая Родина» – заглавие сборника стихов В. Ю. Филиппева.

НЕСЧАСТНАЯ, –а

– Несчастливая родина наша... Я не отрицаю и нашей доли вины, – продолжал Горенский, обращаясь преимущественно к Глаше, которая слушала его с восторженным вниманием. – Народная дикость – исторический грех России, в котором мы повинны меньше, чем другие, однако повинны и мы, я этого не отрицаю (М. А. Алданов, Бегство).

НЕХОЖЕНАЯ

В один из дней Петр просто собрал свои вещи и, не дожидаясь расчёта, покинул бригаду. Добираясь на перекладных через всю необъятную, нехоженую, небритую Родину, молодой мужчина с радостью прислушивался к самому себе: чутьё подсказывало, что всё было сделано правильно, что где-то его ждут, только его одного, и нечего переписывать небесную вязь (Д. С. Филиппов, Галерная улица).

НЕЯРКАЯ

Стойбище осеннего тумана, Вотчина ночного соловья, Тихая царевна Несмеяна – Родина неяркая моя! Знаю, что не раз лихая сила У глухой околицы в лесу Ножичек сапожный заносила На твою нетленную красу! (Д. Б. Кедрин, Алёнушка).

НОВАЯ

Пускай не преданность, а верность / храни в себе кому-нибудь / и новой родины поверхность / под освещением косым / люби, куда б ни закатился, / и вспоминай её, как сын, / который с братьями простился (И. А. Бродский, «Уже три месяца подряд...»).

ОБЕДНЕВШАЯ

Обедневшая родина в редких случаях могла поощрять заказами их таланты; им приходилось большей частью искать применения вне Эллады при пышных дворах эллинизованных династов (Ф. Ф. Зелинский, История античной культуры).

ОБЕЗДОЛЕННАЯ

[Виктор Викторович:] Я не мыслю себя без советской республики. Я почти что согласен со всем, что в ней делается. Я хочу только маленькую добавочку. Я хочу, чтоб в дохе, да в степи, да на розвальнях, да под звон колокольный у светлой заутрени, заломив на затылок седого бобра, весь в цыганах, обнявшись с любимой собакой, мерить вёрсты своей обездоленной родины (Н. Р. Эрдман, Самоубийца).

ОБЕЗОБРАЖЕННАЯ. См окровавленная Родина.

ОБЕТОВАННАЯ. См. женственная Родина.

ОБИДЧИВАЯ

Уезжать из Советского Союза он [Петя] не хотел. Боялся. В газетах писали о страшных муках, коим ежедневно подвергались на западе «попавшие на удочку к сионистам бывшие советские граждане», о наивных простофилях, «поверивших лживым рассказам буржуазной пропаганды» и теперь обивающих пороги различных советских ведомств и посольств в надежде получить обратную визу, печатали интервью с теми немногими счастливыми, которым обидчивая родина все же разрешила приползти назад на коленях (Геннадий Леви, Забавная история).

ОБИЛЬНАЯ, –а

○ Обильна. Наша Родина велика и обильна (Г. А. Шереметьев, Старческие заветы).

ОБНОВАЁННАЯ

Скрепя сердце, застегнулся я на все пуговицы своей гимнастёрки и отдался враждебному дождю, однако не забывая по пути психоло-

гически наблюдать за народным движением Москвы, каковые наблюдения неизменно переполняют мою душу высокой радостью в размышлении: и куда мы только придём? Ибо, глубокоуважаемый Корней Аристархович, при всём сознании, что я даже мизинчиком не притронулся к созданию творчества нашей обновлённой родины, а даже, наоборот, одно время всячески мешал воздвигать твердыни оплота и был как бы вроде вампира, коего пауки заставляли сосать вместе с ними кровь крестьян и рабочих, ныне поднятых на верхушку Советской власти (А. М. Соболев, Мемуары веснушчатого человека).

ОБРЕЧЁННАЯ

О, моя родина обречённая, пошатнулась ты, неколебимая, и твоя багряница царская упала с плеч твоих (А. М. Ремизов, Взвихренная Русь).

ОБШИРНАЯ

В области политической «многомиллионное» крестьянство и «многочисленные» рабочие постановили не «предрешать вопрос о том, каково будет государственное устройство нашей обширной родины (А. Шилков, Ещё одна авантюра / «Вестник крестьянской России», № 2–3, 1925 г.).

ОБЩАЯ

– Я не могу сидеть здесь, сложа руки, когда там будут драться за честь нашей общей родины храбрые русские витязи-богатыри! (Л. А. Чарская, Игорь и Милица / Соколята).

ОБЩЕРУССКАЯ

Если бы вы были уверены, что Казачество и Россия составляют нечто единое и нераздельное, что Казачество есть частица России, не более как колокольня для общерусской родины, то не упоминали бы сами о любви к этой колокольне-казачеству, как о любви к чему то отдельному, т. к. большая любовь всегда покрывает меньшую («Вольное казачество», № 60, 1930 г.).

ОГРОМНАЯ

Δ Родина – огромная: весь мир, где понимают по-русски... (Григорий Горин, Иронические мемуары).

ОДНА-ЕДИНСТВЕННАЯ

Δ У нормального человека, настоящего гражданина любовь к родине постоянна и неизменна. Женщин может быть много, а родина одна-единственная (@).

ОКРОВАВЛЕННАЯ

Я не знаю подробностей его убийства, но, зная Гумилёва, – знаю, что, стоя у стены, он не подарил палачам даже взгляда смятения и страха. Мечтатель, романтик, патриот, суровый учитель, поэт... Хмурая тень его, негодуя, отлетела от обезображенной, окровавленной, страстно любимой им Родины... (А. Н. Толстой, Николай Гумилёв).

ОПЛЁВАННАЯ

Чудище, пожирающее нас, теперь живёт где-то близко от нас, и я видел вчера, в день призыва, как ворчливая, негодующая толпа оборвышей поглощалась им, и они, как заворожённые змеем, все шли, шли, валили, исчезая в воротах заплёванного, зассанного здания. А может быть, это весна? самая первая весна и грязь эта и оплёванная родина – всё это, как навоз и грязь, ранней весной выступающая всем напоказ? (М. М. Пришвин, Дневники, 1916).

ОПОЗОРЕННАЯ. См. безмерно поруганная родина.

ОПРЕДЕЛЁННАЯ

Эпоха отечественного Возрождения XVI – первой половины XVII в. является одним из важнейших этапов становления национального самосознания белорусского народа. Её важнейшими компонентами становятся идеи интеллектуального и нравственного совершенствования человека в контексте его принадлежности к христианской культуре, определённой родины, народа; общественного и религиозного мира и согласия; синтеза идеалов Востока и Запада; ценности

природы родного края, национальной духовной культуры и языка (Е. В. Еворовский, С. И. Санько, Белорусский Ренессанс).

ОСВОБОЖДЁННАЯ

Лев Матвеевич Коган-Бернштейн написал нам, своим товарищам: «Простимся заочно, дорогие друзья и товарищи, и пусть наше последнее прощание будет озарено надеждой на лучшее будущее нашей бедной, бедной, горячо любимой родины... Оставьте мёртвых мертвецам, – кто знает, может быть, вы доживете до той счастливой минуты, когда освобождённая родина вместе с вами отпразднует великий праздник свободы!.. Тогда, друзья, помяните добрым словом и нас... Что до меня, то я умру на том месте, на котором в наше время пристойно умирать честному человеку. Я умру с чистой совестью и с сознанием, что до конца оставался верен своему долгу и своим убеждениям... А может ли быть лучшая, более счастливая смерть?» (А. Я. Бруштейн, Дорога уходит в даль...).

ОСЕННЯЯ

Крик гусей над лугами, Над большими, большими, Большими логами... Для меня Вся осенняя родина в нём, В сердце моём... (Дмитрий Ковалёв, Крик гусей над лугами).

ОСЛЕПИТЕЛЬНАЯ

Дорогая! / Вся сырость трупоб и полёт дождевых облаков В гармонике ноют, от мёртвых дождей содрогаясь. О, только бы слышать твой голос! На улице дождь. Говори – Летят ли двенадцать ударов с Кремлёвских завьюженных башен? Меня в эту полночь чужие томят фонари. Мой тост передай ослепительной родине нашей (В. А. Луговской, На улице дождь).

ОСЛЕПЛЁННАЯ

Юноша занимается историей. Он думает вывести собственные оригинальные или проверить чужие исторические законы с тем, чтобы приложить их к судьбам родины и доказать с математической точностью и ясностью, что в настоящую минуту для родины нужно то-то и то-то. Нет, ослеплённая родина не хочет даже и слышать об

этих «то-то и то-то», она налагает печать молчания на уста юного историка, и он зарывается в архивы, отечественные, а может быть и иностранные, чтобы добывать там мелкие факты и фактики, упиваться этим познанием исторического сора и навсегда оторваться от «живой жизни»... (Н. К. Михайловский, Жестокий талант).

ОСОБЕННАЯ

Δ А родина у меня особенная: село знаменитое, у него потрясающая история (Владимир Плотников, Надо уметь держать удар).

ОСТРОВНАЯ

Выходцам из Кафтора судьба ещё раз улыбнулась: они правят равниной, где растёт виноград, маслина и пшеница; они опять выстроили большие города, и лодкам их иногда удаётся проскользнуть мимо ионийских пиратов даже до устья реки египетской; и, наряду с богами Ханаана, в Газе они чтут ещё старое божество островной своей родины: это Дагон, сын бога земли, которому поклонялись цари Керэта, и морской богини; у него голова быка и туловище, покрытое чешуей (Владимир Жаботинский, Самсон Назорей).

ОЧЕРЕДНАЯ

Что его расслабило? Договор с отцом? Мягкое обхождение ментов? Девушка? Или всё вместе взятое? Неужели он примирился с действительностью? Захотелось услышать совет старого вора, свалить ответственность на другого. Мысленное общение с ушедшим другом входило в привычку. Лицо сокамерника. Его умные с прищуром глаза. Участливая рука. Всё это мелькало на фоне ускользающей Грузии. Очередная родина провожала еврея в неизвестность. Там, за багряно-золотой чертой изобилия, его ждал «Египет» (Азриэль, Высшая мера наказания).

П

ПАТРИАРХАЛЬНАЯ

Так, один из замечательных атаманов Войска Донского сошёл со служебного поприща, на котором он проявил много опытов высокой честности и замечательной деятельности по всем отраслям управления обширным и своеобразным краем. Он был вполне попечительный начальник и решался даже на цивилизаторство патриархальной родины своей й (А. П. Чеботарёв, Записки / Предисловие).

ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ

Шли столетья. В тумане сиром Я рождался и отцветал На безмолвных снегах России, На финляндском граните скал. Только родины первоначальной Облик в сердце не выжечь мне Здесь, под дней перезвон печальный, В этой сумеречной стране (Д. Л. Андреев, «Ослепительным ветром мая...» / Древняя память).

ПЕРЕКОШЕННАЯ. См. несуразная Родина.

ПЕЧАЛЬНАЯ

Зачем вы отравили воду И с грязью мой смешали хлеб? Зачем последнюю свободу Вы превращаете в вертеп? За то, что я не издевалась Над горькой гибелью друзей? За то, что я верна осталась Печальной родине моей? (А. А. Ахматова, «Зачем вы отравили воду...»).

ПЛАВУЧАЯ

Начались многочисленные митинги в Новороссийской гавани. Трудно было понять морякам, глядя на ошвартованные серо-стальные гиганты – дредноуты «Воля» и «Свободная Россия», на покрытые военной славой быстроходные миноносцы, на сложные переплёты башен и мачт, громоздившихся над гаванью, над толпами народа, – трудно было представить, что это грозное достояние революции, плавающая родина моряков опустится на дно морское без единого выстрела, не сопротивляясь (А. Н. Толстой, Восемнадцатый год / Хождение по мукам).

ПЛАЧУЩАЯ

Как лестница к выси небесной, Как зарево родины плачущей, Качается столп нетелесный, Над гибнущей Русью маячущий. – О, Матере Звёздоченчанная! Прибежище в мире суровом! Одень нас одеждой туманною, Укрой нас пречистым покровом! (Д. Л. Андреев, Большой театр / Сказание о невидимом граде Китеже).

ПЛЕМЕННАЯ

И вот их духовная и племенная родина, их новое отечество оказывается для них злою мачехой: отнимает у них самое драгоценное право – право молиться Богу по обычаю их отцов и дедов!... (В. А. Гольцев, Внутреннее обозрение [май] / «Русская мысль», 1881).

ПЛЕНЁННАЯ

Приглашенный объятъем октября, Ольховый лист сгорает, не горя, – Без жара, без огня, покорно и темно... Душе, как родине пленённой, горевно (Игорь Григорьев, В плену).

ПЛЕННАЯ

Это, братцы, война не военная, Это, други, Господний наказ. Наша родина, горькая, пленная, Стонет, молит защиты у нас (З. Н. Гиппиус, Божий суд).

ПЛОСКАЯ. См. болотная родина.

ПЛОТСКАЯ

...И этот божественный страдалец, принявший на себя тысячелетние преступления своей плотской родины – Иудеи и преступления гордого, глубоко преступного и развратного Рима, – в решительный момент своей божественной на земле миссии – заговорил об истине, – избитый, оплеванный, оборванный, босой, с концами оборванных верёвок, которыми ему связывали руки, – этот удивительный человек, назвавший притом себя царём, и понятно, что когда тот, в руках которого было решение жизни и смерти его, с легкомыслием изверившегося во всякую истину человека, спросил: «Что такое истина?» – что оставалось ответить на этот праздный вопрос тому, кто шёл на

смерть за эту истину, как не взглянуть лишь на вопрошающего таким взглядом, какой вы встречаете на поражающем вас своею страшной реальностью лице замечательного полотна Н. Н. Ге? (Т. Л. Сухотина-Толстая, Друзья Ясной Поляны).

ПОГИБШАЯ

Он не может без гнева видеть Предателей, что не бежали за границу И, чтоб спасти какие-то лоскутья Погибшей родины, Пошли к большевикам на службу: «Тем хуже, что они предотвращали Убийства и спасали ценности культуры: Они им помешали себя ославить до конца, И жаль, что их самих ещё не расстреляли» (М. А. Волошин, Буржуй / Личины).

ПОВЕРЖЕННАЯ

О, моя родина поверженная, ты руки свои простираешь – Или тебя посетил гнев Божий – Бог послал на тебя меч свой? (А. М. Ремизов, Взвихренная Русь).

ПОКАРАННАЯ

О, родина моя обречённая, покаранная, жестокой милостью наделённая ради чистоты сердца твоего, поверженная лежишь ты на мураве зелёной, вижу тебя в гари пожаров под пулями, и косы твои по земле рассыпались (А. М. Ремизов, Взвихренная Русь).

ПОКИНУТАЯ

Ни сокровищ, ни богатств земных не унесли с собою из покинутой Родины утомлённые бойцы (Сергей Кречетов, Рыцари белой дамы).

ПОКОЙНАЯ. См. величаяя Родина.

ПОЛНАЯ ПОКОЯ

□ Чудный месяц горит над рекою, Над местами отроческих лет, И на родине, полной покоя, Широко разгорается свет... (Н. М. Рубцов, Тайна).

ПОЛУЗАБЫТАЯ. См. южная родина.

ПОРАБОЩЁННАЯ

[Инсаров] потому-то и хлопчет о свободе родины, что в этом видит свое личное спокойствие, счастье всей своей жизни; он бы оставил в покое порабощённую родину, если б только мог найти удовлетворение себе в чём-нибудь другом (Н. А. Добролюбов, Когда же придёт настоящий день?).

ПОРОЧНАЯ. См. глупая родина.

ПОСЛЕДНЯЯ

Опять изгой, опять опальный, / я отдаю остаток дней Бразилии провинциальной, / последней родине моей (В. Ф. Перелешин, Три родины).

ПРАВЕДНАЯ

Иран заявляет, что ублюдок Фазал является слугой Сатаны и к своей праведной родине не имеет никакого отношения. Потом все затихает, как будто и не было в мироздании такого персонажа, как Абул-фазл Фазал (Василий Аксенов, Негатив положительного героя).

ПРАВОСЛАВНАЯ

Это ты, моя Русь державная, Моя родина Православная! Широко ты, Русь, По лицу земли В красе царственной Развернулась! (И. С. Никитин, Русь).

ПРАЗДНИЧНАЯ

Каждому человеку дорог свой край, своя родная земля. Где бы ни жил человек, он душой будет стремиться к тому месту, где он родился. Наша праздничная родина богата талантами и прекрасными людьми (@).

ПРЕДВЕЧНАЯ

По берегам такая тишь, – Лишь женский лик средь низких окон, И ветер облачных волокон Над крутизной горбатых крыш. Небесный веер желтопёрый, Зари осенняя печаль, – Там родины предвечной даль, Там громки ангельские хоры (Е. Ю. Кузьмина-Караваева, «Рождающие пену узы...»).

ПРЕДЫДУЩАЯ

Руководители Пушкинского музея так долго не признавались, что золото Трои находится у них, что теперь, владея им на новых законных основаниях, вряд ли отправят часть своих экспонатов на их предыдущую родину (Ольга Кабанова, Вечные жертвы Второй мировой / Взгляд на перемещённые культурные ценности из мест их перемещения).

ПРЕЖНЯЯ

Гораздо вероятнее предположить, что герулы если посылали послов, то посылали не в Скандинавию, а на берега Чёрного моря, где была их прежняя родина и где оставалась ещё часть их племени с своим древним княжеским родом (Д. И. Иловайский, Начало Руси).

ПРЕКРАСНАЯ, –а

О, моя бедная, моя прекрасная родина! Скоро ли я вздохну твоим живительным, сладким воздухом? Милосердный Бог – моя нетленная надежда (Т. Г. Шевченко, Дневник).

ПРЕСВЯТАЯ

Впереди – закат, Позади – бор космат, Сверху – непогодина, Справа – ропот волн, Слева – лобный холм: Пресвятая родина! (Игорь Григорьев, Благословенный чёртвов путь).

ПРЕСТРАННАЯ

Старец из пустыни Сенаарской / в дом приходит царский: он и врач, / он и перекупщик самоцветов. Ум его устроив и разведав, / его шлют недоуменный плач / превратить во вздох благоуханный / о прекрасной, / о престранной / родине, сверкнувшей из прорех / жизни ненадежной, бесталанной, / как в лачуге подземельной смех (О. А. Седякова, Варлаам и Иоасаф).

ПРОДАННАЯ. См. разворованная родина.

ПРОКЛЯТАЯ

Плыву «из варягов» и, стало быть, «в греки» <...> По родине

проклятой, с вечною драмой, Всё мимо церковей да костёлов и храмов... (Валентина Поликанина, Отъезд).

ПРОСТАЯ

В рогах репейника кровавых К окраинам, наискосок В польных, в лебединых травах Передвигается возок. Но прежде чем, узду ослабив, В скитанья отпустить, страна, Простая родина, по-бабьи Остерегает пестуна (П. Н. Васильев, Христолюбские ситцы).

ПРОСТОРНАЯ

Родина моя просторная, терпеливая и безмолвная! Зашаталась русская земля – смутен час. Ты одна стоишь – на голове тернов венок, ты одна стоишь – неколебимая (А. М. Ремизов, Взвихренная Русь).

ПРЯМАЯ

Обломовка есть наша прямая родина, её владельцы – наши воспитатели, её триста Захаров всегда готовы к нашим услугам. В каждом из нас сидит значительная часть Обломова, и ещё рано писать нам надгробное слово... (Н. А. Добролюбов, Что такое обломовщина?).

ПУСТАЯ

○ Пуста. В отчий дом я воротился – Пуст он, родина пуста! Жизни блеск везде затмился, Всюду в мире пустота! Дикий, мрачный и бездомный, Вею тенью меж теней, – И на всей земле огромной Нет уж родины моей! (Е. Ф. Розен, Было время).

ПУШКИНСКАЯ

Скачут ленины и сталины В намалёванном гробу, И уродами представлены Люди, гнутые в скобу. Запад любит эти сладости, Для него они – халва, Русофоб визжит от радости, Что Россия такова, Что в гробу лежит уродина, И огромную деньгу Мечет пушкинская родина В русофобскую пургу!.. (Юнна Мориц, Не для печати / Супер-пупер).

Р

РАБОЧАЯ

Рабочая / родина родин – / трудом / непокорным / гуди! Мы здесь, / мы на страже, / и орден / привинчен / к миллионной груди (В. В. Маяковский, Добудь второй!).

РАДОСТНАЯ

– Прекрасная, радостная моя родина, и нет её лучше, – говорил пленник, устремив горящие глаза вдаль. – Тридцать три песчаных равнины раскинулись от края и до края между розовыми хребтами. Прославленный в скачках конь не сможет проскакать вокруг них. В высокой тучной траве рёвом идут дикие звери, проносятся антилопы семидесяти мастей, поют звонкоголосые птицы. В бирюзовом небе пролетают белые лебеди и гуси... Всем есть место в степях моей родины, нет только места моему бедному кочевью (Василий Ян, Чингиз-хан).

РАЗНООБРАЗНАЯ. См. богатая Родина.

РАЗВОРОВАННАЯ

Читала поэму брянского поэта Николая Мельникова «Русский Крест» и плакала. Не могла сдержать слёз. Слёз о Родине нашей любимой, разворванной, проданной. О народе нашем, горемычном, выходящемся... (Наталья Советная, В поиске сокровища).

РАЗУМНАЯ

Прощай, моя странная и наверное разумная Родина. Впереди у меня КОМКОН-2, я понимаю, насколько важен контроль над нашим экспансивным и иногда ошибочным развитием и понимаю, что могу принести пользу в этом деле (Илья Веденский, Полуденные тени).

РАЗРУШЕННАЯ

Крестьянство любит интеллигенцию своей страны Оно не мыслит строительства разрушенной родины без участия людей науки и интеллигентного труда (Г. Грачёв, К вопросу о роли крестьянства в России / «Вестник крестьянской России», № 12, 1927 г.).

РАННЯЯ. См. светлоосенняя родина.

РАСКОЛОТАЯ

Я получил множество телеграмм, писем, адресов со всех концов белой России и из стран расселения зарубежной эмиграции – от отдельных лиц, обществ, групп, правителей и военных начальников. Все эти обращения свидетельствовали, как сильно жаждало русское общество объединения расколотой Родины и... как высоко котируется на бирже мирской суеты власть, отказ от которой или самоограничение вменяются человеку в подвиг (А. И. Деникин, Очерки русской смуты).

РАСПЯТАЯ

Письмо 25 [1917 г.]. Русскому ветерану, оплакивающему свою распятую родину: «Но, когда ты говоришь о русской беде, не забывай, что угнетатели, а не угнетённые – сейчас самые несчастные существа на Русской земле. Жалей их, не осуждай. Ибо иссохнут, яко трава, один за другим стираясь из памяти, уходя от власти. Они подёнщики Божии, хотя сами того не ведают. Они льют воду на Христову мельницу: понося Его, они на Него работают. Не дано им пока это видеть, но когда они исчезнут, как тени, тогда увидят и возрыдают горько, ибо ничего, кроме проклятия, им не останется (Святитель Николай Сербский).

РОДИМАЯ

И солнцем ты, Италия, светла, / и морем ты, Италия, прекрасна. Но, будь добра, / шарманщику не снись, / так властен в нём зов твоего соблазна, / так влажен образ твой между ресниц. / что он – о, ужас! – в дальний путь собрался. Не отпускай его, земля моя! Будь он неладен, странник одержимый! В конце концов он доведет меня, / что я рожусь вне родины родимой (Б. А. Ахмадулина, Моя родословная).

РОДИНА-ВДОВИЦА

☐ Кто пречист и слухом золот, Злым безверьем не расколот, Как берёза острым клином, И кто жребием единым Связан с родиной-вдовицей, Тот слезами на странице Выжжет крест неопалимый И, таин-

ственно водимый По тропинкам междустрочий, Красоте заглянет в очи – Светлой девушке с Поморья (Николай Клюев, Песнь о великой Матери).

РОДИНА-ДЕВУШКА

■ О, как я девушек русских прохаю / говорить любимым губы в губы / задыхающиеся «кохаю» / и понятнейшее слово – «любый». И, звёзды прохладным монистом надевши, / скажет мне девушка: / боязно всё. Моя несказанная родина-девушка / эти слова произнесёт (М. В. Кульчицкий, Губы в губы).

РОДИНА-ЗЕМЛЯ

■ Вот с тобой мы снова на побывке На далёкой родине-земле. Перед нами мутные опивки В неуклюжих кружках на столе. Где мы это? Верно на вокзале? Все спешат, повсюду грязь и пыль... Хорошо, что мы с собою взяли В дальний путь заветную бутыл! (Д. И. Кленовский, На побывке).

РОДИНА-МАМА

■ И звалась она [страна] радостно Родиной-мамой, Как звучало торжественно: эС-Сэ-Сэ-эР... (Наталья Советная, Судьба).

РОДИНА-МАТУШКА

■ Уже после смерти бабы Дуни, родственники обнаружили такие слова: «...Незабываемая Родина-матушка, Россия берёзовая! В 75 лет я тебя бросила. Сейчас мне – 88. Прости меня!..» (Егор Дубинин, История одной судьбы).

РОДИНА-МАТЬ

■ Так пусть же пред жизнью бессмертной вашей / на этом печально-торжественном поле / вечно склоняет знамена народ благодарный, / Родина-мать и город-герой Ленинград (О. Ф. Берггольц, «Здесь лежат ленинградцы...»).

РОДИНА-ЛАСТОЧКА

Война, а на сердце капитана – Ворошиловский: Мамина забота,

Встречи с восьми... Родина-ласточка, косые крылышки, С кровью и мясом и меня возьми! (В. И. Нарбут, Капитан Воронихин / Воспоминания о Сочи-Мацесте).

РОДИНА-МАЧЕХА

■ И когда, покидав чемоданы, я чудом / впрыгнул / в дёрнувшийся вагон и взглянул назад, / всё, что теменью было: пальмы, вокзал и / море, – всё горело, брачным пульсировало огнём. Что же всё это: родина-мачеха – дом на / сваях – / мамалыга с сыром – падающий зик-курат / с изваянием идола – дальше – гремящий / хаос – дальше! дальше! – пороховые зарницы в / окне?.. (О. Г. Чухонцев, «Южной ночью, один на пустом перроне...»).

РОДИНА-НЕВЕСТА

Моя славянская звезда, Узорная и избяная, Орлицей воспарив из рая, Скатилась на птичий двор, Где властелин – корявый сор С помётом – закорузлым другом, Кукареку и крики цугом От перегноя до нашеста... Меж тем как Родина-невеста Рядно повыткала из стали! (Н. А. Клюев, Письмо художнику Анатолию Яру).

РОДИНА-ОСТРОГ

■ Шевельнулись затхлые губернии, Заметались города в тылу. В уцелевших храмах за вечернями Плачут ниц на стершемся полу: О погибших в битвах за Восток, Об ушедших в дальние снега И о том, что родина-острог Отмыкается рукой врага (Д. Л. Андреев, Беженцы).

РОДИНА-ПОЧВА. См. родина-земля.

РОДИНА-РОССИЯ

■ Кругом гремит «ура»! Люди метались в исступлении, чтобы приложиться к портрету, эмблеме далекой Родины-России (П. Н. Краснов, Тихие подвижники).

РОДИНА-РУСЬ

■ Раскосая гнусь, Воровская ладонь... – Эх, Родина-Русь, Нераскаленный конь! (М. И. Цветаева, Ханский полон).

РОДИНА-СВЯТЫНЯ

■ Вот спаслись мы, обсушились... Кто-то Накормил и предоставил труд. Первая отхлынула забота, Но другие тотчас подойдут. Да, в тепле, но всё ж мы на чужбине! Медленные шествуют года. Может быть, от Родины-святыни Оторвали всех нас – навсегда! (Арсений Несмелов, Поэма о России).

РОДНАЯ

Земля жирна, колхозный сев начался, И от усталости сам трактор закачался. Мария Демченко за книгой тоже знает – Сияет в севе родина родная! (Т. В. Чурилин, «По линии и по бокам бульвара...»).

САМАЯ БОГАТАЯ

Δ Помню: осень стоит неминуемая, / восемь лет мне, и за руку – мама: «Наша Родина – самая лучшая / и богатая самая» (Светлана Сырнева, Прописи).

САМАЯ ВОЛЬНАЯ

Δ И споёт во все хилые ребра / октябрятский мой класс бритолобый: «Наша Родина самая вольная, / наша Родина самая добрая» (Светлана Сырнева, Прописи).

САМАЯ ДОБРАЯ. См. самая вольная Родина.

САМАЯ ЛУЧШАЯ. См. самая богатая Родина.

САМАЯ СВЕТЛАЯ

Δ Лавка низкая керосинная / на минуту укроет от ветра. «Наша Родина самая сильная, / наша Родина самая светлая» (Светлана Сырнева, Прописи).

САМАЯ СИЛЬНАЯ. См. самая светлая Родина.

СВЕТЛАЯ

Приветствую светлую Родину... Грядущий её коммунизм, Труд, и любовь и смородину, Приветствую я ленинизм! (Н. М. Рубцов, «Приветствую светлую Родину...» / черновик).

СВЕТЛООСЕННЯЯ

Плыву «из варягов» и, стало быть, «в греки» По родине светлоосенней и ранней, По родине, где каждый камень изранен, По родине, город вплетающей в сёла, То с грустной жалейкой, то с дудкой весёлой, По родине, вымытой дождичком спелым, По родине славной, разумной, умелой, По родине проклятой, с вечною драмой, Все мимо церковей да костелов и храмов, По краснорябиновой, горькопопынной, Вдоль брошенных нив и забытого млына, По родине пущ и тени-

стых излучин, По родине слёзной, болючей, горючей... (Валентина Поликанина, Отъезд).

СВОБОДНАЯ

Свети мне, солнышко, Свети На мною избранном пути И освещай красу Полей Свободной родины Моей! (С. Д. Дрожжин, «Свети мне, солнышко...»).

СВЯТАЯ, –а

Когда моего сына Боричку привезли раненого, он стонал и рыдал, – это для господ атаманов ничего не значит, а я всю свою жизнь и средства отдавала для Родины святой (Виктор Лихоносов, Ненаписанные воспоминания / Наш маленький Париж).

СВЯТАЯ СТРАДАЛИЦА

■ То образ Родины, страдальцы святой, Его очам испуганным явился... Он зарыдал, увидев кроткий лик, Истерзанный нуждою и кручиной, Увидев кровь её глубоких ран! (П. Ф. Якубович, Меч и лира).

СВЯЩЕННАЯ

Покинув рощи родины священной И дом, где Муза Плача изнывала, Я, тихая, весёлая, жила На низком острове, который, словно плот, Остановился в пышной невиской дельте (А. А. Ахматова, «Покинув рощи родины священной...»).

СЕВЕРНАЯ

Жизнь никогда сама не переступит своих границ. Заражённые птицы, падая, всё равно летят весной через моря на чадные просторы северной родины. Природа не изменит своему закону и не предаст его (В. В. Биbihин, Свои и чужие).

СЕЛЬСКАЯ

Милая сельская родина, Край опустевший степной, Ягоды спелой смородины, Чай заварной, травяной, Домик в деревне заброшенный, В речке задумчивый плёс... Мне незабытое прошлое Душу тревожит до слёз (Иван Тимченко, Сельская родина).

СИЛЬНАЯ

□ Родина – сильная, ласковая, мужественная – приняла Павлика в тесных пространствах «Пионера». Она вдохнула в него новые чувства, вызвала в нем страстную жажду быть достойным её, горячее желание подражать и быть похожим на её лучших сынов, к которым он попал (Григорий Адамов, Тайна двух океанов).

СКВОЗНАЯ

Дождик в сено скучно моросит, / родина сквозная, и осин / красно-бурый, сонный перезвон (Л. Л. Аронзон, «За гряды гористых облаков...»).

СКОРБНАЯ

Нам ждал впервые грудь не женских ласк восторг Не сладкий трепет страсти новой, И первую слезу из детских глаз исторг Не взгляд красавицы суровой. Над скорбной родиной скорбевшие уста Шептали первые признанья; Над трупом дорогим товарища-борца Звучали первые рыданья... (Н. М. Минский, Песни о родине).

СКОРБЯЩАЯ

Та голова, большая и седая, Что над скорбящей родиной застыла, – Её пронёс, храпя и приседа, Ингушский конь, роняя в Терек мыло (М. А. Тарловский, Вождь и поэт).

СКРОМНАЯ

Всем хватит лет и дней, чтобы наглядеться и налюбоваться нашими красотами, чтобы сказать: «Как хороша моя скромная родина, что зовётся прекрасным именем – Беларусь!» (Ирина Шатырёнок, Человек с улицы Литературной).

СКУДНАЯ

Нет у нас чудесных и особенных, и они такие же, как мы, / дети той же скудной родины, / узники одной тюрьмы (М. М. Шкапская, «Под шагами тяжкими и важными...»).

СЛАБАЯ. См. глупая родина.

СЛАВНАЯ

Да здравствует наша славная Родина, её свобода, её независимость! (И. В. Сталин, Речь на параде Красной Армии на Красной площади в Москве 7 ноября 1941 года).

СЛЁЗНАЯ

Плыву «из варягов» и, стало быть, «в греки» <...> По родине пущ и тенистых излучин, По родине слёзной, болючей, горячей (Валентина Поликанина, Отъезд).

СМИРЕННАЯ

На тройке пренесенный Из родины смиренной В великой град Петра, От утра до утра Два года всё кружился Без дела в хлопотах... (А. С. Пушкин, Городок).

СМОЛЕНСКАЯ

Еду незабытыми местами. Новые посёлки вижу я. Знаешь ли сама, какой ты стала, Родина смоленская моя! (А. Т. Твардовский, Смоленщина).

СНЕЖНАЯ. См. зябкая родина.

СОБСТВЕННАЯ

Грустная вещь вспоминать, как тебя лишали твоей собственной родины, её лица, музыки, родной речи, веры, а в сущности, и самого детства, превратив в посмешище и чучело, да ещё увековечив это превращение в детской газете с её многомиллионным тиражом (Алексей Варламов, Купавна).

СОВЕТСКАЯ

И врага ненавистного Крепче бьёт паренёк За советскую родину, За родной огонёк (Михаил Исаковский, Огонёк).

СОГБЕННАЯ

Нам навстречу согбенная Родина / в плате кричащем Тяжко полные вёдра / несёт по росистой тропе (Константин Скворцов, «Заливные луга, голубые низины да кручи...»).

СОЛНЕЧНАЯ

Захолонуло сердце От горя и боли: Над солнечной родиной Лютая ночь. И сёстры в полоне, И братья в неволе, И горькому горюшку Нечем помочь! (Игорь Григорьев, Во тьме).

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ

– Товарищи бойцы, наша армия одержала великую победу на западных фронтах. Теперь настал наш черёд. В интересах социалистической Родины Красная армия примет решительные меры, чтобы навсегда уничтожить опасный плацдарм близ наших границ (Наталья Советная, «Как из нашей из деревни...»).

СПЕЛАЯ

О родине спелой отпеты не все / шуршащие песни – косцу и косе / ещё величальной не ныли. Когда мы вступаем в рассветную мглу, / грохочет трамвай, как гранат, на углу, / и в заднем вагоне не мы ли? (О. А. Юрьев, «О медленном золоте нашего дня...»).

СПОКОЙНАЯ

Отличная служба Очень важна! Спокойная Родина Всем нам нужна! (К. А. Токарев, «Искали в стране...»).

СПЯЩАЯ

В колоссальных образах Катерины и старого колдуна Гоголь бесмертно выразил томление спящей родины – Красавицы, стоящей на распутье между механической мёртвенностью и первобытной грубостью (Андрей Белый, Луг зелёный).

СТАРАЯ

В той самой деревне, которая померещилась им ещё в Лозицах, из-за которой Лозищи показались им бедны и скучны, из-за которой они проехали моря и земли, которая виднелась им из-за дали океана, в туманных мечтах, как земля обетованная, как вторая родина, которая должна быть такая же дорогая, как и старая родина (В. Г. Короленко, Без языка).

СТАРИННАЯ

Мы всегда совершаем полёт наш – возвращение наше – на голубую, старинную родину, свои объятия распростёршую над нами. Ты близка нам, родина, голубая, как небо, – голубая, как наши затосковавшие о небе души. Голубое пространство наших душ и голубое небо, нам смеющееся, – одна реальность, один символ, высветяемый зорями наших восхождений и приближений (Андрей Белый, Луг зелёный).

СТЕПНАЯ

В мягких тонах – акварельная зарисовка, а вдумаясь глубже, перед тобой вдруг предстанет щемящая душу в осеннем убранстве картина милой степной родины (Илья Петрусенко, Я вдыхаю ветер воли...).

СТРАЖДУЩАЯ

Я хочу сказать тому, в руки которого могли бы попасть листки моих мемуаров, что я не унываю, не могу пасть духом, т. к. верую в личное бессмертие моего «я», во Христа как в учителя и пример, в существование за гробом моей Катасечки, в силу любви к ближним, в необходимость служить им, т. к. считаю себя ничтожным червем в сравнении не только со светочами духа и гения, но даже и с простыми смертными, бодро и сознательно несущими мимо меня кресты своих жизней к общей Голгофе страждущей нашей Родины (А. В. Жиркевич, Дневник).

СТРАСТНО ЛЮБИМАЯ

Оторванность от горячо, страстно любимой родины, России, жизнь на чужбине больно и резко отразилась на его творческом даре (Олег Михайлов, Об авторе и об этой книге / О книге К. Куприной «Куприн – мой отец»).

СТРАШНАЯ. См. несурзная Родина.

СУМРАЧНАЯ

Но огромна сумрачная родина, Широка Россия, широка: Половодья, поймы да разводины, А над ними – только облака. Переправы,

судры, ледостав, От свечи – пять суток до свечи... Месяцами до иных застав Передачей бешеной скачи!.. (Д. Л. Андреев, Гибель Грозного).

СУРОВАЯ

Когда в листе сырой и ржавой Рябины заалеет гроздь, – Когда палац рукой костявой Вобьёт в ладонь последний гвоздь, – Когда над рябью рек свинцовой, В сырой и серой высоте, Пред ликом родины суровой Я закачаюсь на кресте, – Тогда – просторно и далёко Смотрю сквозь кровь предсмертных слёз И вижу: по реке широкой Ко мне плывёт в челне Христос (А. А. Блок, «Когда в листе сырой и ржавой...» / Осенняя любовь).

СЧАСТЛИВАЯ, –а, –ы

В твоих стихах моё трепещет детство, К счастливой родине припав на грудь. Не ты ли мне поёшь принять наследство И на тропу заветную свернуть, После развеять облака печали, Что сердце мучили и волновали? (Б. А. Садовской, «В твоих стихах моё трепещет детство...»).

Т

ТАИНСТВЕННАЯ

Цой стоял не шевелясь, боясь вздохнуть, не сводя глаз с чудесной раковины. Их здесь тысячи! Может быть, миллионы! Здесь их таинственная родина – возможно, одна из многих. Но где же золотые россыпи? Их не видно вблизи. Откуда же могло попасть золото в кровь этих моллюсков? (Григорий Адамов, Тайна двух океанов).

ТЕРПЕЛИВАЯ. См. просторная родина.

ТИХАЯ

Тина теперь и болотина Там, где купаться любил... Тихая моя родина, Я ничего не забыл (Н. М. Рубцов, Тихая моя родина).

ТОЧНО (как) ПОДМЕНЁННАЯ

Это, как писал мне Нестеров, точно подменённая моя Родина (А. В. Жиркевич. Дневник).

ТРУДОВАЯ

Что с трибуны сказано было, – Стало силой сердец и волю, Стало мощной движущей силой В буднях Родины трудовой! (Н. М. Рубцов, Слава партии).

ТРУДОЛЮБИВАЯ

Десятки лет наша любимая, богатая, многонациональная, дружная, трудолюбивая родина [Украина] сползала вниз. Одни правители сменялись другими – ещё более бездарными, жадными, воспринимающими свой народ, как биомассу. В результате – кризис, преддефолтное состояние экономики, повальная миграция, статус страны «третьего мира». И – война на Донбассе (@).

ТУМАННАЯ

Лети, корабль, неси меня к пределам дальным По грозной прихоти обманчивых морей, Но только не к брегам печальным Туманной

родины моей, Страны, где пламенем страстей Впервые чувства разгорались, Где музы нежные мне тайно улыбались, Где рано в бурях отцвела Моя потерянная младость (А. С. Пушкин, «Погасло дневное светило...»).

ТЮТЧЕВСКАЯ

Когда-то тютчевская родина очаровала любящего поэзию молодого учителя, а потом и он сам возродил эти места, приобщающие каждого человека к общему свету (Светлой памяти В. Д. Гамолина / «Брянский рабочий», 14 сентября 2018 г.).

У

УБОГАЯ

Что ощущалось всего сильнее в образе родины? Её природное, земное бытие: линии ландшафта и воздух родных полей или лесов. Пусть убогая, но милая родина не могла быть вытеснена из души ни мягкостью и живописностью европейских урочищ, ни сладким обаянием юга: это было в крови, сильнее нас. И мы томилась – кто по берёзам и соснам северных сторон – помните? «полюби эту вечность болот – навсегда безысходна их мощь», – кто по суровым просторам степей, по безбрежной Волге и дыханию восточных песков (Г. П. Федотов, Лицо России).

УГНЕТЁННАЯ, –а

○ Угнетена. «Как же это можно быть довольным и счастливым, когда свои земляки страдают? – думает он [Инсаров]. – Как же может человек успокоиться, пока его родина порабощена и угнетена? И какое занятие может быть для него приятно, если оно не ведёт к облегчению участи бедных земляков?» (Н. А. Добролюбов, Когда же придёт настоящий день?).

УГРЮМАЯ

Пётр I, попав из азиатских пагод московского Кремля в низменную равнину Голландии, бредил всю жизнь каналами, верфями и золотыми иглами нидерландских городов. Так какой-нибудь странствующий студизус, поучившийся в чужих краях, всю жизнь мечтает о заморском университетском городе своей молодости. Но на этот раз студент оказался самодержавным деспотом. И он решил воздвигнуть в снегах и болотах своей угрюмой родины новую искусственную Голландию (Л. П. Гроссман, Записки д'Аршиака).

УЖАСНАЯ

О город мёртвый, погребённый! Каналы тёмные твои И ныне кроют вздох влюблённый И слёзы первые любви. В тебе какая скрыта чара? Давно канцона и гитара Не будят сонные мосты, Но так же всех сзыва-

ешь ты Для чистых грёз и неги страстной. Твой ветер освежил мне грудь, Он шепчет мне: «забудь, забудь Виденья родины ужасной И вновь на лире оживи Преданья нежные любви» (С. М. Соловьёв, Венеция).

УМЕЛАЯ

Пльбву «из варягов» и, стало быть, «в греки» <...> По родине, вымытой дождичком спелым, По родине славной, разумной, умелой... (Валентина Поликанина, Отъезд).

УМИРАЮЩАЯ

Ни одного живого «славянофила» сейчас в России не знаю (пардон, кроме Синявского). Есть патриоты умирающей родины – так так надо и говорить, не юля (А. И. Солженицын, Наши плюралисты).

УНЫЛАЯ

В мгле холодной, как могила, Изнемог бы я от слёз! – Но да льётся голос милый Моей родины унылой В шуме ласковом берёз... (С. А. Клычков, «Как не петь и не молиться...»).

УТЕРЯННАЯ

И замолк старик. Юрали же начал ему рассказывать о тех тайнах, которые поведали ему травы и звери, скалы и звёзды. И с грустной улыбкой слушал старик слова далёкой, утерянной родины (Е. Ю. Кузьмина-Караваева, Юрали).

УТРАЧЕННАЯ

Судьбе не крикнешь: «Чур-чура, / не мне держать ответ!» Что было родиной вчера, / того сегодня нет (Борис Чичибабин, Плач по утраченной родине).

УЩЕРБНАЯ

Грешен он и весь в грязи, В шинке пропил разум И над недругом слезы Не пролил ни разу. Только резал, в клочья рвал, На отмщенье щедрый, Пёк кровавый каравай Родине ущербной (С. Г. Стратановский, Гайдамаки).

Х

ХМЕЛЬНАЯ. См. несуразная Родина.

ХОЛОДНАЯ

Там, где впрямь у дороги непройденной / на ветру моя юность дрожит, / где-то близко холодная Родина / за финляндским вокзалом лежит, / и смотрю я в пространства окрестные, / напряженный до боли уже, / словно эти весы неизвестные / у кого-то не только в душе (И. А. Бродский, «За церквами, садами, театрами...»).

ХОРОШАЯ, –а

○ Хороша. – Вы мне нравитесь, сотник. В вас чувствуется, я бы сказал, сила и искренность. Это мне нравится. Давайте выпьем за родину этого дурака и пьяницы. Он, правда, скотоподобен, но родина его хороша (М. А. Шолохов, Тихий Дон).

ХРАБРАЯ

– Не могу оставаться безучастно... безучастным... – густо краснея за свою обмолвку, поправила она вовремя, – когда там, у меня на моей родине, разрушается родной город, наша прекрасная столица Белград... Когда мои братья-сербы проливают свою кровь за свободу нашей храброй, маленькой, героической родины (Л. А. Чарская, Игорь и Милица / Соколята).

Ц

ЦВЕТУЩАЯ

Каждую весну, каждый май, души погибших с полей Польши, Чехии, Германии – отовсюду, устремляются в родные края, чтобы увидеть свою цветущую Родину – за которую отдали свои жизни (@).

Ч

ЧЁРНАЯ

Ныне зима, Космата, студёна, Награждает метельными звуками, Пьяницу обнимая, – В пути усыплён, Замерзает он, сладко забаякан- ный. Что за отрада Гореть в морозной ночи! И звучит и разливается стройно Песней богатою, Хмелен ты и чист – И един с этой родиной чёрной (Ю. Н. Верховский, Прошлого лета)

ЧЁРНАЯ МОНАШКА

■ Занеслися залётною пташкой Панихидные вести к нам. Родина, чёрная монашка, Читает псалмы по сынам. Красные нити часослова Кровью окропили слова. Я знаю, – ты умереть готова, Но смерть твоя будет жива (С. А. Есенин, «Занеслися залётною пташкой...»).

ЧУДЕСНАЯ

На просторах Родины чудесной, Закаляясь в битвах и труде, Мы сложили радостную песню О великом друге и вожде (Алексей Сур- ков, «На просторах Родины чудесной...»).

ЧУДНАЯ. См. бешеная родина.

ЧУДО-РОДИНА

Наберу в кустах я смородины, Поклонюсь тебе, чудо-Родина. Всё ты мне дала, что просила я. Дай же мне теперь друга милого (Алексей Фатьянов, «Хороши в лугах травы росные...»).

ЧУЖАЯ

Нет, вовсе не курорт название этих мест. Край этот милосерд, но я в нём только странник. Гость родины чужой, о горе мне, я – есмь, / но нет убухов здесь и мёртв язык-изгнанник (Б. А. Ахмадулина, «При- шелец, этих мест название: курорт...»).

ЧУЖБИНА-РОДИНА

■ Нам и родина – чужбина, Всюду путь и всюду цель. Нам без-

вестная долина – Как родная колыбель. Шепчут горы, лаской полны: «Спи спокойно, кончен путь!» Шепчут медленные волны: «Отдохни и позабудь!» (Д. С. Мережковский, Чужбина-родина).

ЧУЖДАЯ

Солнце почти вошло в зенит, и он по примеру Эданэля приложил ко лбу руку козырьком. Стремительно приближалась чужая и чуждая родина, на первый взгляд совсем негостеприимная (Алина Илларио- нова, Клинки Севера).

ЧУЖДАЯ ЖИЗНИ

Пойми – это сон был свободы, Пускай и короткий. Ты прожил все долгие годы В плену, за решёткой. Ты рвался к далёкой отчизне, Любя и страдая. Есть родина, чуждая жизни, И вечно живая (З. Н. Гиппиус, Родина).

ШАЛАЯ. См. крылатая родина.

ШИРОКАЯ

Катя! Есть на свете только одна Катя; объездите свет, вы её не встретите больше: вы пройдёте поля и пространства широкой родины нашей, и далее: в странах заморских будете вы в плену чернооких красавиц, но то не Кати; вы пойдёте на запад от Гуголева – прямо, всё прямо; и вы вернетесь в Гуголево с востока, из степей азиатских: только тогда увидите вы Катю (Андрей Белый, Серебряный голубь).

ШИРОКОСКУЛАЯ

Дребезг подымается над щепнем, Скрежетом по рощам, по лесам. Точно кто вгрызающимся гребнем Разом – по семи моим сердцам! Родины моей широкоскулой Матерный, бурлацкий перегар, Или же – вдоль насыпи сутулой Шёпоты и топоты татар (М. И. Цветаева, «Слёзы – на лице моей облезлой!..»).

ШУМНАЯ

Когда-нибудь, болливый умник, / среди знакомств пройдёт зима, / когда в Москве от узких улиц / сойду когда-нибудь с ума, / на шумной родине балтийской / среди худой полувесны / протарахтят полуботинки / по лестнице полувойны, / и дверь откроется (И. А. Бродский, «Когда-нибудь, болливый умник...»).

ЩЕДРАЯ

Байкал. А сколько тайн хранят глубины озера? И, может быть, одна из них – про клад Чингисхана, который ищут уже не одно столетие. И все это – моя родная, необъятная, щедрая, богатая Родина (А. А. Костылёва, Каждый край по-своему хорош).

ЩЕРБАТАЯ

Хоть и у тебя немало мокрых / свежих рощ – лишь щёки утирай, – / я тебя не славлю, / курский округ, / соловьиный край. Что мне вспомнить? Чем меня дарила / родина щербатая моя? Рытые да траченные рыла – / пьяные дядья да кумовья (Н. Н. Асеев, Курские края).

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ

Но с публицистикой всё обошлось. На крыльях славы ее занесло в провинциальную Америку, которая ей сильно не нравилась все десять лет, что она там кормилась. «Опять лечу на мою экономическую родину», – с почти искренней горечью сообщала она на Кости-Клавиной кухне, и, подготовив себе новую отечественную почву яркой бранью западного экономического рая, она вернулась, только приумножив свою известность (Ольга Новикова, Мне страшно, или Третий роман).

ЭТНИЧЕСКАЯ

Существенные изменения в этноструктуру Украины внесло массовое возвращение на этническую родину депортированных крымских татар (Виктор Котигоренко, Динамика этнического состава / «Родина», 1999).

ЮЖНАЯ

Сегодня напомнила о себе полузабытая южная родина – пришла новогодняя телеграмма от пылкого юного земляка (Леонид Зорин, Глас народа).

Я

ЯСНАЯ

И уже не снится, А совсем рядом Солнечная, ясная Родина Богоматери. Древняя Галилея, Из тьмы времён Свет твой немеркнущий К нам доходит. Неугасимый огонь Раздувает разум (Лев Тарасов, Праздники Богородицы).

ЯСНОЗВЁЗДНАЯ

Родина моя яснозвёздная, Ты и боль моя, и любовь моя (А. Б.).

В данном фрагменте словаря зарегистрировано
384 эпитета (тропы и логические определения).

Об авторах

Андреев Анатолий Николаевич родился в 1958 г. в г. Североуральске Свердловской обл. Литературовед, культуролог. Член Союзов писателей Беларуси, России, Союзного государства, член Президиума Общественной Палаты Союзного государства. Доктор филологических наук, в настоящее время – профессор кафедры педагогики и психологии профессионального образования ФГБОУ ВО МГУТУ им. К. Г. Разумовского (ПКУ). Автор 300 научных публикаций, в том числе монографий «Целостный анализ литературного произведения», «Культурология», «Психика и сознание: два языка культуры», «Теория литературы», «Персоноцентризм в классической русской литературе XIX в.», «Лишний Пушкин» и др. Автор 13 опубликованных романов («Легкий мужской роман», «Маргинал», «Для кого восходит Солнце?», «Халатов и Лилька», «Срединная территория», «Игра в игру», «Всего лишь зеркало...», «Авто, био, граф и Я» и др.), книги рассказов «За буйки», книги повестей «Вселенная не место для печали», книги стихов «Сквозь Млечный Путь – железная дорога», пьес. Живет в Москве.

Бесперстых Анатолий Павлович родился 11 ноября 1942 г. в с. Черкасы Елецкого р-на Липецкой обл. Лексикограф-русист, поэт. 40 лет преподавал русский язык и литературу в учебных заведениях России и Беларуси. Член Союза писателей России, СП Союзного государства России и Беларуси и Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь». Автор 20 стихотворных сборников. Более полувека работает в области литературоведения и русской лексикографии. В издательствах Союзного государства вышло более 60 литературных и тематических словарей, подготовленных им. Награждён литературными медалями Игоря Григорьева и Николая Рубцова. Живёт в г. Новополоцк (Беларусь).

Довыденко Лидия Владимировна родилась в дер. Хомичи Быховского р-на Могилевской обл. Кандидат философских наук, секре-

тарь Союза писателей России, главный редактор художественно-публицистического журнала «Берега». Прозаик, публицист, краевед, общественный деятель. Автор 22 художественных, историко-краеведческих, публицистических книг, ряда телевизионных фильмов. Публиковалась в ведущих литературных журналах и альманахах, победитель и лауреат конкурсов журналистского и литературного мастерства. Живёт в Калининграде.

Зайцева Ирина Павловна родилась в с. Поной Саамского р-на Мурманской обл., в семье военнослужащего. Доктор филологических наук (Республика Беларусь, Российская Федерация, Украина), профессор (Республика Беларусь, Украина). Заведующая кафедрой мировых языков Витебского государственного университета им. П. М. Машерова; профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Луганской государственной академии культуры и искусств имени М. Матусовского, с 2011 г. – действительный член Академии педагогических и социальных наук (Москва), с 2019 г. – академик Международной академии наук педагогического образования.

Автор около 300 научных публикаций, среди которых 3 монографии. Сфера научных интересов – разноаспектное исследование драматургической речи, преимущественно в современных драматургических дискурсах; изучение художественной речи в дискурсах различных типов и жанров; коммуникативная стилистика художественного текста и коммуникативная лингвистика; этнолингвистическая и лингвокультурологическая проблематика, в частности – лингвокультурные основы перевода.

Член редакционных коллегий: научного издания «Учёные записки УО «ВГУ им. П. М. Машерова»», электронного научного журнала «Вестник Московского государственного областного университета»; сборника научных трудов «Русская словесность как основа возрождения русской школы» ФДБУ ВПО «Липецкий государственный университет»; научного издания «Восточнославянская филология» ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков».

Награды: Почётная грамота Министерства образования и науки Украины (2007); Почётная грамота Луганского областного совета и Луганской областной администрации (2007); медаль «За труды в про-

свещении» Российско-украинского гуманитарного союза (2009), медаль «За заслуги перед Луганщиной» III степени (2010); Почётная грамота главного управления Государственной службы Украины (2010); почётный знак Министерства образования и науки Украины «За наукові досягнення» (в переводе: за научные достижения – 2011).

Захарова Виктория Трофимовна родилась в г. Конотопе Сумской обл. (Украина). Доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной филологии Нижегородского государственного педагогического университета им. Козьмы Минина. Директор научно-образовательного центра «Аксиология славянской культуры». С 2014 г. – член Комиссии эмигрантологии славян Международного комитета славистов (г. Ольштын, Польша). Область научных интересов – русская литература XIX–XX вв.; «Серебряный век» русского искусства; литература Русского Зарубежья; взаимосвязь литературы и религии, литературы и философии; онтологическая поэтика, мифопоэтика; аксиология славянских культур. Опубликовано около двухсот научных и учебно-методических работ, в том числе монографии об импрессионизме в русской прозе «серебряного века», о творчестве Ив. Бунина, Б. Зайцева, И. Шмелева, Л. Зурова (в соавторстве с А. Громовой), В. Розанова, М. Горького, универсалиях в русской литературе. Награждена: нагрудными знаками отличия «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации» (2001); «Государственный музей А.М. Горького» (2007) и «Серафимовский учитель» регионального конкурса Благотворительного фонда преподобного Серафима Саровского (2012); дипломами лауреата Премии Нижегородской области им. А. М. Горького за 2010 г. в номинации «Культурно-просветительская деятельность» (2010) и лауреата педагогической премии; Архиерейскими грамотами архиепископа Нижегородского и Арзамасского Георгия (2011, 2018); благодарственным письмом Законодательного собрания Нижегородской области (2011).

Иванов Геннадий Викторович родился в 1950 г. в г. Бежецке Тверской обл. Детство начиналось в деревне, в начальную школу ходил в бывший барский дом имения Слепнёво, где когда-то жили и

творили Николай Гумилёв и Анна Ахматова. Потом семья переехала в Кандалакшу на Кольский полуостров – там жили в бараке на берегу Белого моря, там окончил школу, оттуда уходил в армию, в арктическое плавание, там работал в районной газете и начал писать стихи. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Автор десяти книг стихов. Написал три книги очерков о своей малой родине «Знаменитые и известные бежечане». Председатель исполнительного комитета Международной литературной премии имени Сергея Есенина «О Русь, взмахни крылами...». Лауреат нескольких литературных премий, в том числе премии им. Ф. И. Тютчева «Русский путь». Первый секретарь Союза писателей России. Живёт в Москве.

Казанцева Ирина Александровна родилась в г. Комсомольске-на-Амуре. Окончила Калининский (ныне Тверской) государственный университет. В 1994 г. защитила кандидатскую диссертацию «Проза Л. И. Бородина: проблематика и поэтика», в 2011 г. – докторскую диссертацию «Православная аксиология в русской прозе XX–XXI веков». Доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью Тверского государственного университета. Область научных интересов: русская литература XX–XXI веков, художественные стратегии современной отечественной литературы, связи с христианской традицией русской словесности, журналистики и педагогики. Автор более 150 печатных работ в отечественных центральных («ВЛАДОС», «Московский лицей», «Индрик», «Петрополис», РАО, РАН и др.) и зарубежных изданиях. Автор 5 монографий (одна – коллективная).

Кокосов Виктор Николаевич родился 28 августа 1963 г. в Ленинграде. Член Союза писателей России (Санкт-Петербургское отделение), прозаик, публицист. Правнук известного до революции писателя Владимира Яковлевича Кокосова (1845–1911), автора книги «Рассказы о Карийской каторге» (из воспоминаний врача), вышедшей в Санкт-Петербурге, в издательстве журнала «Русское богатство» в 1907 году.

Автор четырнадцати книг художественной и художественно-документальной прозы о героическом прошлом нашей Родины, героях

Великой Отечественной войны и битвы за Ленинград, кругосветных мореплавателях. Лауреат многих всероссийских и международных литературных премий и конкурсов.

Коростелёва Валентина Абрамовна родилась в г. Кирове (Вятка), окончила Литературный институт им. А. М. Горького. Стихи, а позднее рассказы и очерки о русских писателях публиковались во многих «толстых» и «тонких» журналах, звучали на радио. Изданы 22 книги, из них 13 поэтических (в том числе в Болгарии. Член Союза писателей России, лауреат Международных литературных конкурсов имени Андрея Платонова, «Добрая лира», «Литературная Вена», «Слово – 2017», а также им. Фёдора Тютчева и Андрея Белого. Заслуженный работник культуры РФ. В настоящее время живёт в подмосковной Балашихе.

Леонов Иван Сергеевич родился в 1981 г. Окончил филологический факультет Московского педагогического государственного университета. В 2006 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Поэтика русской эпиграммы 18 – начала 19 века». С 2003 г. по настоящее время – ассистент, старший преподаватель, доцент кафедры мировой литературы Московского государственного института русского языка им. А. С. Пушкина, заместитель декана филологического факультета по учебной работе. Публиковался в журналах «Русский язык за рубежом», «Вестник славянских культур», «Новый филологический вестник», «Проблемы исторической поэтики» и др. Опубликовал 2 монографии, 3 учебных пособия, более 50 статей. Сфера научных интересов: проблемы поэтики русской литературы XIX века, православие и литература, современная православная художественная литература.

Румянцев Андрей Григорьевич родился в рыбацком селе Шерашово на Байкале. Окончил Иркутский университет. Автор многих поэтических, прозаических и литературоведческих книг, опубликованных в Москве и сибирских городах. В издательстве «Молодая гвардия», в популярной серии «ЖЗЛ», вышли его книги о драматурге Александре Вампилове и прозаике Валентине Распутине, вместе с

которыми он учился в университете. Народный поэт Бурятии, заслуженный работник культуры России. Действительный член Петровской академии наук и искусств.

Скоков Александр Георгиевич родился в 1944 г. на Северном Кавказе. Окончил Московский полиграфический институт, Хабаровскую школу плавсостава. Жил на Чукотке, Колыме, работал на береговой радиостанции в Магадане, около 20 лет – радионавигатором в Арктике на трассе Северного морского пути. Член Союза писателей СССР с 1984 г. Член Высшего творческого совета СП России. Автор многих книг прозы и публицистики. Лауреат премии правительства С.-Петербурга, премии им. маршала Л. А. Говорова и др.

Советная Наталья Викторовна – кандидат психологических наук, поэт, прозаик, публицист, литературный критик. Автор 15 книг поэзии, прозы, публицистики, изданных в России, Беларуси, Сербии. Многие стихи переведены на белорусский, украинский, английский, сербский языки. По поэтическим и публицистическим произведениям Н. Советной лексикографом А. П. Бесперстых составлены три словаря эпитетов. Победитель и лауреат республиканских, всероссийских и международных литературных конкурсов, в том числе Всероссийской премии А. К.Толстого (2016), Международного литературного форума «Золотой Витязь» (2019). Член Союза писателей России, СП Беларуси, СП Союзного государства. Председатель оргкомитета Международного конкурса лирико-патриотической поэзии им. поэта и воина Игоря Григорьева (1923–1996) и литературных чтений И. Григорьева в ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом).

Сытник Вера Владимировна родилась в г. Комсомольск-на-Амуре. Окончила Омский государственный университет (филологический факультет). Автор семнадцати книг (одна из них – публицистика «Очарование и сила слова») для детей и взрослых. Роман «Гражданин Гр» и сборник рассказов «Миллениум» выпущены по программе «Новые имена в современной литературе». Публиковалась в газетах «Забайкалец», «Валуйская звезда», «Трудовая слава», в журналах «Южная звезда» (Ставропольский край), «Перспект» (Москва),

«Союз писателей» (Новокузнецк), «ЛитОгранка» (Новокузнецк), в альманахах «Наше слово» (Ростов-на-Дону), «Параллели» (Самара), «Время» (Ессентуки). Победительница в Международном конкурсе «Мой аленький цветочек-2018» (Самарская региональная организация РСПЛ). Сборник «Пасхальные сказки, рассказы» удостоен Диплома IX Международного Славянского литературного форума «Золотой Витязь», а повесть «Наполняется душа благодарью» – Золотого диплома и Специального приза «Дорога к храму» от Издательского совета РПЦ (2018). Сборник «Рождественские сказки» удостоен Золотого диплома X Международного Славянского форума (2019). Член ТОДАР (Творческое объединение детских авторов, Москва). Живёт в г. Яньтай (Китай).

Ясникова Татьяна Викторовна родилась в с. Кабанск Кабанского р-на, Республика Бурятия. Окончила факультет теории и истории искусства Академии им. И. Е. Репина в Петербурге. Работала в иркутском литературно-художественном журнале «Сибирь». С 2002 по 2011 г. заведовала ИГОО «Бюро пропаганды художественной литературы», была главным специалистом по связям с общественностью и организацией мероприятий ОГАУ «Иркутский Дом литераторов». Член Союза журналистов России с 2000 г., Союза писателей России с 2001 г. Работает в разных жанрах. Председатель правления Иркутской областной писательской организации с 2014 г. Дважды награждалась серебряными медалями фестивалей ЛиФФТ в Сочи и Тюмени за рассказы и критическую статью (2018, 2019), Бронзовым Витязем в Пятигорске за книгу о художнике Василии Сурикове (2019), Почетной грамотой губернатора Иркутской области (2015).

Содержание

Часть I

Анатолий Андреев Страх и радость – два полюса в литературе.....	7
Лидия Довыденко Вера в русской литературе.....	15
Ирина Зайцева Концептуализация и вербально-образное оформление состояния <i>надежды</i> в женской лирике о современной войне....	22
Виктория Захарова Мотив колокольного звона в литературе и живописи «серебряного века».....	36
Ирина Казанцева Надежда и радость в концепции мира и человека современных русских писателей.....	48
Иван Леонов Приходская проза начала XXI в.: основные аспекты изучения..	57

Часть II

Геннадий Иванов Поэт радости Василий Казанцев.....	69
Виктор Кокосов Поэтической строкой – мужество и слава.....	78

Валентина Коростелёва «Под горячим светилом Победы...» (Юрий Беличенко).....	104
«Я знаю о многом. Я помню. Я смею...» (К 110-летию со дня рождения Ольги Берггольц).....	115

Андрей Румянцев «Нет, жизнь меня не обделила...».....	125
--	-----

Александр Скоков «Озаренье. Смиренье. Прощенье».....	147
---	-----

Наталья Советная «В житейском море ко Христу прибиться» (О книге избранных стихов Геннадия Иванова «Надо жить»).....	150
«Глубокое предвосхищение чуда...» (О книге Алексея Гушана «Вкруг солнца»).....	159

Вера Сытник Творчество как духовный камертон (О книге Нatalьи Советной «Угадывай любящим сердцем»).....	164
---	-----

Татьяна Ясникова «Мы грезили мирным днём...».....	174
--	-----

Приложение

Анатолий Бесперстых Родина в русских эпитетах (Фрагменты словаря).....	185
---	-----

Об авторах.....	267
-----------------	-----

Слово. Отечество. Вера

Выпуск 3

Материалы 4-й Международной научной конференции,
посвященных памяти поэта и воина Игоря Николаевича Григорьева
(2020 г., Санкт-Петербург, Пушкинский Дом)

Составитель Н. В. Советная

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ «О защите
детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»
книга предназначена для читателей старше 16 лет

Редактор М. Е. Устинов

Оформление обложки Д. Г. Рыбалтович

Подписано в печать 00.00.2020 г.

Формат 84×108/32. Гарнитура Arno Pro

Бумага офсетная. Печать офсетная

Печ. л. 17,25. Тираж 200 экз. Заказ № 00

Отпечатано в типографии «Политехника-сервис»
с оригинал-макета заказчика

190005, Санкт-Петербург, Измайловский пр., 18-д